ISSN 1994-2400

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

№ 7

2009

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2009. № 7

Издается с 2004 года

ЕКАТЕРИНБУРГ
Издательство Уральского университета
2009

Редакционная коллегия

Главный редактор

А. К. Матвеев (Екатеринбург)

Заместители главного редактора

Е. Л. Березович (Екатеринбург),
М. Э. Рут (Екатеринбург)

Ответственный секретарь

Л. А. Феоктистова (Екатеринбург)

Члены редколлегии

М. В. Голомидова (Екатеринбург), *Н. В. Васильева* (Москва),
А. Ф. Журавлев (Москва), *Н. В. Кабинина* (Екатеринбург),
И. И. Муллонен (Петрозаводск), *Е. Н. Полякова* (Пермь),
В. И. Супрун (Волгоград), *С. М. Толстая* (Москва),
К. Хенгст (Лейпциг, Германия)

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2009
© Уральский государственный университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Васильев В. Л. Архаическая топонимия с префиксом *по-/па-* на Русском Северо-Западе..... 5
Кабинина Н. В. Субстратная гидронимия бассейна реки Немнюга (Мезенский район Архангельской области)..... 14
Алпатов В. В. Признак ‘предназначение‘ в церковных названиях полей средневековой Англии..... 21
Иванова Е. Э. К составлению маршрутного топонимического словаря..... 28
Ефименко И. В. Мужские именования черниговцев и новгородцев в памятниках письменности XVII в... 36
Бардакова В. В. «Говорящие» имена в детской литературе..... 48
Фомин А. А. Всегда ли «литературная ономастика» тождественна «поэтической ономастике»?..... 57

СООБЩЕНИЯ

Коларжик Й. Легенда и реальность в названиях деревень в окрестностях курорта Лугачовице..... 68
Шилов А. Л. Еще раз о названии реки *Выг*..... 74

МАТЕРИАЛЫ

Назаров А. И. Именник старообрядцев-поповцев земли уральского казачьего войска..... 81

ТРИБУНА ОНОМАТОЛОГА

Матвеев А. К. Тенденции и практики в современной российской урбономинации.....100

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы.....106

VI Всероссийская научная конференция «Проблемы общей и региональной ономстики» (*Ф. Ш. Пашаева*, *И. А. Нефляшева*).....106
II Байкальская международная ономастическая конференция (*С. В. Шойбонова*).....109
XI Международная научно-практическая конференция «Ономастика Поволжья» (*Р. В. Разумов*)..... 112
Краткая информация.....115

Рецензии.....117

Летова И. А. Рец. на: Горпинич В. А. Антропонимия древнегреческого языка.....117
Плотников С. С. Рец. на: Скуридина С. А. Поэтика имени у Ф. М. Достоевского.....125

Книжная полка.....125

Новые диссертации по ономастике.....137

Памяти ушедших.....140

CONTENTS

ARTICLES

Vasiljev V. L. Archaic toponymy with prefix *po-/pa-* on the North-West of Russia..... 5
Kabinina N. V. Substratum hydronymy in the basin of the river Niemniuga (Mezensky district of Arhangelskaja region)..... 14
Alpatov V. V. Component 'use' in the church field-names of Medieval England..... 21
Ivanova Y. E. On composition of the route toponymic dictionary..... 28
Yefimenko I. V. Male names of the inhabitants of Chernigov and Novgorod in the written language monuments of XVII century..... 36
Bardakova V. V. "Speaking" names in literature for children..... 48
Fomin A. A. Is "literary onomastics" always identical with "poetical onomastics"?..... 57

REPORTS

Kolarzhyk J. Legend and reality in the names of the villages around health resort Lugachovitse..... 68
Shilov A. L. Once again about the name of the river *Vyg*..... 74

MATERIALS

Nazarov A. I. The name-book of the Old-Believers "popovtsy" on the territory of Ural Kazak army..... 81

ONOMATOLOGIST'S TRIBUNE

Matveev A. K. Tendencies and practices in the contemporary Russian urbonomination..... 100

SCIENTIFIC LIFE

Conferences, congresses, symposia..... 106

VI All-Russian scientific conference "Problems of general and regional onomastics" (*F. Sh. Pashaeva*, *I. A. Nieflia-sheva*)..... 106
II Baykal international onomastic conference (*S. V. Shoybonova*)..... 109
XI International theoretical and practical conference "Onomastics of Povolzhye" (*R. V. Razumov*)..... 112
Brief information..... 115

Reviews..... 117

Letova I. A. Review of: V. A. G o r p i n i c h. Antroponymy of ancient Greek language..... 117
Plotnikov S. S. Review of: S. A. S k u r i d i n a. F.M. Dostoevsky's poetics of the name..... 123

Bookshelf..... 125

New dissertations on onomastics..... 137

In memory of the departed..... 140

СТАТЬИ

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2009. № 7

В. Л. Васильев

АРХАИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИЯ С ПРЕФИКСОМ *ПО-/ПА-* НА РУССКОМ СЕВЕРО-ЗАПАДЕ*

The article analyses specific character of Balto-Slavic toponym-forming models ****pa-*** *+ hydronym = oekonym and* ****pa-*** *+ hydronym = hydronym. Place names of given type are registered in the Russian Northwest more often than in other parts of Slavic region. Such names of villages and rivers as* ***Похоловье***, ***Посясье***, ***Пашолонок***, ***Понерлица***, ***Понеретка***, ***Порусья*** *etc. are etymologized in the article.*

Способ образования *nomina propria* различных категорий путем присоединения префикса **pa-* известен в ряде индоевропейских языков – прежде всего в славянских и балтийских, где он остается живым средством, а также, видимо, в иранских (ср. *Памир* < **po-* + основа типа др.-англ. *mears* ‘граница, район, межа’) и анатолийских (ср. *Pa-lykka* ‘житель Ликка, Ликии или Ликаона’) [см.: Иванов, Топоров, 1980, *42–43*]. В славянских и балтийских языках одной из самых продуктивных разновидностей данного префиксального способа выступает структурная топонимическая модель, выражаемая формулой **pa-* + гидроним = хороним. По этой модели путем трансонимизации при помощи балто-славянского префикса **pa-* образуются хоронимы, конкретнее – наименования местности в окрестностях водного объекта, означенного гидронимом (*Поочье*, *Посемье*, польск. *Powiśle*, чеш. *Polabí*, лит. *Panemunė* «Понеманье» и т. п.). Наряду с этой хорошо известной моделью А. П. Непокупный констатировал в балтийских и славянских языках наличие сходной специфической модели деривации названий населенных пунктов от названий близлежащих рек и озер при помощи **pa-* (**pa-* + гидроним = ойконим) [см.:

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08–04–00283а).

© В. Л. Васильев, 2009

Непокупный, 1976, *70–74*]. Продуктивность этой модели сильно разнится в разных языках. Соответствующая ойконимия хорошо представлена в прусской и особенно в литовской ономастике, но редка в латышской и славянской. Так, в Литве отгидронимные названия селений на *Pa-* – самый частотный тип префиксальных производных в ойконимии (тип *Panevėžys*, город на р. *Nevėža*), тогда как в Латвии всего лишь несколько селений носят такие названия. Что же касается обширной территории древней и современной Славии, то подобные ойконимы совершенно спорадичны и производят впечатление реликтовых. А. П. Непокупным собрано не более десятка славянских названий этого типа, обычно с древними историческими фиксациями, чаще на славянском Юге: укр. села *Потелич* (< р. *Телица*), *Посвирж* (< р. *Свирж*), болг. *Поибрене* (< р. *Ибър*?), хорв. *Pokuplje* (< р. *Кира*), *Polonje* (< р. *Lonja*), др.-луж. село *Poztupimi* 993 г. (по р. *Stupe*), давшее название немецкого г. *Потсдам*, и некоторые другие.

Тщательное обследование топонимических ландшафтов в разных регионах Славии наверняка откроет новые факты, репрезентирующие данную балто-славянскую деривационную модель, к изучению которой как будто никто более не обращался. В частности, на Русском Северо-Западе также обнаружены ойконимы, образованные по этой модели. Примеры немногочисленны, но в области средневековых «пригородных земель» Великого Новгорода их общее количество, вероятно, не меньше того, которое собрал А. П. Непокупный по всей Славии. В основном они компактно сосредоточены в небольшом районе ближних окрестностей оз. Ильмень. Любопытно, что один из таких ойконимов определенно отсылает к дославянскому (древнебалтийскому) языковому источнику, остальные явно или предположительно славянские. Однако во всех случаях изложенные ниже ойконимические факты, судя по комплексу лингвистических индикаторов и исторических упоминаний, характеризуются глубокой архаичностью. Наиболее показательно, что почти все они нашли отражение в старописьменной документации XV–XVI вв., относящей их возникновение ко временам древненовгородской независимости, вместе с тем по поздним источникам большинство из рассмотренных средневековых ойконимов уже не прослеживается. Новая ойконимия в рамках изучаемой модели после XV–XVI вв. на Русском Северо-Западе практически не появлялась, по крайней мере, этому не находится надежных документальных подтверждений.

Один из самых достоверных славянских случаев реализации модели **pa-* + гидроним = ойконим представлен в названии д. *Похоловье* Хрестцовичского погоста Деревской пятины 1495 г. [НПК, II, *435*]. В начале XX в. пункт именовался д. *Харчевня* (*Похоловье*) в Крестецком уезде Новгородской губ. [СНМНГ, IV, *58–59*], сегодня – д. *Харчевня* в Крестецком р-не Новгородской обл. Деревня была названа по смежной с ней р. *Холова* (кстати, рядом в НПК описываются пункты *Холовского* погоста).

Столь же отчетливым по деривации выступает название д. *Посясье* на р. *Сясь* в Костринской волости Тихвинского уезда согласно источнику начала XX в. [СНМНГ, VII, *62–63*] (более ранних сведений о пункте нет).

В рамках балто-славянской модели **pa-* + гидроним = ойконим на Русском Северо-Западе наблюдается мена префикса *по-* с вариантным *па-* (< **pā-*), имеющим тождественное значение пространственной близости. Соотносительность и изосемантичность префиксов *по-*, *па-* ярко показывают, например, отдельные апеллятивные факты, такие как общерус. *побережье* наряду с диал. (арх.) *пабережье*, общерус. *паводок* и диал. (ворон.) *поводок* ‘половодье’ [СРНГ, 25, *107*; 27, *251*]. При реализации рассматриваемой отгидронимной модели в области бывших новгородских пятин вариант *па-* для древнерусского времени, вероятно, был даже более активен, чем *по-*. Такое наблюдение вытекает из несколько бóльшего общего числа средневековых отгидронимных названий на *Па-* в сравнении с количеством названий на *По-*, равно как и из отдельных фактов позднего замещения первых вторыми.

Наиболее очевидная средневековая новгородская ойконимия на *Па-* представлена, в первую очередь, названиями д. *Пасторонье* Которского погоста 1498 г. [НПК, IV, *96*] (видимо, по речке *Сторонька*, сегодня – *Посторонька* в Шимском р-не Новгородской обл.) и д. *Пашолонок* в Михайловском погосте Шелонской пятины на р. Уза 1576 г. [НПК, V, *666*] (по р. *Шелонь*, ранее *Шолона*, на которой стояла эта деревня); ср. еще название села *Паозерье* на побережье оз. Ильмень юго-западнее Новгорода, отмеченное под 1551 г. [НПК, V, *316*]. В трактовке последнего ойконима нужно учитывать, что *Озером* окрестные жители часто именуют Ильмень, крупнейший водоем в регионе. Любопытно, что село *Паозерье* бывшего Паозерского погоста Шелонской пятины приурочено к местности, издревле именуемой тоже *Паозерье* / *Поозерье* (сегодня – только *Поозерье*), – это микрорайон юго-западного побережья Ильменя, ограниченный течением р. Веряжа. Поозерье считается островком новгородской культурно-исторической и языковой архаики, одним из мест первоначального закрепления славян на Русском Северо-Западе; жители этого микрорайона имеют отличительный микроэтноним – *поозёры*. Таким образом, в одной ономастической форме на общей территории одновременно были реализованы две сходные, но семантически не тождественные модели. Еще один новгородский ойконим *Паозерье* локализуется в восточном Приильменье: отраженный в документации начала XX в., он связан с деревней на оз. Вербенец в Пожарской волости Крестецкого уезда [СНМНГ, IV, *84–85*].

Впрочем, ойконимы типа *Паозерье* не однозначно вписываются в рассматриваемую модель. С одной стороны, они производны от апеллятива *озеро* и поэтому внешне не отвечают дегидронимной модели. С другой стороны, трудно отрицать их непосредственное примыкание к ойконимии типа *Похоловье* или *Пашолонок* хотя бы потому, что и те и другие изначально появлялись как ориентирующие *nomina propria* для номинации селений (а не местности) по берегам водоемов. При их трактовке встает серьезная проблема разграничения омонимичной топонимии и географической терминологии. Так, оба населенных пункта *Паозерье* стоят на озерах, которые для местного микроландшафта безусловно являются наиболее известными и выразительными ориентирами. Следует учитывать, что в условиях единичности водного топообъекта термин *озеро* способен выступать речевым

заместителем устоявшегося лимнонима, функционально использоваться окрестным населением не столько для обозначения, сколько для называния, идентификации. В сущности, на диалектном «микроуровне» действует ономастическая универсалия нейтрализации топонимов и апеллятивов: термины, указывающие на выразительные и единичные объекты местного микроландшафта, в конкретных условиях говора выполняют в первую очередь топонимическую функцию (*Озеро*, *Река*, *Лука*, *Сосняг*, *Полой*, *Гарь* и т. д.) [см.: Васильев, 1998, *74*]. Иными словами, апеллятив *озеро* способен в местных условиях превращаться в «ситуативный» лимноним *Озеро*, конкурируя с устоявшимся лимнонимом. При таком понимании ойконимы типа *Паозерье* могут трактоваться в рамках не только де-апеллятивной, но и дегидронимной модели с префиксом *па-*. Очевидно, подобный промежуточный характер носят и повсеместно распространенные ойконимы *Поречье*, указывающие на гидронимическое преломление термина *река* («деревня у Реки»), который относится к наиболее выразительным местным гидрообъектам. Не этим ли обстоятельством обусловлено то, что ойконимы *Паозерье*/*Поозерье*, *Поречье*, несмотря на многократную повторяемость, не находят апеллятивной поддержки (в словарях омонимичной терминологии *поозерье*, *поречье* как будто нет)? По-видимому, они сразу возникали как ойконимы – в результате как раз не онимизации, а трансонимизации, т. е. точно так же, как вполне очевидные по деривации ойконимы типа *Похоловье*, *Пашолонок*. Возможно, аналогичным образом следует трактовать и такие новгородские ойконимы, как *Пабережье*, д. в Рютинском погосте Деревской пятины около 1495 и 1551 гг. [НПК, I, *421*; ПКНЗ, 5, *198*, *199*], *Побережья*, д. на берегу оз. Велье в Вельевской волости Демянского уезда [СНМНГ, II, *26–27*].

О дегидронимном характере некоторых ойконимов на *По-*/*Па-* на Русском Северо-Западе можно только догадываться, поскольку остаются пока не выявленными имена конкретных водоемов (речек, ручьев или озер), к которым прикреплены соответствующие населенные пункты. Но вместе с тем весьма показательно, что гидронимы, на базе которых в рамках рассматриваемой модели могли бы быть получены отдельные новгородские ойконимы, издревле известны на иных восточнославянских территориях. К рассматриваемой ниже группе принадлежат несколько архаических названий населенных пунктов, описанных в документации XV–XVI вв. Эта ойконимическая группа определенно отражает исконно гидронимические производящие основы, что само по себе приобретает немаловажное значение для их этимологической интерпретации.

Пажеревичи – центр средневекового, отмеченного с конца XV в., *Пажеревского*, или *Пажеревицкого*, погоста, или волости *Пажеревичи* в верховьях р. Шелонь [НПК, IV, *308*, *367–407*, *417*, *419*, *422*, *444*, *574*, *578*; V, *60*, *61*, *613–620*; VI, *855*]. Списки селений Порховского уезда 2-й половины XIX в. сообщают в этой местности о селе *Пажерицы* / *Пожеревицы* «при ручье» [СНМРИ, 34, № 10359] (ныне село *Пажеревицы* / *Пожеревицы* в Дедовичском р-не Псковской обл.). В этом же средневековом погосте под 1539 г. числится д. *Пажерищо* [НПК, IV, *394*, *395*], которая соотносится, по-видимому, с позднейшей д. *Пожерицы* в Со-

рокинской волости Порховского уезда 2-й половины XIX в. [СНМРИ, № 10475]. Неясно отношение к этим пунктам ручья *Пажерницкий*, притока Колотни в бассейне Шелони (дан в списке водоемов Русского Северо-Запада [см.: Шанько, 1929, *492*]). Старописьменные ойконимы *Пажеревичи*, *Пажерищо* можно предположительно считать отгидронимными, производными от смежных водных названий с основой *Жерев-/Жер-*, ср. схожие раннеславянские гидронимы на иных восточнославянских территориях: р. *Жерев* в бассейне Припяти и рр. *Жерль*, *Жирак*, *Жирц* / *Жердь*, *Ненажора* в числе иных притоков Днепра, р. *Жеравка* / *Жора* (сегодня – *Жрака*) в Рязанском Поочье и некоторые другие, для которых находят этимологическое родство с *жрать*, *жерло*, *горло* [см.: Трубачев, 1968, *223–235*, *253*; Чумакова, 1992, *98–99*].

Пасережье – д., в погосте Никольском в Шереховичах, 1564 г. [НПК, VI, *885*] (среднее течение Мсты, неподалеку от райцентра Любытино Новгородской обл.); ср. р. *Сережа*, прав. пр. Куньи, прав. пр. Ловати севернее г. Торопец Тверской обл. и р. *Сереженька*, прав. пр. Велесы, лев. пр. Западной Двины южнее г. Андреаполь Тверской обл. Гидронимическую основу *Сереж-* считали финноязычным наследием, ср. фин. *Särkijärvi*, эст. *Särgijärv*, от фин. *särki*, эст. *särgi* ‘плотва’, или связывали (на наш взгляд, менее достоверно) с лит. *sárgas* ‘сторож’, *sérgėti* ‘охранять, сторожить’ [см.: Топоров, 1995, *32–33*].

Понерлица – д., в верхнем течении Мсты в Коломенском погосте Деревской пятины, ок. 1495 г. [НПК, I, *99*] (современных сведений нет); ср. две известные реки с названием *Нерль* среди притоков Клязьмы в Ярославской обл. Одна из наиболее вероятных этимологий гидронимической основы – сближение с индоевропейским корнем **ner-*, выражающим идею ныряния, погружения (ср. ниже *Панеретье*).

Полагаем – правда, с несколько меньшей уверенностью – что рассматриваемая модель реализована также в названии средневековой д. *Панеретье* конца XV в. в Великопорожском погосте Деревской пятины [НПК, I, *484*], которая в материалах екатерининского межевания 1780–1785 гг. числится под тем же названием уже как пустошь [КГарн]. В более поздней документации об этом ойкониме ничего не сообщается, но о его былом существовании напоминает речка *Понерётка*, 9 км, лев. пр. Мсты в Боровичском р-не Новгородской обл. между д. Великий Порог и с. Ровное. Это знаменитая на Русском Северо-Западе карстовая речка за 2 км до устья уходит под землю и выходит на поверхность в известняковом обрыве левого берега Мсты. Под названием *Понеретка* речка отмечается в межевых материалах 1785 г. в связи с описанием д. Вишма: «Деревня Вишма <…> речки *Понеретки* на правом берегу, а речки Шипушинки на левой стороне» [№ 892, а также при № 783, 787, 889 и др. – КГарн]. Среди местных жителей известно еще одно название речки – *Понорка*: «*Понорка* – буйная речка, сначала течет по полям и лесам, течет и под землей в основном, иногда выходит на поверхность. Зовут ее и *Понереткой*» [НОС, 8, *110*]; ср. употребительный в окружающих говорах географический термин *понора* ‘отверстие на дне карстовой воронки, сквозь которое уходит река (озеро) под землю’ [Там же]. В справочнике Д. Ф. Шанько [1929, *238*] *Понеретка* названа *Шапулинкой* (№ 330).

Соотношение смежных названий *Панеретье* и *Понерётка*, ойконимического и гидронимического, имеет двоякое объяснение. Средневековый ойконим мог быть образован в рамках модели **pa-* + гидроним = ойконим, и в таком случае речка, на которой возникло селение, первоначально носила название вроде **Нерета*, которое находит многочисленные убедительные параллели на иных территориях, ср. р. *Нерета* (*Нарата*, *Наратка*, *Наротка*, *Нарет*) в Витебской губ., оз. *Нерето* (*Веребье*) в Торопецком уезде, р. *Неретка* (лит. *Nereta*) и село *Нерета* в Каунасской губ., р. *Неретва* в Волынской губ., в Литве р. *Neretá*, *Nerõtis*, в Латвии р. *Nęręta* (вост.-лтш. *Narata*), *Neretiņa* [см.: Агеева, 1989, *193*; Vanagas, 1981, *228*], оз. *Нерецкое* с р. *Нерца* недалеко от г. Валдай и, видимо, в этом же ряду *Нерачино* и *Нарочино*, озера в Хвойнинском р-не Новгородской обл. Семантика гидронимической основы *ner-et-*/*ner-t-* раскрывается благодаря сближению с ц.-слав. *нрѣти*, др.-рус. *нерети* ‘углубляться, скрываться, прятаться’ [СлРЯ XI–XVII, 11, *275*, *438*, *452*], укр. *нерти* ‘нырять’, лит. *nérti*, лтш. *nìrt* ‘нырять, погружаться’. Современное название речки *Понеретка* в рамках данной трактовки следует считать производным от смежного ойконима *Панеретье*, точно так же, как второе название этой же речки – *Шапулинка* – было дано по названию д. *Шипулино* на ее берегу. Менее предпочтительна, на наш взгляд, другая словообразовательная трактовка, даваемая без обращения к дегидронимной модели: по этой версии, деревня *Панеретье* и речка *Понеретка* должны считаться независимыми образованиями на базе префиксальной апеллятивной основы – раннеславянскими (с учетом др.-рус. *понерети* ‘углубляться’, ‘скрываться, прятаться’, ср. *нерети*) или, что нельзя исключить, дославянскими (ср. лит. *panirti* ‘погружаться; нырять’). В любом случае, несмотря на неочевидность деталей деривации, этимологические связи имен *Панеретье* и *Понеретка* абсолютно точно подтверждаются главной отличительной особенностью карстового, «ныряющего» под толщу известняка, водоема.

Особый интерес вызывает название д. *Понедѣлье* на речке *Понедѣлька* в Красностанской волости Крестецкого уезда на восточном побережье оз. Ильмень [СНМНГ, IV, *54–55*]. Без сомнения, оно является еще одним дериватом с префиксом *по-*, полученным по дегидронимной модели, однако этноязыковая принадлежность этого ойконима скорее не древнеславянская, а древнебалтийская. Писцовая книга Деревской пятины 1495 г. сообщает о *ПонедЪльском* погостеокруге на восточном берегу Ильменя [НПК, II, *114*, *454*, *465–470*, *484*; IV, *569*], здесь же стоял древний Никольский монастырь «на *Понѣделье*», о котором впервые сообщается в летописи под 1386 г. (был закрыт в 1764 г.). Сегодня в этой местности значится лишь речка *Понеделька*, лев. пр. Ниши, ее название получено по исчезнувшей в XX в. д. *Понеделье*. Но в ойкониме прочитывается и обратная трансонимизация: в более раннюю эпоху название д. *Понедѣлье* в свою очередь было произведено при помощи префикса *по-* (= балт. *pa-*) от первоначального названия этой же смежной речки. Исходная древняя гидронимическая форма, очевидно, имела беспрефиксальную основу **Ned-el-*, **Nid-el-* (написание с «ять» – вторичное сближение со словами *неделя*, *понедельник*), восходящую к и.-е.

(и др.-балт.) **ned-* ‘течь, плыть, устремляться’ с очевидным балтийским деминутивным оформлением, что предполагает прежде всего сравнение с гидронимией балтийских территорий: *Niedulė*, *Niedulis* в Литве, *Niêdali*, *Niedeļ-pļava*, *Niêduols* в Латвии, *Нидалька*, прав. пр. Березины, и *Ниделька* / *Неделька*, р. в бассейне Сожа [об этой балтийской гидронимии см.: Vanagas, 1981, *230*; Топоров, 1988, *161–162*; Топоров, Трубачев, 1962, *199*]. Примечательно, что рядом с *Понеделькой* на восточном побережье Ильменя протекает речка *Неденка* (там же д. *Недно*), название которой отражает тот же корень (**ned-*), но иную суффиксацию. Кроме того, некоторые косвенные факты позволяют подозревать и в самой производной форме *Понеделье* авторство балтов, а не славян. Дело не только в том, что этот ойконим удачно сочетает определенно балтийскую гидронимическую основу с моделью деривации, продуктивной опять-таки в балтийских языках (литовском и прусском), он не менее значим и ареально-исторический контекст. Рядом с д. *Понеделье* расположена д. *Вдаль* (ранее – д. *Гдаль* / *Гдал* / *Огдаль* Влажинского погоста Деревской пятины под 1495 и 1561–1562 гг. [НПК, I, *717*, *729*, *730*, *735*; ПКНЗ, 5, *336*, *337*]), ойконим тоже явного древнебалтийского происхождения, а сам этот микрорайон юго-восточного ильменского побережья выразительно насыщен гидронимическими балтизмами, о чем уже приходилось писать [см.: Васильев, 2008]. Возникновение в этой местности ранненовгородского территориального центра (*Понедельский* погост), наличие монастыря в древнерусское время – исторические свидетельства древности с. *Понеделье*, по-видимому, унаследованного славянами от балтов.

Отгидронимные дериваты с префиксом *по-/па-* на Русском Северо-Западе не исчерпываются регулярными наименованиями местностей и отдельными названиями селений. Иногда подобные производные структуры отмечаются в самой гидронимии, т. е. появляются основания говорить о наличии еще одной разновидности модели: **pa-* + гидроним = гидроним. Действительно, в Прибалтике, в частности среди литовских названий вод, такая модель подтверждается многими примерами: р. *Paskáistis* (< оз. *Skáistė*), р. *Pãpalis* (< р. *Palà*), оз. *Pakojys* (< оз. *Kója*) и т. п. [см.: Vanagas, 1970, *218–223*]. На Русском Северо-Западе подобные образования единичны, еще более редки, чем в сфере ойконимии. Рассмотрим наиболее очевидный новгородский гидроним этого типа, появление которого, впрочем, тоже не обошлось без участия древних балтов. Речь идет о названии р. *Порусья*, 142 км длиной, прав. пр. Полисти, прав. пр. Ловати в южном Приильменье. Самая ранняя фиксация этого названия – под 1498 г.: «Погост Воскресеньской на *Порусье*» [НПК, V, *51*], затем в «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 г.: «в реку Полисту пала река *Порусья*» [КБЧ, *155*]. Но исследователи уже давно обратили внимание на то, что в глубокой древности река именовалась иначе. Сегодня имеются достаточные основания отождествить р. *Порусью* с летописной р. *Руссой* в Приильменье: «...И нарекошася *Русь* рекы ради *Руссы*, еже впадоша в езеро Илмень» [см.: Воскр. лет., *353–354*]. Следы исконного гидронима *Русса* сохранились до сих пор, во-первых, в названии оз. *Русское* (т. е. «относящегося к р. *Руссе*»), из которого вытекает Порусья, во-вторых, в названии древнерусского

города *Руса* на р. Порусье (сегодня – *Старая Русса*), продублировавшем исконный гидроним. Эту исконную форму нельзя трактовать изолированно от ряда гидронимических параллелей в ареале древней и современной Балтии: реки *Русса*, возможно, *Руза* в Подмосковье, *Русска* в верхнем Поднепровье, *Руса* в бывшей Курской губ., прусск. *Russa*, *Russe*, *Russe-moter*, куршск. *Russe*, *Rosse*, *Rusnis*, правый рукав Немана, *Русская* в границах бывшей Жомойтской земли и некоторые другие. В. Н. Топоров соотносит название южноприильменской *Руссы* с лит. *rusėti*, *rusnóti* ‘медленно течь’ [см.: Топоров, 1995, *31–32*] – на наш взгляд, предпочтительнее сблизить название с лит. *rausvas* ‘красноватый’, лтш. *rusa* ‘ржавчина’, сербохорв. *рус*, словен. *rus* ‘красный, желтый’. Смена гидронимической формы *Русса* на *Порусья* произошла не позднее XV в. и была опосредована названием города *Руса* или даже названием всей прилегающей к городу области (документально известно, что эта область в средневековый период именовалась *Руса* или *Околорусье*). Скорее всего, эта смена гидронимических форм была продиктована стремлением избежать нежелательной омонимии имен реки, города и области в сложившейся топонимической микросистеме (подробнее о разнообразии мнений и деталях трактовок южноприильменских названий *Руса*, *Порусья*, *Старая Русса* и т. п. см.: [Васильев, 2001; Агеева, Васильев, Горбаневский, 2002]).

В заключение перечислим остальные новгородские случаи реализации модели **pa-* + гидроним = гидроним, которые выглядят не столь убедительно или даже сомнительны. Вблизи течения р. Порусьи локализуется речка *Поручка*, на ней стоит д. *Поручка* в Поддорской волости Старорусского уезда [СНМНГ, III, *100–101*]. В этом случае не ясно, за каким объектом сначала закрепилось название ‘по *Ручью*’: за населенным пунктом или за водоемом. Параллельное название оз. *Поручье*, связанное с речкой *Порученка*, отмечено в бассейне Мсты [Шанько, 1929, *235*]. Один из ручьев, приток р. Ниши у восточного берега Ильменя, именовался *Поречье* [Там же, *508*], сегодня – *Поречка*. Одна из речек в среднем течении Волхова называется *Посолка*, или по-другому – *Сольца* [Там же, *44*], но характер деривационной связи между этими вариантами не очевиден (скорее, это независимые кодериваты от апеллятива *соль*).

Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.

Агеева Р. А., *Васильев В. Л.*, *Горбаневский М. В.* Старая Русса: Тайны имени древнего города. М., 2002.

Васильев В. Л. Специфика народной географической терминологии (семасиологический аспект) // Вестник Новгород. гос. ун-та. Сер.: Гум. науки. Новгород, 1998. № 9.

Васильев В. Л. Географические названия с основой «рус-» в Новгородском крае: этимология и история // Slavia orientalis. 2001. T. L, № 1.

Васильев В. Л. О проблеме древнебалтийского топонимического наследия на Русском Северо-Западе // Вопр. языкознания. 2008. № 3.

Воскр. лет. – Воскресенская летопись. Рязань, 1998.

Иванов В. В., *Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах. (Основные проблемы и перспективы) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980.

КБЧ – Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. М., 1950.

КГарн – Картотека топонимов Боровичского уезда Новгородской губернии, составленная К. В. Гарновским (хранится на кафедре математической лингвистики СПбГУ).

Непокупный А. П. Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.

НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12; Великий Новгород, 2000. Вып. 13.

НПК – Новгородские писцовые книги, изд. император. Археограф. комиссией. СПб., 1859–1910. Т. VI.

ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. М., 1999–2004. Т. 1–5.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–… . Вып. 1–… .

СНМНГ – Список населенных мест Новгородской губернии / Под ред. В. А. Подобедова. Новгород, 1907–1912. Вып. I–VIII.

СНМРИ – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1885. Т. 34.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. 2-е изд., испр. / Ред. Ф. П. Сорокалетов. СПб., 2002–… . Вып. 1–… .

Топоров В. Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.

Топоров В. Н. О северо-западном локусе балтийской гидронимии (из цикла «По окраинам древней Балтии») // Res Balticae. Pisa, 1995.

Топоров В. Н., *Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. (Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация). М., 1968.

Чумакова Ю. П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа, 1992.

Шанько Д. Ф. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.

Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970.

Vanagas A. Lietuviш hidronimш etimologinis ђodynas. Vilnius, 1981.

* * *

Валерий Леонидович Васильев – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры русского языка Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород).

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2009. № 7

Н. В. Кабинина

СУБСТРАТНАЯ ГИДРОНИМИЯ БАССЕЙНА РЕКИ НЕМНЮГА (МЕЗЕНСКИЙ РАЙОН АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

The article observes hydronims of Finno-Ugric origin which occur nowadays on the territory of Mezensky district of Arhangelskaja region in the basin of the river Nemniuga. Presenting etymological interpretation of the material the author reveals predominance of Sami and Baltic-Finnish hydronimic substratum in the given area.

Бассейн реки Немнюга – крупного правого притока Кулоя – представляет собой зону богатого и плотного топонимического субстрата. По данным ТК ТЭ, количество субстратных географических названий на этой территории составляет около 40 % общего числа топонимов. Это самый высокий показатель для Мезенского района, в других частях которого плотность субстрата не превышает 10 %.

В настоящее время на Немнюге существует три населенных пункта: Совполье, Чижгора и Соколово (старое название – Херполье). По историческим и топонимическим данным известно также несколько бывших поселений – все они, как и ныне существующие, располагались на правом берегу Немнюги, близ устья р. Сова. В 1960-е и 1990-е гг. на этой территории работала Топонимическая экспедиция Уральского университета, материалы которой и легли в основу настоящей статьи.

Гидронимический субстрат бассейна Немнюги представлен тридцатью названиями. В качестве его общих особенностей можно отметить, во-первых, отсутствие топонимов на *-Уньга* и *-Ума* (кроме названия *Кихтома*), а во-вторых, утрату гидроформантов в названиях наиболее крупных рек (*Шала*, *Сова*, *Парсова*, *Корба*). Это явление коснулось также названия *Малая Немнюга*, для которого в речи местных жителей засвидетельствован вариант *Малая Немня*.

© Н. В. Кабинина, 2009

Основы гидронимов, называющих перечисленные крупные притоки, наиболее убедительно соотносятся с саамскими данными.

Ша́ла, р. (прав. пр. р. Немнюга) = «Сиговая (река)». ~ Саам. тер. *šалл*$^{(a)}$, gen. *šала* 'довольно большой сиг' [KKLS, *543*]. Этимологию подтверждает русское название *Сиго́во*, относящееся к обширному сенокосу в устье реки Шала.

Со́ва, р. (прав. пр. р. Немнюга) = «Жилая (река)» или «Дымная (река)». ~ Саам. сев. *suovvâ*, юж. *suo'w'e*, лул. *suovva*, ин. *suovva*, колт. *suo̯vv*^{a} 'дым; жилище, дом' [SKES, *987*]. Предпочесть первое или второе значение топонима затруднительно. С одной стороны, именно на р. Сова возникли все ранние поселения, упомянутые выше, т. е. название «Жилая река», «Река с поселением» могло выделять р. Сова среди других крупных притоков Немнюги, где постоянных поселений не было (ср. многочисленные на Русском Севере гидронимы с дифференцирующей саамской основой *шид-/шит-* 'деревня' [см.: Матвеев, II, *107*]). С другой стороны, обозначение «Дымная» также могло появиться вследствие возникающих на реке пожаров или проведения подсечно-огневых работ осевшим здесь населением (см. ниже *Палуга*, *Корба*, *Ширша*). Учитывая логику номинации в гидронимии, с гораздо меньшей уверенностью можно сопоставить основу названия с фин. *suova* 'стог, скирда', карел. *šuova*, ливв. *suovu*, *suåvu* 'огороженное место, где находятся стога или прясла для просушки сена, овса, ржи', люд. *suov*, *suove̯* 'место для стога', саам. лул. *suovvā*, норв. диал. *suovve* 'стог, скирда' (< фин.) [SKES, *1122*].

Па́рсова, р. (лев. пр. р. Немнюга, впадает напротив р. Сова) = «Вторая Сова». ~ Саам. патс. *pār*^{a}, *p*^{o}*ār*^{a}, кильд. *para* (< рус.) 'пара; несколько, два' [KKLS, *339*].

Ко́рба, р. (лев. пр. р. Немнюга) = «Горелая (река)», «Река на выгоревшей местности». ~ Саам. патс. *kŭŏr̄b̄*^{A}, нотоз. *kŭo̯r̄*^{b}*p̄*^{A}, *kuorba* 'недавно выгоревшая местность', сонг. *kuore̯baš* 'выгоревшая местность', колт. *kuorbös* 'опаленный', *guorbgass* 'сожженный' [KKLS, *175*]. Наличие у р. Корба притока *Палуга* (= «Река на выжженной местности», см. ниже), а также прибрежных объектов с названиями *Чёрный*, *Палопожня*, *Горелуха*, *Гореловские Озера* позволяет в данном случае предпочесть саамскую этимологию прибалтийско-финской, связывающей основу с фин. *korpi*, карел.-ливв. *korbi*, люд. *kořbi*, вепс. *kořb* 'глухой лес' [SKES, *219*].

В свете изложенных данных заслуживает особого комментария само название ***Немнюга***, которое соотносится с приб.-фин. *niemi* 'мыс' [SKES, *376*]. Квалифицируя этноязыковые истоки гидронима, нельзя не учесть двух существенных обстоятельств. Во-первых, как показано А. К. Матвеевым, в саамских говорах Русского Севера бытовал термин, родственный приб.-фин. *niemi* [см.: Матвеев, I, *226–227*]. Во-вторых, из исторических источников известно, что поселения и угодья на «мезенской» р. Немнюга в XVI–XVII вв. относились к владениям Кевролы – пинежского уездного центра (ср.: «за ними ж на Мезени в Кевроле деревни на Чижгоры на Немнюге реке у Воскресения Христова обелены» [ПИ-I, сот. гр. Антониево-Сийского мон., 1578 г.]. Однако близ Кевролы также известна река с названием *Немнюга*, поэтому нельзя исключить возможность переноса названия. Таким образом, название *Немнюга* может иметь не только прибалтийско-финские истоки, но и саамские и даже русские.

Что касается небольших рек и ручьев бассейна Немнюги, то они, в отличие от крупных притоков, за редким исключением сохранили целостность структуры своих названий. Форманты микрогидронимов представлены компонентами ***-уй*** (*Кукуй, Микшуй, Мылкуй, Пануй, Пёвкуй, Пежуй, Сируй, Тунуй, Шалгуй*), ***-ий*** (*Кумзий*), ***-вей*** (*Продвей, Пудвей*), ***-уга*** (*Палуга*), ***-ома*** (*Кихтома*) и ***-курья*** (**Буекурья, Колдокурья*). Некоторые микрогидронимы при наличии иноязычной основы имеют русский детерминант *-ручей* (*Кимручей, Кипараручей, Ламручей, Невлечьручей, Пёлручей*).

Сохранившиеся форманты микрогидронимов указывают – в основном недифференцированно – на их прибалтийско-финско-саамские истоки [см.: Матвеев, II, *249–261*]. Исключением является детерминант *-вей*, который может квалифицироваться не как прибалтийско-финский, а как саамский или коми: ср. саам. тер. *ᵛi̯ə̑i̯jɛ* 'ручей' [KKLS, *765*], коми **вей* 'ручей' [Матвеев, 1965, *29–31*].

В процессе этимологического исследования топооснов наличие коми субстрата не подтверждается, но, как и в названиях крупных притоков, в микрогидронимии региона обнаруживается отчетливый саамский след.

Баекýрья // ****Буекурья***, прт (приток р. Немнюга; ср. смеж. ***Бýепожня***, ***Набýевское***) = «Ручьевая Курья». ~ Саам. патс. *vŭa̯ij*ᵉ, нотоз. *vŭɒ̯ij*ᵉ [KKLS, *765*], кильд. *vuåjj* 'ручей' [SSA, 1, *262*]; см. также: [Матвеев, I, *257*].

Кúхтома, р. (приток р. Корба) = «Вторая (река)». ~ Саам. тер. *kīχt*, *kìk̆t*ᵉ, 'два' [KKLS, *168*]. Ср. *Парсова*.

Кýкуй, руч. (приток р. Немнюга) = «Длинный ручей». ~ Саам. колт., кильд. *ku'kk* 'длинный' [YS, *58–59*; Матвеев, II, *174*]. Для названия ручья такое толкование более убедительно, чем другие, вытекающие из прибалтийско-финских данных (например, карел. *kukko*, ливв., люд., вепс. *kukoi* 'петух' и др. [SSA, 1, *428*]).

Шáлгуй, руч. (приток р. Корба) = «Журчащий ручей». ~ Саам. сонг. *šo̯ālG̃aD*, кильд. *šo̯alᵍkɒ*ᵈ 'журчать' [KKLS, *560*]. Сопоставление основы с субстратным корнем *шалг-* (~ приб.-фин. *selko* 'глухое место', карел. *šelgä* 'хребет, кряж') менее удачно по той причине, что основа *шалг-* встречается в составе субстратных образований лишь в западной части Русского Севера [см.: Матвеев, I, *226*].

Шúрша, р. (приток р. Сова) = «Гаревая (река)». ~ Саам. сонг. *šuorš*ᴬ, нотоз. *šŭŏr̄š̃*ᴬ, кильд. *šùr̀š*, *šūrš̌* 'гарь, чад' [KKLS, *563*] – в основу названия могла лечь незасвидетельствованная словарем форма, соотносимая с терским диалектом, где *uo* ~ *i̯* (> рус. *ы*). С семантической стороны заслуживает внимания тот факт, что название реки Сова, принимающей приток Ширша, может, в частности, объясняться и как «Дымная» (см. выше). Ср. также *Палуга, Корба*.

Среди гидронимов, для которых в процессе этимологического анализа устанавливается саамское происхождение, особых комментариев требуют названия двух левых притоков р. Сова в ее верховьях: ***Продвéй*** и ***Кóваль***.

Как упоминалось выше, формант *-вей* в первом названии может восходить к коми или саамскому слову со значением 'ручей', однако основа *прод-* с начальной группой согласных не может быть прямо возведена ни к одному из этих языков. Прояснить это обстоятельство позволяет засвидетельствованная картами форма

названия *Пудвей*, которая хорошо соотносится с саам. сонг. *рйадδ*[a], lat. *рйδδδо*, нотоз. *рцрDD*[A], *рuаDD*[A], кильд. *рцəDt*[A], *рцəδ*[a], *рūDtϑ* 'запруда, плотина; запруженный (для ловли рыбы и выдр)' [KKLS, *403*]. Таким образом, можно предположить, что в названии *Продвей* отразилось севернорусское диалектное слово *пруд* 'запруда, плотина' [СРНГ, 33, *62*; КСГРС], заместившее саамскую основу с тем же значением (ср. аналогичное образование *Прудбой*, известное среди топонимов Белозерья [ТК ТЭ]). Поскольку в обоих вариантах названия сохранился иноязычный гидроформант, в данном случае вряд ли можно говорить о топонимическом калькировании. Скорее всего, русское слово *пруд*, обозначающее важную промысловую реалию, проникло в местные саамские диалекты еще на лексическом уровне. Отражение *о* вместо исходного *у* может объясняться сдвигом ударения на второй слог топонима и последующим забвением и переосмыслением его внутренней формы.

Аналогичное развитие номинативных процессов, на наш взгляд, представляет и название речки *Коваль*, впадающей в р. Сова в непосредственной близости от ручья Продвей. Несколько западнее р. Коваль, среди левых притоков Кулоя, ТК ТЭ засвидетельствован похожий гидроним *Кувальга*, сравнение с которым позволяет считать название *Коваль* утратившим гидроформант и, соответственно, представляющим собой «чистую» основу (кроме названных случаев, в составе гидронимов она более нигде не зафиксирована). Такой фонетический состав основы дает весьма ограниченные возможности ее интерпретации и – с учетом обычной для русских говоров интервокальной эпентезы – приводит к сопоставлению с саам. патс. *kǫ̆ǫ̆l'l'ĕ*, тер. *kòal'l'a* 'ряд вертикальных кольев в запруде для ловли лососей' < рус. *колье* [KKLS, *133–134*], ср. арх. *ко́лье* 'набор кольев, необходимый для укрепления ставных рыболовных орудий' [СРНГ, 14, *212*]. В исконно русской традиции подобный способ именования отражают многочисленные *Езовые* реки, а также *Коловые*, *Коловихи*, *Коле(в)ицы* и т. п.

Таким образом, в составе субстратных саамских топонимов *Продвей* и *Коваль* могут усматриваться русские лексические заимствования, что в целом является свидетельством активного и взаимонаправленного общения двух этносов в сфере промысловой деятельности.

Наряду с саамским субстратом в гидронимии бассейна Немнюги широко представлены и названия прибалтийско-финского происхождения. Хотя, как показано выше, прибалтийско-финские данные малоубедительны по отношению к именам крупных притоков, в микрогидронимии их значение существенно возрастает. В названиях многих малых речек и ручьев отражены традиционные прибалтийско-финские топоосновы, среди которых встречаются и ярко дифференцирующие.

Кипара́ручей, руч. (приток р. Малая Немнюга; смеж. оз. ***Кипара́***) = «Кривой ручей» или «Ручей Кривого (озера)». ~ Фин. *kipara*, *kippara*, *kiperä*, ливв. *kiber* 'кривой, изогнутый' [SKES, *196*]. Ср. аналогичную модель номинации в русском языке.

Ко́лдокурья, реч. зал. (лев. б. р. Немнюга) = «Извилистая курья». ~ Фин. *kolle* (gen. *kolteen*) 'извилина, излучина, поворот, изгиб', *koltto* 'ямка, углубление, яма,

складка, борозда', эст. *kolle* (gen. *kolden*), *kolda*, *kolde* 'крутой берег реки', лив. *kùoilta* 'берег' [SKES, *211*].

Ку́мзей, руч. (приток р. Немнюга) = «Лососевый ручей». ~ Фин. *kumsi* 'один из видов форели', карел. *kumpši* 'небольшой озерный лосось, малек лосося', ср. саам. сев. *guw'ǯa*, тер. *kuvče* 'форель' [SKES, *238*].

Ми́кшуй, руч. (приток р. Корба) = «Ручей Микши (Михаила)». ~ Приб.-фин. *Mikko* – Михаил [СЛИ, *198*]. Конечный согласный основы находит объяснение в архаичной местной традиции оформления форм личных имен суффиксом *-ша* (*Микко* > *Микша*; ср. руч. *Ми́кшин* в низовьях р. Мезень). Эта традиция, пришедшая на Русский Север из новгородских земель, ныне забыта, однако ее следы хорошо сохранились в топонимии, ср. мезенские названия *Якшин* (< *Якша* – Яков), *Прокшино* (< *Прокша* – Прокофий), *Киршина* (< *Кирша* – Кирилл) и др. [ТК ТЭ; Веселовский, *141*, *260*, *382*]. Косвенным аргументом в пользу этой версии является вариант *Ми́шкуй*, засвидетельствованный в речи местных жителей наряду с *Микшуй*.

Мылкуй, руч. (приток р. Немнюга) = «Ручей на холмистом месте». ~ Фин. *tykky*, *tyky*, ливв. *tükkülä* 'холмистый' [SKES, *355–356*]. Ср. русское название протекающего поблизости ручья *Холмоватский*.

Па́луга, р. (приток р. Корба) = «Река на выжженной местности». ~ Фин.. карел., вепс. *palo* 'пал; выжженное место; сожженная подсека' [SSA, 2, *298*]. Ср. *Корба*, *Сова*, *Ширша*.

Пёвкуй, руч. (приток р. Малая Немнюга) = «Гнилой ручей» или «Пнёвый ручей». ~ Фин. *pehka* 'гнилое дерево; гниль; древесная или сенная труха', *pehkiö* 'гнилое дерево, гнилой пень; труха', *pehko* 'гнилое дерево, гнилой пень; труха; гнилой, трухлявый; куст, кустарник', карел.-ливв. *pehko* 'сухое или гнилое дерево или пень; засохшее гнилое дерево (обычно береза); куст, кустарник; сырой, промокший', люд. *pehk* 'сгнившая береза; длинное пустое дерево или пень; гнилое дерево' [SKES, *508–509*]. *Гнилые* и *Пнёвые* ручьи хорошо известны и в русской топонимии мезенского края. С фонетической стороны ср. пример аналогичного изменения *hk* ~ *вк* в топооснове *пихк-/пивк-* (< приб.-фин. *pihka* 'смола') [см.: Матвеев, I, *147*], являющегося следствием русской адаптации.

Хе́рья, руч. (приток р. Немнюга) = «Бычий ручей». ~ Фин., карел. *härkä*, люд., вепс. *härg* 'бык' [SSA, 1, *210*; Матвеев, II, *80–81*]. Ср. русское название пожни *Бычник*, по которой протекает ручей.

В ряде случаев прибалтийско-финские и саамские данные дифференцировать невозможно, хотя значения топооснов выявляются достаточно определенно.

Не́влечручей // ***Ни́влечьручей***, руч. (приток р. Сова) = «Лиственничный ручей». А. К. Матвеев относит основу *невл-* к числу дифференцирующих прибалтийско-финских (~ фин. *neula*, *niekla*, ижор. *nēgla*, *nēkla*, карел. *niekla*, люд. *ńiegl(e)*, вепс. *ńegl* 'игла, хвоя' [SSA, 2, *215*]), отчасти опираясь на то обстоятельство, что приб.-фин. > рус. *негла* 'лиственница' [Kalima, *17*; Матвеев, II, *54*]. Однако с учетом диалектных процессов семантического развития для этой топоосновы нельзя исключить и саамский источник, ср.: саам. патс. *ńiŭ̯l̄ᵉ*, сонг., нотоз. *neŭ̯l̄ᵉ*, кильд.

nìm̆ḷ^{e}, тер. *nim̆ḷ*^{e}, *nivle* 'игла' [KKLS, *302*]. Возможно, именно с саамским происхождением связано колебание *е* // *и* в основе топонима (хотя подобное колебание изредка встречается и в исконно русских названиях, в рассматриваемом субрегионе оно не засвидетельствовано). С семантической стороны ср. *Лиственничный* – русское название одного из притоков р. Сова.

Ма́инская Курья, прт. (приток р. Немнюга; смеж. оз., изба ***Ма́инское***) = «Курья озера Маинского», «Бобровая Курья» или «Курья с хижиной». 1. ~ Фин. *majava*, *majaa*, карел. *majoa*, ливв., люд. *majai*, вепс. *majag* 'бобр' = саам. ин. *māijum̆*, нотоз. *mājjij*, *mājij*, кильд. *mājeγ*, тер. *mājjeg* 'бобр' [SKES, *328*]. 2. ~ Фин., лиьв. *maja* 'лесной шалаш, хижина', люд. *maja* 'лесной шалаш, хижина; временное укрытие' [SKES, *328*]. Ср. довольно многочисленные на Русском Севере *Бобровые* и *Избные* реки и озера.

Пе́жуй, руч. (приток р. Немнюга) = «Ручей с гнездами (норами)». ~ Фин. *pesä*, *peso* 'гнездо, углубление (птицы, лисы, печи, ложки и т. п.)', карел. *pesä*, *pešä*, *pežä*, ливв. *pezä*, карел.-твер. *pešo*, *pežo*, люд. *pezä*, *peza*, вепс. *peza*, *peza* 'углубление, нора (животного, ложки и т. п.)' = саам. патс. *pieṣṣ*^{E}, нотоз. *pieṣṣ*^{E}, *pieẓẓĕ*, кильд. *pieṣṣ*^{E}, *pieẓ*^{e} 'гнездо' [SKES, *355–356*; KKLS, *372*]. Подобную семантику, видимо, имеют ручьи *Норовые*, известные в исконно русской топонимии мезенского края.

Завершая этимологическую характеристику гидронимов бассейна Немнюги, следует обратиться к названиям, субстратное происхождение которых сомнительно или требует для проверки данных, которыми мы пока не располагаем.

Прежде всего, к таким топонимам можно отнести три названия с русским детерминантом *-ручей*: ***Ла́мручей***, ***Пёлручей*** и ***Ки́мручей*** (притоки р. Сова). Последнее известно также в варианте *Ки́мженский* (ручей вытекает из болот по р. Кимжа) – и, следовательно, может являться русским образованием: *Кимручей* < **Кимжручей*. Первое и второе – в силу возможной утраты конечного согласного основы – представляют ненадежную почву для этимологических построений, хотя название *Пёлручей* все-таки с некоторой уверенностью можно связывать с приб.-фин. *pelto*, *peld* 'поле' [SSA, 2, *334*].

Видимо, по иным причинам пока не поддаются достаточно убедительной интерпретации и названия ***Ту́нуй***, ***Па́нуй*** и ***Си́руй***. Все они именуют комплексные объекты «ручей – изба – сенокос», расположенные вдоль р. Немнюга по соседству с подобными угодьями ***Ми́халь*** и ***Мо́сей***. По нашему предположению, в основе всех упомянутых топонимов лежат формы личных имен, называющие бывших владельцев. Как показано выше (см. *Микшуй*), такой способ номинации встречается в субстратной микрогидронимии и даже, думается, пока недостаточно учитывается в этимологических разысканиях.

Несмотря на некоторую неполноту картины, обусловленную наличием «неясных» топонимов, приведем в заключение ряд общих соображений, вытекающих из представленной выше этимологической части исследования.

Во-первых, гидронимический субстрат бассейна Немнюги образуют исключительно названия саамского и прибалтийско-финского происхождения – пермский

компонент, несмотря на относительную близость зоны коми влияния, в этом регионе не обнаружен.

Во-вторых, названия наиболее значимых притоков р. Немнюга имеют саамское происхождение, что свидетельствует о «первичности» саамского населения и тем самым согласуется с общими представлениями об относительной хронологии освоения архангельского севера различными финно-угорскими народами.

В-третьих, исследование микрогидронимии позволяет сделать вывод о «равновесном» соотношении саамских и прибалтийско-финских названий. Это отличает рассматриваемый субрегион от многих других, где саамские микрогидронимы либо отсутствуют, либо в количественном отношении заметно уступают прибалтийско-финским. Вероятно, это обстоятельство объясняется более тесными, чем в других регионах, русско-саамскими контактами, что, в свою очередь, вызывает предположение о былом обитании в бассейне Немнюги оседлых саамов.

Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974.

КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького)

Матвеев А. К. Структурно-морфологические типы севернорусской субстратной топонимии // Питання ономастики (Матеріали II Республіканської наради з питань ономастики). Киев, 1965.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001; Ч. II. Екатеринбург, 2004.

ПИ-I – Картотека топонимов, засвидетельствованных в письменных источниках Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького)

СЛИ – Словарь личных имен народов РСФСР. М., 1965.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сорокалетова. Л.; СПб., 1966–… . Вып. 1–… .

ТК ТЭ – Топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького)

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.

KKLS – *Itkonen T.I.* Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. I–II // LSFU XV. Helsinki, 1958.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa I–VII. Helsinki, 1955–1981.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

YS – *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto // MSFOu. 200. Helsinki, 1989.

* * *

Надежда Владимировна Кабинина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2009. № 7

В. В. Алпатов

ПРИЗНАК ‘ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ’ В ЦЕРКОВНЫХ НАЗВАНИЯХ ПОЛЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

The paper focuses on a specific type of English field-names: those indicating endowment, – with an eye to reveal their conceptual background and its mapping onto the verbal structure. The investigation is based on the field-name evidence of land endowment to Church in the medieval England. Field-names like ***The Quire***, ***Candle Patch***, ***Alms Close***, ***Bedlands*** *are treated, with occasional German correlates. Analysis of the field-names types and their motivation allows to bring out a mental frame of ‘endowment’ behind this kind of place-name giving.*

Названия полей являются подвидом микротопонимов – местных географических названий. Будучи не столь широко известными и долговечными, как названия других географических объектов, названия полей представляют собой, тем не менее, богатый лингвистический материал, из которого удается не только почерпнуть сведения исторического и географического характера, но и сделать выводы относительно концептуальных основ номинации.

В основе номинации, как известно, лежит поиск различительного признака, который представляет весь предмет в целости [см.: Гак, 1998, *237*]. Поиск признака может быть уподоблен векторному (имеющему направление) процессу, поскольку состоит в перемещении фокусировки внимания номинатора с самого называемого предмета на некоторое его свойство или отношение [см.: Копач, 2004]. В частности, одним из типов, или «направлений», называния поля является указание на его назначение, цель использования или на лицо, заинтересованное в его использовании (бенефицианта) – т. е. на такую характеристику поля, как п р е д н а з н а ч е н и е.

На основе характеристики « п р е д н а з н а ч е н и е » место может быть осмыслено как ‘источник продукта или дохода’ для определенной группы лиц или

© В. В. Алпатов, 2009

определенной цели. Рассмотрим эту разновидность номинации на примере названий пожертвованных церкви полей, рента с которых предназначалась для обеспечения частей церкви, приобретения богослужебных принадлежностей, обеспечения богослужебной деятельности (звона, поддержания светильников), на церковное поминовение и благотворительность.

1. Церковные должности и статусы. Некоторые церковные поля в средневековой Англии были отведены в пользование человека, занимавшего ту или иную общественную церковно-приходскую должность, например звонаря. В другом случае поле могли сдавать в аренду, а рента за его использование шла целенаправленно на выплату жалованья за эту должность. Аналогичным образом владельцы земли отводили доход от использования поля третьими лицами на благотворительность монашеской общине. Во всех этих случаях в микротопониме содержится обозначение соответствующей должности или группы лиц, например звонаря, певца, ризничего, чтеца и диакона в названиях *Chanters Mead* (*chanter* ‘регент’), *Sub-chanters Dole* (*sub-chanter* ‘заместитель регента’), *Bellringers Close* (*bellringer* ‘звонарь’)[1], *Sacristan Heugh*, *Sextensmead* (ср.-англ. *sacristān, sextein* ‘ризничий, звонарь’), ср. также название *The Quire* (от *quire* ‘хор’), эллиптические названия *Deacons* (от *deacon* ‘диакон’), *Lecters* (от *lector* ‘чтец’)[2]; название поля *Friars Crofts* (от *friar* ‘монах нищенствующего ордена’) в некоторых случаях обозначало «землю... сохраняемую для общины монахов» [EFND].

Вместо обозначения лица в микротопониме иногда содержится специальное обозначение конкретного жалованья: жалованья приходского священника (ср.-англ. *corrōdie*) и жалованья каноника (ср.-англ. *prēbende*) в названиях полей *Corode Meadow*, *Prebend Down*.

В топониме может быть указано назначение не дохода, а собственно продукта называемого места: так, название бывшей монастырской молочной фермы *Childwick* происходит от др.-англ. *munuc-cild* ‘послушник’, поскольку менее строгая диета послушников монастыря включала молоко с этой фермы [Reaney, 1980, *149*].

2. Церковное имущество и богослужение. Доход от некоторых полей был предназначен на приобретение богослужебных принадлежностей или на своевременный ремонт и содержание в порядке частей церковного здания. В этом случае в название поля могло быть внесено обозначение объекта. Так, рента с надела *Clock Croft* шла на содержание часов на церковной башне;

---

[1] В тексте статьи не переводятся географические термины с общим значением ‘поле, луг, участок’, которые присутствуют почти в каждом названии. Конкретные значения этих терминов объясняются в приложении к словарю EFND. При отсутствии специальных указаний примеры названий полей взяты из следующих источников: [EFND; Armstrong, 1950; Cameron, 1959; Dodgson, 1970].

[2] Чаще всего в названиях полей упоминается священник (например, *Priest Acres*, *Parson Croft*, *Vicar’s Heys*, *Rector’s Field*), однако из-за большей независимости священника в этом случае предпочтительнее говорить о владении, а не о предназначении, хотя земля также отводилась должности, а не конкретному лицу.

с *Bell Field*, *Clynkebell*, *Clinke-Daile* – на колокола или колокольный звон (*clink* ‘звон’) [см. электрон. ресурс: http://www.nottingham.ac.uk/english/ins/vepn/]; с *Bell Rope Close* и *Belstringelande* – на веревки для колоколов (*bellstring*, *bellerope*) [см.: Field, 1993, *201–202*]; с *Dagtail Piece* – на ручки к веревкам для колоколов (*dagtail*); с *Lampcroft* – на масло для светильников, в частности на неугасимую лампаду (ср.-англ. *lamp*); с *Candle Patch*, *le Taper Land* [Smith, 1964–1965, *188–189*], *Torch Plot* [Gover, 1939, *373*] – на свечи (ср.-англ. *candel*, *tāper*, *torch*); с *Candlestick Hill* – возможно, на подсвечники (ср.-англ. *candelstikke*); с *the Organ-crofts*, *Little Organ Rigg* – возможно, на орган (ср.-англ. *organ*).

Рента с поля *Chauncell Close* употреблялась для поддержания в порядке алтаря (ср.-англ. *chauncel*); с *Porchcroft* и, возможно, *Gullielee* – притвора (ср.-англ. *porche* ‘притвор’; ср.-англ. *galilē* ‘притвор; часовенка при входе в церковь’); *le Sextrye acres* [Gover, 1940, *275*], *Vestry Light* – ризницы (ср.-англ. *vestrī*, *sextrī*). Ср. немецкие названия полей: *Ölwiese* – от нем. *Öl* ‘масло, елей’; *Ampelacker* – от нем. *Ampel* ‘светильник’ (для поддержания неугасимой лампады в церкви); *Orgelwiese* – от нем. *Orgel* ‘орган’; *Glockenacker* – от нем. *Glöckner* ‘звонарь’ [Bach, 1952–1954, *428*].

Более редким случаем является указание не на сам объект назначения дохода, а на событие, когда он играет особую роль в церкви: по предположению Дж. Филда, название поля *Candlemas Croft* (от *Candlemas* ‘Сретение’) может объясняться тем, что рента употреблялась на покупку свечей, которые освящали на праздник Сретения, подобно тому как под Пасху освящают яйца и куличи, на Яблочный Спас – яблоки, на Медовый Спас – мед и т. п.

3. Благотворительность малообеспеченным. Целевое назначение дохода на благотворительность больным и нищим отражено в названиях с обозначениями соответствующих категорий людей, благотворительных заведений и милостыни как таковой: в названиях полей *le Leperusouerfeld* (др.-англ. *lepre-hūs* ‘лепрозорий’), *Lepers Hey* (ср.-англ. *lepre* ‘прокаженный’), возможно, *Orphenhyll* (ср.-англ. *orphan* ‘сирота’), *Almshouse Meadow* (ср.-англ. *almshouse* ‘богадельня’), *Alms Close* (ср.-англ. *alms* ‘милостыня’). Принимая во внимание, что паломники в средние века также относились к категории нуждающихся лиц, которым выделялись средства из церковного дохода [см.: Stenton, 1952, *205*], урочища *Pelrynescnol* (*Pilgrim's knowl*), *Pilgrim mosse* (от *pilgrim* ‘паломник’) вполне могли быть пожертвованными церкви.

Названия полей и другой недвижимости, предназначенной для благотворительных нужд, сохранились и после того, как благотворительность оказалась в руках частных лиц и мирских организаций, например: *Charity Close*, *Charity Pastures* (*charity* ‘благотворительность’), *Poor House Croft*, *Poor's Wood* (*poor house* ‘приют’, *poors* ‘бедняки’). Лесные массивы, как и сельскохозяйственные угодья, становились источником средств на благотворительность, что отражено, например, в названии леса *Cotton Relief Wood*, средства от продажи древесины которого шли на помощь голодавшим работникам хлопковых фабрик (*cottonmill-hands*).

4. Пожертвования и поминовение. В ряде микротопонимов в качестве назначения упоминается церковная десятина (др.-англ. *tēoða*): в названиях полей *Tithe Field*, *Tithe Meadow*; ср. нем. *Kasten* (*Kirchenkasten*), *Klingelbeutel* ‘церковная кружка’, *Zehnte* ‘десятина’ в названиях полей типа *Kastenacker*, *Klingelbeutelwiese*, *Zehntwiese*.

Отдельную подгруппу составляют названия объектов, служивших поминальными вкладами, поскольку в них различимы два измерения предназначения: номинативный и прагматический. Формально в таком названии отражено предназначение дохода от объекта на особую церковную службу, но службу за жертвователя, который, таким образом, имеет в виду себя как конечного бенефициента пожертвования. К этому виду топонимов относятся названия полей типа *Chantry Lands*, *The Chantry* – от ср.-англ. *chaunterie* ‘(вклад на) заупокойные мессы в особой церкви’ [Bach, § 394], *Pittance Park* от ср.-англ. *pitaunce* ‘вклад на поминальную трапезу’. В названии при этом может получить языковое выражение не только формальная, но и интенциональная, конечная цель номинатора, ср., например, нем. *Seelgerätacker* – от ср.-в.-нем. *sēlgerǣte* ‘то, что передается Церкви для спасения души, например для заупокойных месс’ [Bach, § 401].

В другом подтипе названий полей содержится обозначение молитв или служб, которые совершали за жертвователя. Например, владелец *Paternoster Bank* получил землю в пользование на условии, что будет ежедневно читать молитву «Отче наш» (*Paternoster*) за спасение души короля [Reaney, 1980, *216*]. Подобное происхождение – от названий служб, молитв или видов благотворительности, совершаемых за душу жертвователя – имеют названия полей *Paternostreland* [Smith, 1961–1986, *75*], *Paternoster Hill*, *Obit(e) lande* [Там же, *134*; *161*] – от ср.-англ. *obit* ‘заупокойная месса’, *Bedlands* [Там же, *96*] – от др.-англ. *bēd* ‘молитва’, и отмеченные выше *Chantry Lands*, *Pittance Park*; ср. русское название луга *Сорокоуст*, который был пожертвован церкви для совершения сорокоуста [Тагунова, 1967, *66*].

Наконец, в названии поля может быть отражен сам статус объекта как пожертвования, например в таких названиях полей, как *the Dowd Field*, *Doudfield*, *Donation Land* – от *endowed* ‘пожертвованный’, *donation* ‘пожертвование’.

В топонимах, содержащих указание на признак ‘предназначение’, он может быть формально выражен с помощью род. п., если элемент относится к одушевленному лицу, например: *Bellringer**s** Close*, *Sexten**s**mead*. Такое употребление является обычным для притяжательных конструкций: как показано в исследовании К. М. Барановой, среди основных референтных ситуаций род. п. в английском языке находится ‘Y is *for* X’ (‘Y предназначено *для* X’) [см.: Баранова, 1998]. Лексически смысл ‘предназначение’ напрямую выражен с помощью слова со значением ‘пожертвование’ (например, *Donation Land*). В прочих случаях смысл ‘предназначение’ не имеет формальных показателей в топониме.

Вместе с тем выявление признака ‘предназначение’, актуализированного при создании топонима, может быть осуществлено с помощью формальной процеду-

ры, основанной на анализе толкования (расшифровки) мотивации топонима. Простое указание на слова, из которых образовано название (например, *Preston* – от др.-англ. *prēost* ‘священник’ и *tūn* ‘село’), позволяет судить об этимологии, но не о мотивации названия, поскольку такое объяснение не эксплицирует пропозицию, лежащую в основе формирования топонима (например, ‘село, основанное орденом каноников’, ‘село, принадлежащее каноникам’ и т. д.). Если же доступно полное толкование названия (например, *Bell Field* «Land endowing a church-bell» <земля, пожертвованная на церковный колокол>), то появляется возможность восстановить направление номинации, в частности ‘предназначение’, поскольку объяснение мотивации топонима показывает, как называемый географический объект был связан с тем или иным признаком. В толкованиях названий полей английскими топонимистами, например, на признак ‘предназначение’ указывает использование ряда языковых средств, в первую очередь, предлогов цели и назначения *for* ‘для’ и *to* ‘к, для’ в различных фразах: *assigned to* ‘отведенный для’, *held in trust for* ‘сохраняемый для’, *whose income contributed to the support of* ‘доход которого содействовал обеспечению’, *providing for* ‘обеспечивающий средства для’, *for the benefit of* ‘в пользу’ (с обозначениями лиц), *the tithes were appropriated to* ‘десятина принадлежала’ (с обозначениями учреждений, корпораций), *dedicated to the care of* ‘посвященный заботе о’ (с обозначениями нуждающихся лиц), *providing funds for* ‘обеспечивающий средства для’, *endowing* ‘пожертвованный и обеспечивающий’, *the endowment of* / *to provide* ‘пожертвование на / для обеспечения средств на’, *dedicated to the maintenance* / *upkeep of* ‘посвященный поддержанию / обеспечению’ (с обозначениями объектов и учреждений).

Сопоставление этих выражений приводит к выводу о том, что пропозиция ‘предназначение’ включает следующие элементы: объект и его продукт (предназначаемое); субъект (предназначающий); действие субъекта (предназначение как таковое, дарение, жертва); конечное назначение или эффект (польза, полезное действие); бенефициант (получающий пользу). Основными элементами для названий полей оказываются 1) объект предназначения (в данном случае называемый географический объект, недвижимое имущество или доход от него); 2) бенефициант предназначения (лицо или неодушевленный объект, например *chanter* ‘певец’, *chancel* ‘алтарь’); 3) цель предназначения или эффект от объекта предназначения (деятельность милосердия, приобретение чего-либо, жалованье и т. д., например *charity*, *relief* ‘благотворительность’, *candle* ‘свеча’, *tithe* ‘десятина’). Бенефициант, цель и эффект подвергаются оязыковлению в зависимом элементе топонима (например, ***Lamp****croft* «Лампадное поле»), в том числе эллиптического (например, *Deacons* «Дьяконово»), и в главном элементе при замещающей номинации (например, *The Quire* «Хор»); сам объект предназначения выражен обычно главным элементом топонима (например, *Orphen****hyll*** «Сиротский холм»).

Анализ английских названий церковных полей, содержащих упоминание об их целевом предназначении, свидетельствует, с одной стороны, о том, что номинация географических объектов основана на отборе концептов (и языковых средств их выражения) из ситуации имянаречения. Такой отбор осуществляется в рамках

принципов или «направлений» номинации, обусловленных, по-видимому, характеристиками самого концепта «место»[3]. Востребованность модели принципов или «направлений» номинации географического места для анализа семантики топонимов становится очевидной, если принять во внимание мнение Ж. Ж. Варбот [1968], которая считает, что «для этимологических исследований необходимы теория семантических переходов (наиболее типичных связей значений) и разработка принципов номинации (хотя бы выделение наиболее характерных для каждого предмета, явления или понятия типов наименования их по определенному признаку)».

С другой стороны, проведенный анализ говорит в пользу важности такого объекта исследования в топонимике, как христианские топонимы. Описанная группа названий полей представляет собой один из элементов системы христианских топонимов, распространенных по всей территории Европы, сравнительное изучение которых могло бы увеличить наши знания о концептосфере европейского общества. В частности, анализ признака ‘предназначение’ в топонимах, даже в отношении финансовой стороны землевладения, позволяет продемонстрировать роль веры и церкви в повседневной жизни европейского общества. Все рассмотренные примеры говорят о том, насколько естественной была идея пожертвования для человека в обществе, где на видном месте в ряду социальных ориентиров находилась забота о святыне, о ближнем, а одним из главных приоритетов было спасение души.

Алпатов В. В. Когнитивные основы формирования топонимов: фрейм имянаречения // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. «Гум. науки». Тамбов: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 4 (44). С. 486–488.

Алпатов. В. В. Концептуальные основы формирования религиозных топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2007. № 1. С. 86–96.

Баранова К. М. Разноструктурные средства описания однотипных ситуаций в современном английском языке: На материале конструкций, выражающих идею притяжательности: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Варбот Ж. Ж. Этимология // Рус. речь. 1968. № 4.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М. 1998.

Ковалева Н. Б. К вопросу о принципах номинации в топонимике: На материале географических названий бассейна р. Ини // Вопросы топономастики. Свердловск, 1971. № 5. С. 133–136.

Копач О. И. Номинация водных объектов в белорусском и английском языках: На материале гелонимов Беларуси и США: Дис. … канд. филол. наук. Минск, 2004.

Тагунова В. И. Некоторые исторические изменения в микротопонимии Муромской земли // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ, 1967. С. 54–62.

---

[3] В ономасиологии давно известен термин *принцип номинации* ‘наиболее общая закономерность выбора признака’ [см.: Ковалева, 1971]. *Направление* номинации могло бы заполнить нишу между слишком крупным *принципом* и слишком дробным *признаком*. О концептуальной модели формирования топонимов см.: [Алпатов, 2006; 2007].

Armstrong A. M. et. al. The Place-Names of Cumberland. In 3 Vols. Cambridge: CUP, 1950.
Bach A. Deutsche Namenkunde. Bd. II (1–2): Die deutsche Ortsnamen. Heidelberg: Winter, 1952–1954.
Cameron K. The Place-Names of Derbyshire. In 3 Vols. Cambridge: CUP, 1959.
Dodgson J. McN. The Place-Names of Cheshire. In 5 Vols. Cambridge: CUP, 1970.
EFND - English Field Names: A Dictionary / J. Field (ed.). Newton Abbott, 1972[1]. 1989[2].
Field J. A history of English field names. London; New York: Longman, 1993.
Gover J. E. B. et al. The Place-Names of Nottinghamshire. Cambridge: CUP, 1940.
Gover J.E.B. et al. The Place-Names of Surrey. Cambridge: CUP, 1939.
Reaney P. H. The Origin of British Surnames. London etc.: Routledge and Kegan Paul, 1980.
Smith A. H. The Place-Names of the West Riding of Yorkshire: In 8 Vols. Cambridge: CUP, 1961–1986. Vol. 5.
Smith A. H. The Place-Names of Gloucestershire: In 4 Vols. Cambridge: CUP, 1964–1965. Vol 2. P. 188–189.
Stenton D. M. English Society in the Early Middle Ages. Harmondsworth: Penguin, 1952.

* * *

Владислав Викторович Алпатов – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современных технологий обучения Московского городского педагогического университета.

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2009. № 7

Е. Э. Иванова

К СОСТАВЛЕНИЮ МАРШРУТНОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ*

Topical issues of onomastic lexicography, such as entry structure, place-name variation and choice of the main variant, as well as volume of linguistic, historical and cultural data about place-names in popular science dictionaries are examined by the author on the example of Place-Name Dictionary of the Middle Chusovaya region. It is a 'route' place-name dictionary, based on a route toponymic survey during the field research. Place-name entries don't follow the alphabetical order, but are arranged according to their succession – from the river-head to the mouth (with the bank mentioned). Such presentation is convenient in relation to the linear objects, especially such rivers as Chusovaya, which was the main transport artery of the region since old times. Entry structure is elaborated: place-name, geographical terms, providing type of object, geographical linkage (right or left bank), place-name variants (including historical), etymological information, onomasiologic interpretation of the place-name. The dictionary is aimed to a wide audience; its genre is defined as popular science.

Одно из направлений современной топономастики – региональные исследования. Выявить основные типологические черты топонимов, установить закономерности их возникновения и функционирования можно лишь тогда, когда рассматривается вся совокупность топонимов той или иной территории. Надежная этимология географических названий может быть дана только на основе комплексного исследования, учитывающего географию и историю региона, диалектный фон, местную антропонимию и этнонимию. Из-за сложности и многообразия при-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Словарь топонимов среднего течения реки Чусовой», проект № 08–04–83402 а/У.

© Е. Э. Иванова, 2009

влекаемых данных такие исследования приходится осуществлять на территориально ограниченном материале. В последнее время региональные топонимические исследования все чаще воплощаются в форме словарей, доступных широкому кругу читателей. Издания рассчитаны на различные категории адресатов, имеют разную степень достоверности при объяснении названий. Их выпускают как лингвисты, так и историки, географы, краеведы.

Словари охватывают различные по площади территории: регион, область, район, окрестности города [см.: Матвеев, 2007; 2008; Кривощекова-Гантман, 1983; Дунаев, 1992]. Наряду с общими словарями появляются выборочные, которые включают названия только определенных объектов: гор, рек, населенных пунктов [см.: Матвеев, 1990; Воробьев, 2005; Крюкова, 2002]. Большинство словарей носит научно-популярный характер. Составляемый автором словарь топонимов среднего течения реки Чусовой также мыслится как научно-популярный. Этимологии не будут отягощены громоздким научным аппаратом (ссылками, цитатами). Сокращений должно быть минимум. Иноязычные слова будут передаваться средствами русской графики.

Бассейн Чусовой – регион с уникальными физико-географическими особенностями и богатой историей, что обусловило появление интересной и разнообразной топонимии. Наличие субстратного слоя и наряду с ним – русской топонимии относительно недавнего происхождения, дающей возможность наблюдать процессы создания топонимов, делает район привлекательным для топонимического изучения. Кроме того, среднее течение Чусовой – популярный туристический маршрут. Существует большое количество путеводителей и карт по Чусовой, в которых, к сожалению, нередко нет единства в наименовании объектов, встречаются картографические ошибки. Наряду с народными названиями существуют и так называемые «туристические», иногда неизвестные местному населению, иногда известные, но неупотребляемые. При записи топонимов в полевых условиях приходится слышать: «Туристы называют *Корабли*, а мы *Коньи Уши*» (о камне у с. Чусовое). Произведенная маркировка маршрута в некоторых случаях неверна, и местные жители всегда это отмечают: «На нем табличка *Собачий*, да какой это *Собачий*, *Собачий* дальше, а это просто *Камешок*» (о камне у д. Ёква).

Словарь основан на картотеке полевых записей, собранных топонимической экспедицией Уральского государственного университета им. А. М. Горького и лично автором с 1980 по 1988 г. Кроме того, привлекаются данные картографических и письменных (в том числе исторических) источников. В словаре предполагается указать все разночтения в наименовании объектов.

Поставленные задачи диктуют особый способ подачи материала. Обычно слова в словарях приводятся по алфавиту. Однако для топонимов возможен и другой принцип, который реализовал в своем словаре «От Пай-Хоя до Мугоджар» А. К. Матвеев. Он пишет: «На тысячи километров протянулся Урал с севера на юг, или, как говорят, в меридиональном направлении. Что, если использовать эту его особенность? Пусть горы предстанут и в книге в том же природой установленном порядке, как и в действительности – с севера на юг, от берегов Ледовитого океана

до приаральских степей. А мы с вами, читатели, отправимся в своего рода путешествие по этим горам» [Матвеев, 1984, *8*]. Такая подача материала еще более удобна для линейных объектов – рек, особенно для тех, которые, как Чусовая, с древности являются важнейшей транспортной артерией региона. Поэтому топонимы в словаре будут подаваться в порядке следования от г. Ревды до г. Чусового с указанием берега (левый – «л.» или правый – «пр.»). Для объектов, находящихся в русле реки (остров, отмель, перекат, плес), берег не указывается. После названия приводится географический термин, указывающий на вид объекта. Для скал используется диалектный термин *камень* («к.»), который употребляется в бассейне Чусовой.

Большинство разночтений, которые существуют на картах и в путеводителях по Чусовой, были выявлены в ходе маршрутной топонимической съемки, проведенной во время лодочных экспедиций. По ходу движения в путевых дневниках фиксировались все объекты по берегам реки и на реке: камни, горы, холмы, поляны, впадающие реки и ручьи, острова, отмели, перекаты, плесы, изгибы русла реки. Помимо фиксации объектов с указанием берега, давалось их описание, зарисовка наиболее интересных (например, камней), фотографирование. Одновременно производилась сверка с имеющимися картами и схемами. На основе полученных результатов строилась беседа с информантами. Таким образом, маршрутная топонимическая съемка дает возможность соотносить картографические и народные названия и позволяет подавать материал в порядке, «установленном природой».

Для удобства пользования словарем среднее течение Чусовой разделено на 9 участков, которые будут указаны в оглавлении: г. Ревда – пос. Билимбай, пос. Билимбай – с. Слобода, с. Слобода – р. пос. Староуткинск и т. д. В начале словаря будет дана статья, посвященная топониму *Чусовая*.

Одна из серьезных проблем, стоящая перед составителем любого словаря, – отбор материала. На наш взгляд, в «маршрутном» словаре должны быть представлены названия всех объектов, встречающихся по ходу движения. Исключение составляют названия угодий (лугов, полей). Они включаются только в том случае, если название интересно с лингвистической или исторической точки зрения. В словарь также будут включены названия объектов, которые расположены на небольшом расстоянии от берега, но видны с реки (горы, населенные пункты).

Принципиальным представляется вопрос о выборе варианта топонима в качестве заглавного слова. Известно, что топоним существует в диалектной среде во множестве вариантов, иногда их количество доходит до десяти. Не всегда наиболее частотный народный вариант совпадает с официальным. Географические названия на карте зафиксированы топографами. Иногда топографы достаточно произвольно выбирают вариант названия для занесения на карту; встречаются и ошибки, которые являются результатом случайного искажения или связаны с попытками найти внутреннюю форму непонятного топонима: к. *Владышный* (от *владыка*) – карт. *Ладыжный*, ур. *Коршуково* (от фамилии *Коршуков*) – карт. *Коршуново*. Несмотря на сделанные оговорки, на наш взгляд, в качестве заглавного следует

приводить картографический вариант топонима. Практически все топонимы среднего течения реки Чусовой зафиксированы на картах и в путеводителях. Исключение составляют некоторые микротопонимы. При включении такого микротопонима в словарь обязательно будет отмечено, что это народная форма, не зафиксированная на карте.

Картографический вариант топонима – наиболее известный и привычный для всех потенциальных читателей словаря, знакомых с местной топонимией по путеводителям и картам. Как правило, он совпадает с одним из народных вариантов названия. Если в путеводителях и на картах встречаются разночтения в наименовании объекта, или же картографический вариант отличается от народного, в статье это обязательно отмечается. Топонимы приводятся с ударением (за исключением форм, зафиксированных только на карте):

Дыроватые Рёбра, к. (пр.). Также – *Филин*. Обе формы встречаются только на картах. Местные жители называют камень *Дырова́тый* или *Дырова́тик,* потому что в нем есть пещеры. На картах XIX в., например, у В. Лохтина, камень также назван *Дыроватый.* Форма *Дыроватые Рёбра* возникла, вероятно, по аналогии с соседним камнем *Кобыльи Рёбра.* Скалы представляют собой ряд крупных вертикально стоящих пластов, разделенных крутыми залесенными логами, и могут быть сопоставлены с ребрами животного. В путеводителе Постоноговых указано, что *Филин* (от антропонимов *Филя*, *Филин*) – старое название камня, однако нам не удалось его обнаружить в исторических источниках.

Молоданы, ур. (л.) – на месте бывш. д. Ошибочная картографическая форма. Местные жители называют урочище *Молока́ны* и сообщают, что раньше там жили *молоканы*, однако не могут объяснить, кто они такие. В среднеуральских говорах фиксируется слово *молокан* ‘собиратель коровьего молока на маслобойный завод’, ‘человек, который очень любит молоко’. Возможно, речь идет о представителях религиозной секты *молокан*. Остается загадочной форма: почему не *Молокане*? Однако для обозначения группы людей в уральских диалектах используется форма на *-аны*, ср. *свадебжане* и *свадебжаны* ‘участники свадьбы’.

Сыриха, р. (пр.). Ошибочная картографическая форма. Местные жители называют реку *Сура́* или *Сурья́*, от южномансийского *сур* ‘речной песок’, *я* ‘река’, т. е. «Песчаная река». Известно, что река пересыхает в жаркое время и ее русло представляет собой топкое, сырое место. Возможно, именно этот факт способствовал переосмыслению формы *Сура* в *Сыриха.*

Лексические варианты топонимов приводятся в словарной статье обязательно. Словообразовательные и фонетические варианты даются только в том случае, если они представляют лингвистический интерес и важны для этимологии топонима:

Бы́стрый, к. (л.). Название дано по перекату *Быстрый.* Наименование вторично, об этом говорит не только семантика (прил. *быстрый* указывает на скорость течения реки), но и второе название камня, не менее распространенное среди местного населения – *Бы́стренский.* В некоторых путеводителях камень отмечен как *Безымянный.*

Гарды́м, к. (л.). Также – *Гырды́м.* Можно сравнить с диалектным словом *гырдым* ‘высокий, сухощавый, неуклюжий человек’. В удмуртском языке *гырдым* ‘кляча’. Возможно, в этом значении слово и употреблялось ранее в говорах. Частично это подтверждает название соседнего камня – *Коньи Уши.* Тогда перед нами интересная метафорическая пара: *Гардым* («Конь») – *Коньи уши*.

Важнейшая задача топонимического словаря – установить, от какого слова образовано название. Но есть и другая задача – выявить причину, обстоятельства наименования, и в научно-популярном издании она не менее важна. По мере воз-

можности в словарных статьях будет указываться причина номинации, основанная на сообщениях местных жителей, на данных, извлеченных из письменных источников (в том числе исторических), или на собственных наблюдениях. Вопрос об объеме подобной информации решается в каждом случае индивидуально. Обязательно должны быть приведены сведения, связанные прямо или косвенно с происхождением названия:

Гео́ргиевский, к. (пр.). Камень получил название от деревянной часовенки, которая была сооружена на нем в честь святого Георгия Победоносца. До наших времен часовня не сохранилась.

Ши́ло, к. (л.). Старожилы чаще называют камень *Ши́лков* или *Ши́ло-ка́мень.* По историческим источникам, раньше на этом месте находилась деревня *Шилова*, что подтверждает антропонимическое происхождение названия – от прозвища *Шило* или фамилии *Шилов*. Кроме того, камень представляет собой ряд скал, вытянутых вдоль Чусовой, ни одна из них по форме не напоминает шило. Скорее всего, название *Шило* вторично, возникло по аналогии с другими метафорическими названиями камней: *Игла*, *Веер* и др.

На наш взгляд, в словарной статье должны быть приведены все легенды и предания, связанные с происхождением названия, даже если в них содержится неточная историческая информация или народная этимология:

Ерма́к, к. (пр.). От личного имени *Ермак*, производного от *Ермолай*. По преданию, Ермак Тимофеевич зимовал в пещере со своей дружиной и спрятал там свои сокровища. История этого не подтверждает. Труднодоступный вход в пещеру и размеры (грот около 4 м) также говорят не в пользу легенды. В то же время известно, что дружина Ермака проходила по этим местам. У камня звучное эхо, и раньше сплавщики не упускали случая окликнуть Ермака, веря, что он сам откликается на их зов.

Ма́евка, часть с. Слобода, бывш. д. По преданию, деревня возникла как временный приют для бурлаков, приходящих на сплав караванов весной. Она оживала только в *мае*, а потом жизнь в ней замирала до следующего сплава. Нельзя исключить и антропонимическое происхождение названия: существовало прозвище *Май*, есть и образованная от него фамилия *Маев.*

Для того чтобы разграничить народную и научную этимологию, следует комментировать и этимологии топонимов, которые встречаются в туристических путеводителях:

Часово́й, к. (пр.). В современных путеводителях камень сравнивают с *часовым*, стоящим на страже реки. Это позднейшая интерпретация названия, которое образовано от прил. *часовой*, восходящего к сущ. *час.* Старожилы утверждают, что в ясную погоду по солнечным бликам на камне можно приблизительно определить время. На некоторых картах камень назван *Гуляй.* В путеводителе Постоноговых дается такое объяснение названия: «Пройдя мимо этого камня, дальше можно было некоторое время плыть гуляючи». Это народная этимология. Скорее всего, в основе названия прозвище *Гуляй* или фамилия *Гуляев.*

Повторяющимся названиям присваивается индекс в виде арабской цифры. При этом ономасиологическая интерпретация топонимов может различаться:

Пе́чка 1, к. (л.). Камень имеет пещеру и формой напоминает русскую печь. Это распространенное название для камней с пещерами на Чусовой и других реках. Уместно вспомнить, что корень в слове *пещера* тот же, что и у слова *печь.* Второе название камня – *Омутно́й* – объясняется тем, что лодки с туристами попадают словно в *омут*: река, столкнувшись с громадной скалой, замедляет

течение и делает крутой поворот в сторону. На некоторых современных картах камень называется *Львиная Пасть*. Туристы находят камень похожим на голову льва с открытой пастью. Однако искусственно созданное название в народе не прижилось.

Пéчка 2, к. (л.). Небольшой камень, который раньше жители деревни Кашка пережигали на известь. Старожилы рассказывают, что по печи, которая стояла рядом, урочище называлось *У Печки*. Затем название было перенесено на камень – *Печка*. В то же время не исключено, что первоначально камень был похож на печь или имел пещеру (см. ***Печка 1***). Тогда соседние камни *Печка* и *Голубчики* (от *голбчик*, *голубчик* ‘пристройка к русской печке’) составляют интересную образную пару.

Словарь среднего течения реки Чусовой предполагается оформить как научно-популярное издание, проиллюстрировав его фотографиями наиболее интересных объектов, например камней.

Предисловие к словарю будет содержать историко-географический очерк региона и общую характеристику словаря и словарной статьи. В приложении к словарю будут даны 1) алфавитный указатель топонимов с указанием страницы словаря; 2) схема среднего течения Чусовой с указанием всех объектов; 3) список условных сокращений географических терминов; 4) список упоминаемых в словаре источников; 5) краткий словарь лингвистических терминов; 6) краткий список литературы.

Для примера приведем фрагмент словаря (пгт Билимбай – с. Слобода):

Билимбáй, пгт (пр.). Есть предание, что до постройки в 1730–1734 гг. Билимбаевского чугуноплавильного завода здесь жил башкир или татарин *Билимбай*, по имени которого и был назван завод. Такое тюркское имя, составленное из слов *белем* ‘знание’ и *бай* ‘богатый’, вполне могло существовать (ср. русские слова *знахарь* ‘тот, кто знает’, *ведун* ‘тот, кто ведает’). Имена такого типа в башкирском и татарском языках обычны, см., например, башкирские *Алтынбай* «Богатый золотом», *Кунакбай* «Богатый гостями». Так как башкирское и татарское *е* представляет собой нечто среднее между русскими э и *и*, *Белембай* в русском языке могло восприниматься как *Билимбай*.

Билимбáевка, р. (пр.). В речи местных жителей встречается также вариант *Билимбаиха*. Река получила название по пос. *Билимбай*.

Извездна́я, д. (пр.). В местном произношении название звучит как *Извезна́я* (от диалектного прилагательного *извезной* ‘известковый’). В бассейне Чусовой есть три реки с названием *Извезная*, одна из них имеет вариант *Известная*, другая – *Известковый Лог*. Все топонимы указывают на характер почвы. Из *Известная* возникает *Извезная* в результате упрощения группы согласных *стн*. Официальный вариант *Извездная* мог возникнуть при забвении внутренней формы.

Билимбáй, ж.-д. ст. (л.). Станция названа по пос. *Билимбай*.

Петрýшиха, р. (л.). Гидроним образован от личного имени *Петруша*, производного от *Петр*. На некоторых картах приводится ошибочная форма *Патрушиха*.

Макáровка, р. (л.). По преданию, в глуши близ реки жил старец *Макар*, по имени которого и была названа река. Однако чаще небольшие речки именуются по деревням, при этом к ойконимам на *-ов(а, о)* добавляется суффикс *-к(а)*. Поэтому, скорее всего, в основе гидронима – название соседней деревни *Макарова*. Ср. также: д. *Волегова* – р. *Волеговка*.

Макáрова, д. (л.). От антропонимов *Макар* или *Макаров*. Возможно, по имени старца *Макара*, о котором рассказывают старожилы.

Бити́мка, р. (л.). По преданию, в далеком прошлом на реке жил человек по имени *Битим*. Однако это – народная этимология непонятного топонима. Название реки может восходить к южномансийскому *пити* ‘гнездо’, с учетом того, что *п* в южномансийском диалекте переходило в *б*, а конечное *м* может восходить к суффиксу обладания *-нг-*. Таким образом, *Битимка* – «Гнездовая река». Интересно, что на берегу реки до сих пор сохранились деревянные срубы, присыпанные полуметровым слоем земли. По мнению старожилов, здесь проживало племя чудь. Возможно, это следы мансийского поселения.

Бити́мка, д. (л.). Деревня названа по одноименной реке.

Конова́лово, д. (л., пр.). Название образовано от прозвища *Коновал* или фамилии *Коновалов*. Местные жители рассказывают, что раньше здесь жил перевозчик *Коновал*, который перевозил обозы через реку или указывал место брода.

Конова́ловка, р. (пр.). Гидроним образован от названия деревни *Коновалово* (ср. д. *Макарова* – р. *Макаровка*).

Конова́лова, г. (пр.). Старожилы чаще называют гору *Конова́ловская*, что позволяет говорить о вторичности оронима по отношению к названиям реки и деревни.

Ве́ресовка, пос. (пр.). Поселок получил название по фамилии *Вересов*. Можно предположить и образование от *верес* ‘можжевельник’. Можжевельник растет по берегам Чусовой. Ср. распространенные повсюду названия *Сосновка*, *Березовка* и т. п.

Кры́лосово, с. (пр.). Село основано переселенцами из д. *Крылосовой* Кунгурского уезда. В основе названия – антропоним. Известна фамилия *Крылосов*, которая связана со словом *клирос* ‘место в церкви слева и справа от алтаря, отведенное хору певчих’. Перестановка *л – р* (метатеза) – результат переосмысления непонятного слова по русскому *крыло*.

Черемша́, р. (л.). Название дано из-за обильного произрастания в долине реки *черемши* – многолетнего травянистого растения рода луковичных.

Ве́рхний За́йчик, к. (л.). Возможно, название метафорического происхождения, но проверить это трудно: камень почти весь разрушен для обжига извести. Поэтому следует рассмотреть еще одну гипотезу: *зайчиком* на Волге называют пену на вершине волны. Переселенцы с Волги могли перенести слово на Урал. Интересно, что напротив камня шумит длинный перекат, через который с пеной и шумом мчится вода. Камень *Нижний Зайчик* также находится у переката.

Чёрная, р. (пр.). Река протекает по торфяному болоту и собирает болотные воды, *черные* по цвету из-за наличия большого количества органических веществ.

Ни́жний За́йчик, к. (л.). См. *Верхний Зайчик*.

Пья́ный, к. (л.). *Пьяными* обычно называли места, где устраивали гуляния и распивали спиртные напитки. Ср. *Пьяная гора* в с. Кын и *Пьяная коса* у с. Сулем.

Вися́чий 1, к. (л.). Камень *нависал* над Чусовой подобно козырьку. Во время строительства железной дороги Екатеринбург–Пермь вершину утеса взорвали, но название осталось.

Бойцы́, ж.-д. ст. (л.). *Бойцами* на Чусовой называют отдельные утесы на реках, опасные во время весеннего сплава. «*Бойцы* – потому что барки били», – объясняют старожилы. Вблизи станции находятся бойцы *Висячий* и *Пьяный*, что и послужило причиной номинации.

Медве́жья Гора́, к. (пр.). Гора обрывается к реке камнем. Старожилы и гору, и камень называют *Медве́жье Ме́сто*, потому что туда нередко захаживали медведи.

Медве́дка, р. (пр.). На картах XIX в. река называется *Медвежий Лог*. Современное название образовано от сущ. *медведь*.

Ка́менка 1, р. (л.). На Урале много речек и ручьев с названием *Каменка*, *Каменушка*, *Каменный Лог*. Такие названия получают небольшие горные речки с каменистым ложем.

Кра́сная, г. (л.). *Красными* горы и скалы могут быть названы по различным причинам. Эта гора получила название потому, что сложена из красновато-глинистого сланца.

Медве́жий, к. (л.). Наряду с названиями *Медвежья Гора* и *Медведка* указывает на места обитания медведей в прошлом.

Тимо́шиха, р. (л.). В основе гидронима – личное имя *Тимоша*, уменьшительное от *Тимофей*.

Чирки́, к. (л.). На картах XIX в. камень называется *Чирковский* (от фамилии *Чирков*). С течением времени произошло «сокращение» названия и оформление по модели *Pluralia tantum*. Ср. также д. *Щербаки* – истор. *Щербакова*, д. *Волыны* – истор. *Волынкина*.

Си́ний, к. (л.). Камень получил название по цвету горных пород.

Безымянный, к. (пр.). Назван так картографами потому, что местные жители не дали никакого имени этому неприметному камню.

Косо́й Перебо́р, пер. Перекат получил такое название, потому что идет наискосок через Чусовую. *Перебор* – диалектный вариант географического термина *перекат*.

Косо́й, к. (л.). На вторичность наименования камня по отношению к перекату указывают исторические формы: *Косовской Увал*, *Косовской Камень*, т. е. «камень, находящийся у Косого переката».

То́лстик, к. (л.). Мощный с плавными очертаниями утес получил свое имя по форме: диалектное сущ. *толстик* означает ‘толстяк’. Кстати, местные жители называют камень и *Толстик*, и *Толстя́к*.

Шиши́мский, к. (пр.). Камень находится в устье р. *Шишим*, по которой и получил название.

Шиши́м, р. (пр.). Иногда – *Большо́й Шиши́м*, поскольку различаются верховья – *Восточный*, *Чёрный* и *Казачий Шишим*. Скорее всего, от башкирского *шишмə* ‘ручей’, ‘родник’, преобразованного на русской почве. Другой путь объяснения – из мансийского *шиш* ‘спина’, ‘тыл’, ‘задняя часть’, *шишинг* ‘спинной’. Так могли назвать реку манси, живущие на берегу Чусовой.

Коу́ровка, пос. и ж.-д. ст. (л.). Первично название станции (1909). В путеводителе Ф. П. Доброхотова указывается, что станция получила наименование от урочища *Коуров Лог*, в основе которого фамилия *Коуров* или прозвище *Коур*, *Коурый*. В источнике 1545 г. упоминается, например, новгородский скоморох *Коур*. Фамилию *Коуров* приводит в своей книге «К истокам пермских фамилий» Е. Н. Полякова, возводя ее к прозвищу *Коурый*, которое дано человеку со светло-каштановыми волосами.

Прогре́сс, пос. (пр.). Поселок возник при лесопильном заводе, построенном и пущенном в 1922 г. Название завода «Прогресс» относится к числу символических, характерных для первых послереволюционных лет. Это название было перенесено на поселок.

Слободско́й, к. (пр.). Назван по селу *Слобода*, у которого находится.

Слобода́, с. (л. и пр.). Поселение возникло в 1651 г. в большой излучине Чусовой при впадении в нее р. Утка на месте старинного «остяцкого становища». Первоначально называлась *Чусовская Слобода*, *Уткинская Слобода.* Слово *слобода* (из *свобода*) сперва означало ‘поселение свободных землевладельцев’. Уральские слободы представляли собой самостоятельные поселения, служившие центрами для окрестных деревень, и были укреплены острогами, т. е. являлись военно-оборонительными поселениями.

Воробьев В. М. Тверской топонимический словарь: Названия населенных пунктов. М., 2005.
Доброхотов Ф. П. Урал Северный, Средний и Южный: Справочная книга. Пг.,1917.
Дунаев А. Ю. Топонимы окрестностей Первоуральска. Первоуральск, 1992.
Кривощекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья. Пермь, 1983.
Крюкова И. В. Реки и водоемы Волгоградской области: Гидронимический словарь. Волгоград, 2002.
Лохтин В. Река Чусовая. С приложением схематической карты р. Чусовой от устья р. Ревды до ст. Чусовая. СПб., 1889.
Матвеев А. К. От Пай-Хоя до Мугоджар: Названия уральских хребтов и гор. Свердловск, 1984.
Матвеев А. К. Вершины каменного пояса: Названия гор Урала. Челябинск, 1990.
Матвеев А. К. Географические названия Свердловской области. Екатеринбург, 2007.
Матвеев А. К. Географические названия Урала. Свердловск, 2008.
Полякова Е. Н. К истокам пермских фамилий. Пермь, 1997.

* * *

Елена Эдуардовна Иванова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2009. № 7

И. В. Ефименко

МУЖСКИЕ ИМЕНОВАНИЯ ЧЕРНИГОВЦЕВ И НОВГОРОДЦЕВ В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ XVII В.

The research is devoted to the male names of the native inhabitants of Chernigov and Novgorod regions fixed in the written monuments of XVII century. The author suggests comparative facets analyzing modes and means of the personal identification on these archaic East-Slavonic territories. This observation allows revealing both common East Slavic and specifically regional trends and principles of nomination in the identification system of Chernigov and Novgorod inhabitants.

Антропонимная система восточных славян дофамильного периода не была унифицирована и отличалась богатством способов и средств идентификации личности. Однако в XVII в. начинается постепенная стабилизация антропонимных именований, в частности отбор языковых вариантов и форм, впоследствии ставших общепринятыми. Все эти явления отражены в восточнославянских памятниках деловой письменности указанного периода, в которых наряду с традиционным книжным именованием людей широко используются народно-разговорные формы, свойственные местным диалектам. Предложенный анализ мужских именований черниговцев и новгородцев осуществлен на базе двух опубликованных памятников деловой письменности: украинского – «Переписні книги 1666 року»[1] [ПК], охватывающего территорию давней Черниговщины, и русского – «Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов»[2] [НЗКК], представляющего территорию давней Новгородской земли.

---

[1] «Переписні книги 1666 року» содержат подворную перепись населения давней Черниговщины, преимущественно крестьян и мещан-ремесленников, подлежащих налогообложению.

[2] «Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов», составленные на протяжении 1591–1609 гг. (к анализу привлекался только материал XVII в.) в Новгороде и в новгородских пятинах, содержат перечень кабальных грамот с записями имен закабаленных крестьян и их хозяев.

© И. В. Ефименко, 2009

Обе рассматриваемые территории интересны как с исторической, так и с языковой точек зрения, поскольку принадлежат к архаичным восточнославянским землям, имеющим важное значение для этногенеза славян. В прошлом Черниговщина и Новгородщина как территории проживания восточнославянских племен северян и ильменских славян, входивших в состав Киевской Руси, активно контактировали друг с другом [см.: IMiC, 1972, *13*]. После распада Киевского государства Черниговская и Новгородская земли развивались самостоятельно, время от времени оказываясь в сфере влияния различных этносов. При этом коренное население на обеих территориях всегда оставалось в господствующем положении. В исследуемый период Черниговщина и Новгородщина входили в состав одного общего централизованного государства – России.

Привлеченные к анализу памятники письменности являются ценным и надежным источником антропонимной информации, объективно отражающим принятую в XVII в. на каждой из исследуемых территорий систему именования личности. Для анализа отбирались антропонимы, принадлежащие равноправным группам населения, в частности кабальным холопам, бобылям, крестьянам, реже – мещанам и в единичных случаях – подьячим, дьякам, казакам.

Хотя антропонимный материал черниговских переписных и новгородских кабальных книг ранее привлекался к анализу [см.: Мирославская, 1955; Недилько, 1969; Худаш, 1977; Шевцова, 1978; Сенив, 1986], в сопоставительном аспекте антропонимные системы этих письменных источников не рассматривались. На наш взгляд, именно такой аспект исследования наиболее полезен, поскольку дает возможность установить как общеславянские тенденции и закономерности, так и национальную специфику в системе идентификации личности. Поэтому целью предложенной статьи является сравнительный анализ способов и средств именования жителей Черниговщины и Новгородщины в XVII в., позволяющий выявить особенности (в частности, общие и отличительные черты) используемых антропонимных формул.

Поскольку ядром любого антропонимного именования является личное имя, детальнее остановимся на этом классе антропонимов. В обоих исследуемых памятниках письменности заметно преобладают имена христианского происхождения. Причем их состав у черниговцев и новгородцев приблизительно одинаков. К наиболее распространенным относятся такие христианские имена, как: *Іван* [ПК] / *Иван* [НЗКК], *Василей* [ПК, НЗКК], *Яков* [ПК, НЗКК], *Григорей* [ПК, НЗКК], *Михайло* [ПК] / *Михаил* [НЗКК], *Федор* [ПК, НЗКК], *Петр* [ПК, НЗКК], *Андрей* [ПК, НЗКК], *Семен* [ПК, НЗКК]. Чаще употребляются народно-разговорные (или квалитативные) формы личных имен, ср., например, у черниговцев: *Васка*, *Гаврилко*, *Лучка*, *Максимко*, *Лукашка*, *Прошка*, *Оска*, *Харко*, *Мишка*, *Пронка*, *Савка*, *Тимошка*, *Андрюшка*, *Сенка*, *Зенко*, *Оска*, *Радионко*; у новгородцев: *Гришка*, *Остапко*, *Савка*, *Ортемко*, *Сенька*, *Дениско*, *Кондратко*, *Ондрейко*, *Сергийко*, *Васька*, *Тараско*. Как видно из приведенных иллюстраций, квалитативные формы христианских имен, отмеченные в обоих источниках, образовывались преимущественно с помощью суффиксов *-к-о*/*-к-а*. Однако у новгородцев изредка наблюдаются словообразовательные типы, нехарактерные для черниговцев, в частности

на *-уш-а/-юш-а – Сергуша* [НЗКК, *182*], *Петруша* [НЗКК, *185*], *Ондрюша* [НЗКК, *319*]; *-ик – Изотик* [НЗКК, *28*], *Поликарпик* [НЗКК, *239*]; *-аш – Кондраш* [НЗКК, *310*]; *-уг-а/-юг-а – Ортюга* [НЗКК, *48*]; *-ук/-юк – Васюк* [НЗКК, *147*]; *-уш – Якуш* [НЗКК, *23*]; *-ец – Ортемец* [НЗКК, *63*]; *-ах-а/-ох-а – Олексаха* [НЗКК, *148*], *Тимоха* [НЗКК, *340*]; *-ех – Демех* [НЗКК, *317*].

В XVII в. у населения Черниговщины еще продолжают функционировать исконные (автохтонные) славянские имена, хотя по количеству они значительно уступают христианским, ср., например: 1) отапеллятивные имена: *Малый* [ПК, *197*], *Грек* [ПК, *6*], *Острян* [ПК, *60*], *Осмак* [ПК, *110*], *Малыш* [ПК, *125*], *Угрим* [ПК, *139*], *Палешук* [ПК, *277*], *Куцѣй* [ПК, *283*], *Жданко* [ПК, *310*], *Мерзлик* [ПК, *358*], *Хвалейко* [ПК, *362*]; 2) композитные и откомпозитные имена: *Богдан* [ПК, *144*], *Бориско* [ПК, *349*].

В новгородском памятнике, как отмечала еще А. Н. Мирославская, в употреблении христианских и славянских имен прослеживается социальная дифференциация, при которой автохтонными славянскими именами называются в основном закабалители (т. е. представители высших слоев общества), в то время как кабальные холопы носят христианские имена [см.: Мирославская, 1955, *8*]. Хотя в единичных случаях у представителей низших слоев общества фиксируются имена славянского происхождения, в частности отапеллятивные – *Жданко* [НЗКК, *331*], *Китко* [НЗКК, *245*], а также композитные и откомпозитные – *Володимер* [НЗКК, *8*], *Борис* [НЗКК, *137*]. Однако чаще всего исконные славянские имена у новгородских кабальных холопов употребляются в функции прозвищ в составе двух- и трехчленных именований (см. ниже).

Следует заметить, что в славянском именнике черниговцев и новгородцев прослеживаются два имени – *Ждан(ко)* и *Борис*, одинаково популярные на обеих территориях.

Особенностью функционирования личных имен (христианского и славянского происхождения) в новгородских кабальных книгах было употребление имени одного и того же лица в разных формах – полной и квалитативной. В неофициальной части записи употребляется народно-разговорная форма имени, а в долговой записке, требующей точного определения личности, – полная форма.

Личные имена в исследуемых письменных памятниках сопровождаются другими, дополнительными антропонимными единицами – патронимами (матронимами), прозвищами, фамильными прозваниями[3], составляя таким образом антропонимную формулу. Антропоформулы черниговцев и новгородцев, представленные в исследуемых документах, по количеству компонентов преимущественно однотипные. Как правило, это двух- и трехчленные именования, причем их соотнесенность в обоих памятниках приблизительно одинаковая: половина – двухкомпонентные, немного

[3] Под термином *фамильные прозвания* подразумеваем антропонимы, обозначающие (объединяющие) членов одной семьи, т. е. так называемые переходные (факультативные) антропонимные единицы между индивидуальными прозвищами и фамилиями в современном понимании.

меньше половины – трехкомпонентные. Значительно реже употребляются одночленные и многочленные антропонимные модели.

Известно, что самым давним способом именования человека в письменных источниках был однокомпонентный. Хотя для XVII в. идентификация личности с помощью одного антропонима уже не совсем типична, тем не менее в обоих анализируемых памятниках еще прослеживаются однокомпонентные именования. В новгородских кабальных книгах такие именования достаточно редки. Они представляют собой квалитативную форму христианского личного имени и употребляются, например, для называния детей закабаленных крестьян, ср.: *Митрофанко* [НЗКК, *1*], *Сенька* [НЗКК, *8*], *Савка* [НЗКК, *11*], *Зеновко* [НЗКК, *2*], *Потапко*, *Томило* [НЗКК, *3*], а также при повторном именовании заимщиков, ср.: *Васька*, *Кондраш* [НЗКК, *310*], *Иванко* [НЗКК, *307*], *Степанко* [НЗКК, *309*] и др.[4]

В черниговских переписных книгах одночленные именования засвидетельствованы чаще и представлены разными классами антропонимов, например: христианским личным именем – *Михайла* [ПК, *154*], *Сафрон* [ПК, *153*], *Яков* [ПК, *156*], *Ефрем* [ПК, *155*]; патронимом на *-енк-о – Карпенко* [ПК, *274*], *Дехтяренко* [ПК, *227*], *Ещенко* [ПК, *227*], *Симоненко* [ПК, *227*]; оттопонимным определением на *-ск-ий*: *Каменский* [ПК, *254*]. Наиболее многочисленны у черниговцев одночленные именования в функции прозвища[5], ср., например: *Бузовица* [ПК, *274*], *Чижак*, *Козорѣз*, *Дейнек*, *Добрик*, *Отрошко* [ПК, *261*], *Шкребиля* [ПК, *259*], *Журавель*, *Муха*, *Дубас* [ПК, *230*], *Бревус*, *Радечко* [ПК, *229*], *Носач* [ПК, *214*].

Такая количественная соотнесенность одночленных именований с явным преобладанием их у черниговцев объясняется, на наш взгляд, разным характером исследуемых документов и их предназначением. Очевидно, для новгородских кабальных книг требовалась более точная идентификация личности по установленному правительством образцу [см.: Мирославская, 1955, *6*], в то время как переписные книги черниговцев преимущественно отражали народно-разговорную традицию именования местного населения.

Как известно, количество компонентов антропонимных формул у славян возросло вследствие нескольких причин: во-первых, демографических факторов; во-вторых, усложнения социальной структуры государства, требовавшего более точной идентификации своих граждан, и, в-третьих, христианизации именника восточных славян [см.: Медвідь-Пахомова, 1999, *108–109*, *133*]. Все это, безусловно, не могло не отразиться на антропонимных системах черниговцев и новгородцев XVII в. Поэтому в обоих памятниках письменности в исследуемый период наиболее распространены двухкомпонентные антропонимные формулы.

---

[4] Выше, на той же странице, обязательно приводится полная (как правило двухкомпонентная) формула их именования.

[5] Из-за того, что у большинства украинских именований отсутствует элемент притяжательности (в отличие от аналогичных русских именований), не всегда можно точно установить, к какому классу антропонимов принадлежит то или иное одночленное наименование: к автохтонному славянскому имени отапеллятивного происхождения, прозвищу или фамильному прозванию.

Так, в черниговских переписных книгах засвидетельствовано пять типов двучленных именований. Самой активной была антропонимная модель, состоящая из личного имени и патронима, образованного с помощью разных суффиксов: ***-ов/-ев***, ***-ин***: *Гордѣй Фирсов*, *Федор Юрьев* [ПК, *7*], *Стецко Кузмин* [ПК, *13*], *Сенка Суботов* [ПК, *435*], *Якимка Савин* [ПК, *406*], *Евтифейка Калинин* [ПК, *36*]; ***-енк-о***: *Яков Калченко* [ПК, *7*], *Федор Омелченко* [ПК, *9*], *Конон Михенко* [ПК, *8*], *Данилко Дещенко* [ПК, *356*]; ***-ов-ич/-ев-ич***: *Петр Шипкович* [ПК, *18*], *Семен Маркевич* [ПК, *20*], *Алексей Величкович* [ПК, *157*], *Афанасий Гудевич* [ПК, *161*]; ***-онок/-енок***: *Фетка Шеповаленок* [ПК, *328*], *Федка Балутенок* [ПК, *210*], *Фома Литовченок* [ПК, *217*]; ***-еня***: *Марко Сороченя* [ПК, *350*].

На втором месте по частоте употребления в черниговском документе была двухкомпонентная антропонимная модель – личное имя + прозвище: *Ивашко Скрипко* [ПК, *385*], *Иван Щербина* [ПК, *6*], *Сидорко Рубан* [ПК, *355*], *Ивашко прозвище Враг* [ПК, *36*].

Реже фиксируются антропонимные модели, состоящие из следующих компонентов (приводятся с учетом их активности):

– личное имя и оттопонимное определение: на ***-ск-ий/-цк-ий*** – *Осипка Коренский* [ПК, *20*], *Лукян Рабыцкий* [ПК, *22*], *Савелей Митченский* [ПК, *46*], *Яков Парадовской* [ПК, *67*], *Денис Зарецкий* [ПК, *152*], *Іван Полонский* [ПК, *157*], *Іван Хмелницкий* [ПК, *107*]; на ***-ец*** – *Данила Коломыец* [ПК, *20*], *Антон Борыщовец* [ПК, *52*];

– личное имя и матроним: *Родка Вдовин* [ПК, *374*], *Вахулко Одарчин* [ПК, *399*], *Ромашка Гончаришин* [ПК, *428*], *Тишко Левчишин* [ПК, *413*]. Очевидно, именования с помощью деривата от имени или прозвища матери возникали в тех случаях, когда женщина-вдова возглавляла семью[6];

– личное имя и посессив на *-ого/-его*, указывающий на принадлежность именованного: *Федка Безпалчего* [ПК, *241*], *Юска Кикубного* [ПК, *383*], с инверсионным размещением компонентов – *Тоцкого Фетка* [ПК, *367*], *Ивашка Оползлого* зять [ПК, *221*], *Лукьян Рудого* приятель[7] [ПК, *230*].

В новгородских кабальных книгах двухкомпонентная модель именования менее разнообразна по своему составу. В XVII в. у жителей Новгородчины фиксируется всего два типа двухкомпонентных антропонимных формул. Наиболее распространенными были именования, образованные по модели «личное имя + патроним на *-ов/-ев*, *-ин*»: *Иван Наумов* сын [НЗКК, *3*], *Якуш Васильев* сын [НЗКК, *2*], *Григорий Гаврилов* сын [НЗКК, *1*], *Юрья Кузьмин* сын [НЗКК, *83*], *Фома Данилов* сын [НЗКК, *130*]; *Федот Остафьев* сын [НЗКК, *56*]; *Бориско Лутьянов* сын [НЗКК, *12*]. В единичных случаях патроним может быть синтаксически не согласован с личным именем и иметь форму посессива на на *-его/-ого*: *Лазарь*

---

[6] В переписных книгах засвидетельствованы факты, когда матроним образовывается не только от имени матери, но и от имени любой другой женщины – главы семейства, ср., например: *Леско Кравчишин мужик* [ПК, *257*], *Сенка Снѣгчишин* зять [ПК, *264*].

[7] Очевидно, в других случаях апеллятив, указывающий на принадлежность именуемого, опущен.

Пятого сын [НЗКК, *87*]. В отличие от украинских именований этого типа, в новгородском памятнике посессив на *-его/-ого* указывает исключительно на принадлежность отцу.

Реже фиксируются двухкомпонентные антропонимные формулы, в составе которых – личное имя и прозвище, например: *Якимко* прозвище *Бакака* [НЗКК, *315*]; *Ондрейко* прозвище *Третьяк* [НЗКК, *305*]; *Ефимко* прозвище *Первушка* [НЗКК, *288*]; *Гаврилко* прозвище *Третьячко* [НЗКК, *154*]; *Васька* прозвище *Томилко* [НЗКК, *158*]; *Патрейко* прозвище *Друганок* [НЗКК, *308*]. Приведенные примеры, на наш взгляд, фактически демонстрируют скрытую двуименность, заключавшуюся в параллельном функционировании христианских и славянских имен у представителей низших слоев местного населения. При этом славянское имя как второй компонент антропонимной формулы постепенно начинает выполнять функцию прозвища.

Интересно отметить, что в качестве прозвищ у новгородцев используются также христианские личные имена, например: *Офоня*, прозвище *Фока*; *Михейко*, прозвище *Мишка* [НЗКК, *311*]. Какие-нибудь объяснения этому явлению дать сложно, возможно, под прозвищем подразумевается имя отца.

В черниговском памятнике выявлены отдельные специфические способы идентификации лица, не свойственные новгородскому письменному источнику. Речь идет прежде всего об именованиях не по отцу, а по ближайшему родственнику. Такие именования демонстрируют степень родства или зависимости человека от главы семьи. Преимущественно они двучленные и состоят из личного имени и посессива от собственного имени главы семьи, которым мог быть, например, тесть – *Степан Петерков зять* [ПК, *241*], *Тимошка Сычов зять* [ПК, *216*], *Федка Залеского зять* [ПК, *304*], или брат – *Яцков Косинского брат* [ПК, *256*], *Левка Петров брат* [ПК, *263*], *Грицко Котляков брат* [ПК, *268*]. Такой способ идентификации появился, очевидно, когда именованный проживал в доме своего родственника, например брата, или в семье жены, т. е. у своего тестя. Иногда антропонимные именования черниговцев могут указывать на зависимость крестьянина от хозяина (например, *Исаев работник* [ПК, *296*]) или знакомого, приятеля (например, *Лукьян Рудого* приятель [ПК, *230*]). К отличительным способам идентификации черниговцев относятся также матронимические именования (см. выше).

В черниговских переписных книгах наблюдаются отдельные описательные именования, в которых вместе с личным именем употреблено существительное-топоним в форме родительного падежа с предлогом *с*: *Самошка из Игуменщины* [ПК, *387*], *Ермолко с Полеся* [ПК, *381*], *Павлик с Копичь* [ПК, *381*], *Агейко з Горбова* [ПК, *424*].

В качестве второго компонента двучленной антропонимной формулы у черниговцев может выступать личное имя или прозвище соседа в родительном падеже с прилагательным *подле*, ср., например: *Климко Орондар* и *Климко подле Рондара* [ПК, *400*]. Указанные примеры идентификации жителей Черниговщины представляют, разумеется, неофициальные типы именования личности, употреблявшиеся в неофициальной сфере коммуникации XVII в. и принадлежавшие к многочисленному слою народных именований.

На втором месте по количеству фиксаций в обоих анализированных памятниках были т р е х ч л е н н ы е именования, используемые для более точной идентификации личности в тех случаях, когда ее определение двучленным способом по каким-либо причинам было недостаточным [см.: Медвідь-Пахомова, 1999, *146*].

В черниговских переписных книгах наблюдаются три основных типа таких именований. Самой распространенной была трехкомпонентная антропонимная формула «личное имя + патроним + патроним», ср.: *Василей Васильев* сын *Ісаев*; *Павел Іванов Волошенин* [ПК, *205*]; *Степан Алексеев* сын *Струненко* [ПК, *212*]; *Савка Милченко Гриценко* [ПК, *246*]. Предполагаем, что третий компонент этой антропонимной формулы, а именно, патронимы *Ісаев*, *Волошенин*, *Струненко*, *Гриценко* в исследуемый период могли уже выполнять функцию фамильного прозвания.

Реже в черниговском памятнике фиксируются именования, состоящие из личного имени, патронима и прозвища, ср.: *Семен Андреев* прозвище *Сом* [ПК, *120*]; *Яким Кондратов* прозвище *Север* [ПК, *139*]; *Матвей Клименко* прозвище *Щербина* [ПК, *31*]; *Лучка Елфимов Гречка* [ПК, *211*]; с инверсионным порядком компонентов: *Левонко Красной Москаленко* [ПК, *408*], *Левка Колесник Дѣдушков* [ПК, *326*], *Устинко Нос Олхович* [ПК, *348*].

В единичных случаях фиксируется антропонимная формула «личное имя + патроним + оттопонимное определение», например: *Максимко Гаврилов Полторацкий* [ПК, *211*].

В новгородских кабальных книгах трехчленные именования представлены двумя антропонимными моделями:

– личное имя + патроним + патроним: *Фетко Микифоров* сын *Огарышов* [НЗКК, *262*]; *Гарасимко Федоров* сын *Усов* [НЗКК, *280*]; *Евтийко Мокиев* сын *Попков* [НЗКК, *281*]; *Ортемий Офонасьев* сын *Латышев* [НЗКК, *76*]; *Ивашко Первого* сын *Самухина* [НЗКК, *142*]; *Иванко Иванов* сын *Лешего* [НЗКК, *335*]; *Мишка Нечаев* сын *Бронницкого* [НЗКК, *291*]; *Сергий Филипов* сын *Сухово* [НЗКК, *227*]; *Захарья Терентьев* сын *Човакова* [НЗКК, *201*].

– личное имя + патроним + прозвище: *Фетко Савельев* сын прозвище *Бруно* [НЗКК, *256*]; *Матюша Тимофеев* сын прозвище *Сухой* [НЗКК, *251*]; *Ларивон Иванов* сын *Колачник* [НЗКК, *163*]; с инверсионным порядком компонентов: *Васька* прозвище *Белко Мосеев* сын [НЗКК, *75*]; *Парфенко*, а прозвище *Первушка*, *Никитин* сын [НЗКК, *118*].

На наш взгляд, в отдельных случаях в новгородском документе прозвищем могло быть названо фамильное прозвание, поскольку оно непосредственно относится не к именуемому, а к его отцу, ср.: *Никитка Иванов* сын, прозвеще отцу *Томила* [НЗКК, *13*], *Иванко Евлампиев* сын, прозвеще отцу *Копос* [НЗКК, *54*]. В трехкомпонентных именованиях новгородцев патроним на *-ов/-ев*, *-ин*, названный прозвищем, также может исполнять функцию фамильного прозвания, ср., например: *Онанья Юрьев* сын, прозвище *Нечаев* [НЗКК, *334*]; *Федор Самсонов* сын, а прозвище *Мошников* [НЗКК, *124*]. В антропонимной формуле *Омельян Гарасимов* сын, прозвище *Холошин-Истомин* [НЗКК, *281*] в качестве прозвища использовано двойное фамильное прозвание, образованное путем сложения двух родовых ветвей.

Проанализированные трехчленные антропонимные формулы черниговцев и новгородцев по своему составу практически идентичны. Различия наблюдаются лишь в формально-грамматических особенностях их компонентов.

В обоих анализированных источниках изредка встречаются четырехчленные антропонимные формулы, состоящие из личного имени и трехсловной группы именования по отцу, ср., в частности: у черниговцев – *Пахомко Іванов* сын *Кузмин Хотков* [ПК, *353*]; *Прошка Онтонов* сын *Кий Дубовой* [ПК, *412*]; *Іван Захарченко Нагорной Скрипка* [ПК, *208*]; у новгородцев – *Кирилко Васильев* сын *Мигачова* прозвище *Сухой* [НЗКК, *261*]; *Мишюк Нечаев* сын *Бронницкого*, а прозвище *Чекотуха* [НЗКК, *291*]; *Маковейко Петров* сын *Дылского*, а прозвище *Томилко* [НЗКК, *113*]; *Лаврентей Микитин* сын *Батюшков*, а прозвище *Третьяк* [НЗКК, *263*].

Следует заметить, что в XVII в. на обеих исследуемых территориях наблюдается функционирование фамильных прозваний. Как правило, они являются последними компонентами трехчленных и многочленных антропонимных формул. О постепенном становлении этого класса антропонимных единиц свидетельствуют отдельные факты, отмеченные в памятниках письменности. В частности, в черниговских переписных книгах зафиксировано самостоятельное употребление фамильных прозваний во множественном числе, указывающих на семейное родство, ср., например, патроним *Лукашенки* [ПК, *358*], прозвище *Мазуни* [ПК, *261*]. В антропонимной формуле *Роман* да *Павел Коломийченки* [ПК, *296*] патроним *Коломийченки*, без сомнения, является фамильным прозванием, поскольку объединяет членов одной семьи.

Примеры, в которых компонент антропонимной формулы объединяет родственников, т. е. выступает в функции фамильного прозвания, фиксируются и в новгородском памятнике, ср., например: *Гриша* да *Фомка Ивановы* дети *Поповы* [НЗКК, *20*], где *Поповы* – фамильное прозвание; *Микита* да *Дементий Темофеевы* дети *Тинякова* [НЗКК, *101*], где *Тинякова* – фамильное прозвание.

Приведенные иллюстрации позволяют констатировать, что и у черниговцев, и у новгородцев в XVII в. продолжают закладываться основы для будущего образования фамилий.

Изучение отдельных компонентов антропонимной формулы, по мнению исследователей, дает возможность затронуть культурологический аспект антропонимики [см.: Чайкина, 2004, *37*]. Особую ценность в этом плане имеют отапеллятивные производные. Так, отапеллятивные именования черниговцев и новгородцев, указывающие на род занятия или профессию, позволяют выявить распространенные у них в XVII в. промыслы и ремесла. Именования, в составе которых прослеживаются названия ремесла, в черниговских переписных книгах весьма многочисленны, например: *Шаповал* [ПК, *230*] (ср. укр. *шапова́л* ‘1) шерстобой, войлочник; 2) шапочник, делающий войлочные шапки’ [Грінченко, 4, *485*]); *Козорез* [ПК, *261*]; *Шабелник* [ПК, *352*] (ср. ст.-укр. *шабелникъ* ‘сабельный мастер’ [Тимченко, 2, *487*]); *Ткач* [ПК, *154*]; *Тесля* [ПК, *174*] (ср. укр. *те́сля* ‘плотник’ [Грінченко, 4, *259*]); *Воскобойник* [ПК, *174*]; *Кушнер* [ПК, *107*]; *Рыбник* [ПК, *145*]; *Шкурочник* [ПК, *174*];

Бондар [ПК, *411*]; *Резник* [ПК, *159*]; *Швец* [ПК, *189*]; *Винник* [ПК, *162*]; *Тертычник* [ПК, *7*] (ср. укр. *тертúчник* ‘пильщик досок’ [Грінченко, 4, *258*]); *Шапочник* [ПК, *205*]; *Дехтяр* [ПК, *206*]; *Колачник* [ПК, *400*]; *Бердник* [ПК, *261*]. В то же время в новгородском памятнике письменности антропонимы, образованные от названия рода деятельности (или ремесла), встречаются значительно реже, ср., например: *Колачник* [НЗКК, *163*], *Плотников* [НЗКК, *103*], *Гусельников* [НЗКК, *31*], *Овчинник* [НЗКК, *132*]. Как показывают приведенные примеры, на обеих территориях в исследуемых источниках засвидетельствованы одинаково распространенные ремесла *плотник* и *колачник*.

Отапеллятивные именования позволяют проследить особенности психологии и мировосприятия жителей Черниговщины и Новгородчины XVII в. В частности, зафиксированные в переписных книгах антропонимы свидетельствуют о том, что при идентификации черниговцев большое внимание уделялось их внешнему виду, ср., например: *Косой* [ПК, *156*]; *Чепурной* [ПК, *110*] (ср. укр. *чепурнúй* ‘аккуратный, чистый, опрятный, красивый’ [Грінченко, 4, *452*]); *Носач* [ПК, *145*]; *Старый* [ПК, *135*]; *Горбач* [ПК, *91*]; *Горбатый* [ПК, *183*]; *Белоусенко* [ПК, *185*]; *Красноносый* [ПК, *239*]; *Ус* [ПК, *188*]; *Рябой* [ПК, *261*]; *Безпалчей* [ПК, *145*]; *Щербина* [ПК, *205*]; *Седый* [ПК, *160*]; *Безрука* [ПК, *343*]; *Губар* [ПК, *168*]; *Безпятко* [ПК, *145*]; *Круглик* [ПК, *299*]; *Стрункой* [ПК, *229*] (ср. укр. *стрункúй* ‘стройный’ [ЕСУМ, 5, *453*]); *Рыжик* [ПК, *285*]; *Товсты* [ПК, *227*]; *Малей* [ПК, *426*]. Прозвищные именования, обозначающие черты характера, темперамент, особенности поведения, у черниговцев фиксируются значительно реже, ср., например: *Лихий* [ПК, *140*]; *Мирний* [ПК, *159*, *352*]; *Сердитко* [ПК, *261*]; *Крикун* [ПК, *223*]; *Тупица* [ПК, *213*]; *Рева* [ПК, *274*]; *Дурко* [ПК, *265*]; *Журил* [ПК, *411*] (ср. укр. *журúтися* ‘печалиться, грустить, сокрушаться’ [Грінченко, 1, 493]); *Плакса* [ПК, *256*].

В новгородских кабальных книгах антропонимы, характеризующие человека, распространены меньше. Ср., например, прозвания, связанные с особенностями характера, поведения, психического состояния: *Суетин* [НЗКК, *214*]; *Негодяев* [НЗКК, *96*]; *Трусов* [НЗКК, *336*]; *Нехороший* [НЗКК, *273*]; *Истомин* [НЗКК, *90*] (ср. рус. диал. *истóма* ‘истомленный, изнуренный человек’ [СРНГ, 12, *258*]); *Немирко* [НЗКК, *224*]; *Замятня* [НЗКК, *229*]; *Лодыгов* [НЗКК, *1*] (ср. рус. диал. *лодыга* ‘лодырь’, ‘лжец, обманщик’ [СРНГ, 17, *106*]); *Паршаков* [НЗКК, *210*] (ср. рус. диал. *паршáк* ‘о слабосильном человеке’ [СРНГ, 25, *249*]); *Шалгач* [НЗКК, *34*] (< **Салгач*, ср. блр. *саўгач* ‘тот, кто совается, двигается’ [Бірыла, 1969, *367*]) – или с характерными внешними признаками: *Белоус* [НЗКК, *306*]; *Малышев* [НЗКК, *36*]; *Беляев* [НЗКК, *212*]; *Усов* [НЗКК, *280*]; *Плешков* [НЗКК, *259*]; *Шеворногов* [НЗКК, *153*] (ср. рус. диал. *шеварнóгий* ‘такой, кто плохо ходит, ковыляет при ходьбе’ [НОС, 12, *86*]); *Голованов* [НЗКК, *241*]; *Носков* [НЗКК, *233*]; *Голыш* [НЗКК, *207*]; *Кудров* [НЗКК, *313*]; *Чернеев* [НЗКК, *313*].

Благодатным материалом, позволяющим наблюдать направления миграционных процессов, которые происходили на исследуемых землях, являются антропонимы, образованные от этнонимов, ср., например, на Черниговщине: *Волошин* [ПК, *205*] (ср. укр. *волóшин* ‘румын’ [Грінченко, 1, *252*]); *Ляшок* [ПК, *58*] (ср. укр.

ляшóк ‘поляк; молодой поляк’ [ЕСУМ, 3, *343*]); *Калмык* [ПК, *112*]; *Москаль* [ПК, *144*]; *Литвин* [ПК, *19*]; *Поляк* [ПК, *234*]; *Литовка* [ПК, *215*]; *Мазур* [ПК, *267*] (ср. укр. *мáзур* ‘поляк из Мазурии’ [Грінченко, 2, *397*]); на Новгородщине – *Латышев* [НЗКК, *76*].

О населении, которое прибыло с других восточнославянских территорий, свидетельствуют также зафиксированные в составе антропонимных формул черниговцев и новгородцев оттопонимные производные, например:

– в черниговских переписных книгах: *Туровец* [ПК, *205*] (ср. нп *Турово* в России и Белоруссии); *Могилевец* [ПК, *251*] (ср. нп *Могилев* в Белоруссии); *Слуцкий* [ПК, *254*] (ср. нп *Слуцк* в России и Белоруссии); *Минский* [ПК, *394*] (ср. нп *Минск* в Белоруссии); *Хмельницкий* [ПК, *107*] (ср. нп *Хмельник* на Подолье); *Борышовец* [ПК, *52*] (ср. нп *Барышево* в России); *Коломыец* [ПК, *207*] (ср. нп *Коломыя* в Галичине); *Батуринец* [ПК, *80*] (ср. нп *Батурин* на Полтавщине); *Чернобылец* [ПК, *348*] (ср. нп *Чернобыль* на Киевщине);

– в новгородских кабальных книгах: *Бронницкий* [НЗКК, *291*] (ср. нп *Бронница* в Белоруссии); *Деревецкий* [НЗКК, *103*] (ср. нп *Деревец* в Белоруссии); *Дылский* [НЗКК, *113*] (ср. нп *Дыли* в Белоруссии).

Как видно из приведенных примеров, у жителей Черниговщины оттопонимный компонент формировался с помощью двух суффиксов – субстантивного *-ец* и адъективного *-ск-ий*, тогда как у населения Новгородской земли – с помощью одного адъективного суффикса *-ск-ий*. Заметим, что в исследуемый период у новгородцев оттопонимный компонент в именованиях был привилегией преимущественно высших и средних слоев общества, поэтому у кабальных холопов он встречается крайне редко.

Сравнительный анализ мужских именований черниговцев и новгородцев в памятниках письменности XVII в. дает возможность констатировать следующее: единая антропонимная формула у восточных славян в данный период отсутствует. Это говорит о том, что в XVII в. именования мужчин на исследуемых территориях еще не были унифицированы. Однако в восточнославянской антропонимной системе этого периода наметилась общая тенденция к активному употреблению двучленных антропонимных формул, которые были наиболее распространенными и устоявшимися как у украинцев, так и у россиян, в то время как одночленные и многочленные модели именования встречаются значительно реже.

По своему составу рассмотренные мужские именования черниговцев и новгородцев подобны. Основной компонент их антропонимных формул – это личное имя, как правило, в квалитативной форме. К личному имени присоединялись другие компоненты, чаще всего патроним или прозвище. В отличие от русского документа, украинский источник характеризуется более разнообразными способами идентификации личности. Речь идет об именованиях с помощью матронима, оттопонимного определения, посессива от имени главы семьи.

Наиболее употребительной и у черниговцев, и у новгородцев была двучленная антропонимная формула, образованная по модели «личное имя + патроним». Ак-

тивность и популярность патронимических именований на обеих территориях объясняется не только определяющей ролью отца в восточнославянской семье, но и тем, что именно патронимы позволяют установить принадлежность человека к определенной семье в диахронии, воссоздавая кровно-семейную цепочку на уровне двухкомпонентной антропонимной формулы [см.: Медвідь-Пахомова, 1999, *142*].

Национальная же специфика патронимических именований черниговцев и новгородцев проявляется в средствах выражения патронимичности. В украинском источнике эти средства достаточно разнообразны, в частности патронимические суффиксы *-ов/-ев*, *-ин*, *-енк-о*, *-ов-ич/-ев-ич*, *-онок/-енок*, *-еня*, тогда как в русском документе отмечены всего две патронимические модели – на *-ов/-ев*, *-ин* и *-ого/-его*.

Таким образом, несмотря на безусловную связь между восточнославянскими именованиями и общие тенденции в их развитии, каждый народ имел свои особенности в идентификации личности.

Предложенные выводы относятся лишь к конкретным памятникам письменности, для каких-либо более широких обобщений необходим анализ значительно большего массива восточнославянских исторических источников. Вместе с тем осуществленное исследование позволяет расширить научные представления об именованиях восточных славян и побуждает к дальнейшим сравнительным штудиям на общеславянском языковом фоне.

Бірыла М. В. Беларуская антрапанімія: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск, 1969.

Грінченко – Словарь української мови / Упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Д. Грінченко. Київ, 1907–1909. Т. 1–4.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови / За ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982–2006. Т. 1–5.

ІМіС – Історія міст і сіл Української РСР. Чернігівська область / Гол. ред. П. Т. Тронько. Київ, 1972.

Медвідь-Пахомова С. М. Еволюція антропонімних формул у слов'янських мовахі. Ужгород, 1999.

Мирославская А. Н. Собственные имена в «Новгородских записных кабальных книгах 100–104 и 111 годов»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.

Недилько О. Д. Антропонимия Северной части Левобережной Украины (вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Київ, 1969.

НЗКК – Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов (1591–1596 и 1602–1603 гг.) / Под ред. проф. А. И. Яковлева. М.; Л., 1938.

НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12; Великий Новгород, 2000. Вып. 13.

ПК – Переписні книги 1666 р. / Пригот. до друку і зред. В. О. Романовський. Київ, 1933.

Сенив М. И. Украинская антропонимия XIV–XVIII вв. (женские именования): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ужгород, 1986.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Л.; С.-Петербург, 1966–... . Вып. 1–... .

Тимченко Є. Матеріали до Словника писемної та книжної ураїнської мови XV–XVIII ст. / Підг. до вид. В. В. Німчук та Г. І. Лиса. Київ; Нью-Йорк, 2002–2003. Кн. 1–2.
Худаш М. Л. З історії української антропонімії. Київ, 1977.
Чайкина Ю. И. Именования мужского населения Вологды и Воронежа в первой половине XVII в. // Вопр. ономастики. 2004. № 1. С. 33–39.
Шевцова В. А. Антропонимия Среднеднепровского Левобережья Украины (на материале среднеднепровских левобережных памятников второй половины XVII – первой половины XVIII в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Київ, 1978.

* * *

Ирина Вадимовна Ефименко – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ономастики Института украинского языка НАН Украины (Киев).

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2009. № 7

В. В. Бардакова

«ГОВОРЯЩИЕ» ИМЕНА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

The paper analyses proper names which occur in literature for children. The authors of literary fairy-tales use so-called «speaking» names. The use of such proper names is also one of the attributes of this genre. Various means of creating proper names are also observed in the article; the most widespread of them is contextual onymization.

Современные исследователи литературной ономастики (Ю. А. Карпенко, В. М. Калинкин, Е. С. Отин, В. Н. Михайлов, Н. В. Васильева, А. В. Пузырев, В. И. Супрун, А. А. Фомин и др.) не высказывают сомнений относительно истинности наблюдения Ю. Н. Тынянова об отсутствии «неговорящих» имен в литературе и отмечают, что в литературных произведениях нет нейтральных, стилистически немаркированных имен. Имя персонажа венчает художественный образ, придает ему завершенность, и информация, заключенная в самом его звучании, играет немаловажную роль. Однако есть литературные сферы, где наличие «говорящих» имен демонстративно обязательно. Одна из них – литература для детей.

На традицию употребления «говорящих» имен в детской литературе уже обращала внимание М. В. Карпенко [1970]. В данной статье представлены наблюдения над ономастиконом литературных сказок русских писателей (к описанию различных сторон онимического пространства авторских сказок мы уже обращались [см.: Бардакова, 1999, 2006]).

В литературной сказке поэтоним многофункционален: имя выполняет эстетическую, стилистическую, текстообразующую, жанрообразующую и другие функции [см.: Бондалетов, 1983; Фонякова, 1990; Супрун, 2000; Воронова, 2000; Дьякова, 2006; и др.].

Так, имя персонажа играет важную роль в организации проблематики и композиции сказки «Приключения Незнайки и его друзей» Н. Н. Носова, выполняя «ха-

© В. В. Бардакова, 2009

рактерологическую функцию в предельно концентрированной форме» [см.: Долженко, 2001, *122–127*; 2002, *36–38*]. В созданном писателем сказочном мире коротышек «ростом с небольшой огурец» имена героев важны как выражение их социальной роли и психологических характеристик, что, в свою очередь, позволяет разграничить носителей «детских» и «взрослых» качеств. Так, в именах малышей-мальчиков фиксируется наиболее ярко проявляющееся качество героя, определенным (не всегда лучшим) образом его аттестующее: излишняя торопливость (*Торопыжка*), пристрастие к сладкому и к еде вообще (*Пончик*, *Сиропчик*), способность все терять (*Растеряйка*) и т. п. Имена девочек-малышек, напротив, вызывают только положительные эмоции: *Мушка*, *Кнопочка*, *Синеглазка*, *Снежинка*, *Белочка*, *Заинька*, *Стрекоза*, *Галочка*, *Елочка*, *Маргаритка* и др. Имена взрослых малышей прямо или косвенно (преимущественно метонимически) указывают на их профессию или род занятий: доктор *Пилюлькин*, музыкант *Гусля*, охотник *Пулька*, художник *Тюбик*, механики *Винтик* и *Шпунтик*, астроном *Стекляшкин* и др. Мотивация имени нередко представлена в тексте, например: астроном *Стекляшкин* – «умел делать из осколков битых бутылок увеличительные стекла» и «сделал большую подзорную трубу, в которую можно смотреть на луну и звезды».

Имена жителей Змеевки и Зеленого города создаются по тем же принципам: писатель *Смекайло*, механик и изобретатель *Шурупчик* и др. При этом наблюдается не столь явное, как у коротышек-мальчиков, но все же выделение малышек-взрослых: практикующая лечение медом врач *Медуница*, поэтесса *Самоцветик*, очень умная *Соломка* и т. п.

Безусловно, особенно важны антонимичные имена главных героев сказки – *Знайка* и *Незнайка*. Их противопоставление подчеркнуто и текстовой мотивацией: «Самым главным из них был малыш-коротыш, по имени Знайка. Его прозвали Знайкой за то, что он знал очень много»; «Но самым известным среди них был малыш по имени Незнайка. Его прозвали Незнайкой за то, что он ничего не знал…». Противоречие между незнанием и знанием, воплощением которых стали Незнайка и Знайка, а также стремление от незнания к знанию (характерное не только для Незнайки, но и для других героев сказочной повести) движет сюжетом, придает сказочной истории целостность. При этом Знайка возглавляет группу «взрослых», умеющих что-либо делать коротышек (Пилюлькин, Гусля, Тюбик, Винтик и Шпунтик и др.), а имя Незнайки – ключевое в ряду коротышек, воплощающих детей. И если Торопыжка, Пончик и Сиропчик, Авоська и Небоська, Ворчун, Молчун, Растеряйка являются носителями отдельных качеств, то Незнайка вбирает в себя все распределенные автором между другими персонажами черты характера и дополняет их своими собственными «недостатками», присущими детям.

Продуктивным способом имятворчества у Н. Н. Носова является онимизация апеллятивов: *Тюбик*, *Снежинка*, *Стрекоза*, *Маргаритка*. Оним *Гусля* образован от названия музыкального инструмента (*гусли*), форма единственного числа в поэтониме обусловлена тем, что это индивидуальное наименование. Нередко имена образованы от апеллятивов с помощью суффикса *-к-*: *Авоська – авось + к(а)*; *Не-*

боська – небось + к(а); *Пулька – пул(я) + к(а)* – что придает именам сказочных персонажей сходство с именами персонажей рассказов этого автора (ср.: *Мишка*, *Бобка*, *Котька* и под.). Широко используются уменьшительно-ласкательные суффиксы: *Шурупчик*, *Сиропчик*, *Винтик*, *Кнопочка*, *Белочка*. Интересны антропонимы *Пилюлькин* и *Стекляшкин*, созданные по модели образования фамилий; в них также присутствуют уменьшительные суффиксы.

Для литературных сказок частотна контекстуальная онимизация, когда апеллятивы функционируют в тексте в качестве имен собственных, например: *Ёжик*, *Медвежонок*, *Доктор Дятел*, *Зайчонок*, *Осинка*, *Ясень*, *Сосна* (пьеса-сказка С. Г. Козлова «Снежный цветок»). Распространенность такого приема, как представляется, детерминирована парадигматическими свойствами литературных имен собственных: участвуя в композиционной и языковой организации художественного текста, они взаимодействуют между собой и со своими функциональными эквивалентами (парафрастическими образованиями, субстантивными и прономинальными заменами). В результате взаимодействия онимов и апеллятивов в художественном тексте происходит сближение их стилистической функции. Например, в сказках-пьесах С. Я. Маршака фиксируются следующие номинативные синонимические ряды с доминантным именем собственным, отраженным в перечне действующих лиц: *Кошка – кошка*, *заморская*, *ангорская*; *тетя кошка*; *кошечка*, *почтенная хозяйка*; ср. также фразу в устах героини: «Мой прадед – Кот Ангорский!»; *Кот Василий – старый кот*, *кошкин дворник*, *Василий*, *Василий-кот*, *Васенька*, *Вася-дворник*, *Кот Василий хромоногий*; *Козел – козел*, *Козел Козлович*; *Петух – петух боевой*, *Петя-петушок*, *петух*. Как видно, приведенные ряды включают как онимические, так и апеллятивные дублеты, функционирующие в художественном пространстве в качестве номинативов персонажа.

В то же время в сказках С. Я. Маршака часто используются нарицательные имена как индивидуализирующие названия: *Старуха-мачеха*, *Дочка*, *Падчерица*, *Королева*, *Гофмейстерина*, *Учитель Королевы*, *Профессор*, *Канцлер*, *Начальник королевской стражи*, *Офицер королевской стражи*, *Королевский прокурор*, *Посол Западной державы*, *Посол Восточной державы*, *Главный садовник*, *Садовники*, *Старый Солдат*, *Молодой Солдат*, *Ворон*, *Волк*, *Лисица*, *Заяц*, *Первая Белка*, *Вторая Белка*, *Медведь*, *Двенадцать месяцев*, *Все месяцы – Январь*, *Февраль*, *Апрель*, *Май*, *Декабрь*, *Август*, *Март*, *Июль*, *Июнь*, *Ноябрь*, *Сентябрь*; *Первый глашатай*, *Второй глашатай*, *Придворные*, *Пажи* («Двенадцать месяцев»); *Дед*, *дед*; *Баба*, *баба*; *Козел*, *козел*; *Семь волков – 1-й волк*, *2-й волк*, *3-й волк*, *4-й волк*, *5-й волк*, *6-й волк*, *7-й волк* («Сказка про козла»).

Аналогичны примеры из сказок Д. Н. Мамина-Сибиряка: *Канарейка*, *Ворона*, *кот Васька* и *Васька* («Сказочка про воронушку – черную головушку и желтую канарейку»); *Молочко*, *Кашка*, кот *Мурка* («Притча о молочке, овсяной кашке и сером котишке Мурке»); *Козявочка*, *Червячок*, *Шмель* («Сказочка про Козявочку»); *Мушка* и *Муха* («Сказка о том, как жила-была последняя муха»); *Индюшка*, *Петух*, *Гусак*, *Курочка*, *Еж* («Умнее всех»). Однако в этом случае о процессе онимизации можно говорить условно, поскольку такие единицы продолжают функ-

ционировать в роли слов-классификаторов, выполняют первичную функцию нарицательной лексики – обобщения. Апеллятив становится функциональным эквивалентом онима.

«Неустойчивая» онимизация сопряжена в определенной мере с фольклорной традицией именования сказочных персонажей и стилистически «обрамляется» также традиционно, что проявляется в обращении автора к фольклорной поэтике (инверсия, постоянные эпитеты и т. д.). Например, в «Теремке» С. Я. Маршака: *Злой дед*, *Злой*; *Добрый Дед*, *Добрый*; *Лягушка – лягушка-квакушка*; *Мышка* – (*мышь*) *мышка-норушка*; *Петух – петушок – золотой гребешок* и т. д. («Я – петушок, золотой гребешок, маслена головушка, шелкова бородушка»); *Еж – серый ежик*, *серый ежик – ни головы, ни ножек* («Я – серый ежик, ни головы, ни ножек, горбом спина, на спине борона»); *Волк – волк – зубами щелк* («А я волк – зубами щелк»), *волк*; *Лиса – кумушка-лиса*, *Лизавета*, *лиса*; *Медведь – Мишенька-медведь*, *Мишка*, *Миша*, *Мишенька*, *Михаил Иваныч*, *медведь*. То же в сказках Д. Н. Мамина-Сибиряка: *Заяц – длинные уши, косые глаза, короткий хвост, косой глаз*, *Заяц-хвастун*; *серый Волк* («Сказка про храброго зайца – длинные уши, косые глаза, короткий хвост»); *Комар Комарович – длинный нос*, его дедушка *Комарище – длинный носище* и младший брат, *Комаришко – длинный носишко*, мохнатый *Миша – короткий хвост*, *Михайло Иваныч* («Сказка про Комара Комаровича – длинный нос и про мохнатого Мишу – короткий хвост»); ср. также *воронушка – черная головушка* в названии сказки.

Игровое начало влияет на выбор именных формул, на подбор эпитетов в сказках Д. Н. Мамина-Сибиряка: Заяц, который хвастливо заявляет, что он не боится ни волка, ни лисицы, ни медведя, – *смешной* Заяц («Ах, какой смешной Заяц»); когда же зайцы стали свидетелями того, как «ловко напугал Волка наш Заяц», эпитеты меняются: *бесстрашный* Заяц, *храбрый* Заяц («Сказка про храброго зайца – длинные уши, косые глаза, короткий хвост»); ерш уважительно именуется *Ерш Ершович*, а воробей – *Воробей Воробеич*, но в словосочетании «гнались за *вором Воробьем*» автор опирается на народную этимологию слова («Сказка про Воробья Воробеича, Ерша Ершовича и веселого трубочиста Яшу»); в именной формуле *Комар Комарович* использование отчества говорит о солидности и авторитетности комара, что подчеркивается менее «солидными» номинациями *старушка Комариха, дедушка Комарище*, *младший брат Комаришко* («Сказка про Комара Комаровича – длинный нос и про мохнатого Мишу – короткий хвост»).

Авторская художественно-познавательная сказка моделируется по образу и подобию народных сказок о животных. Активно используемый в ней прием антропоморфизации позволяет достоверно изобразить действительность в простой и доступной детям занимательной форме. Антропоморфизм образов природоведческой сказки обусловливает и наиболее частотный способ номинации персонажей, когда в качестве онима выступает родовое или видовое название животного, птицы, насекомого, растения. Таковы, например, номинации в природоведческих сказках В. В. Бианки: *Жаворонок*, *Медянка*, *Журавль*, *Чомга*, *Летучая Мышь*, *Крот*, *Белка-Векша* («Чьи это ноги?»); *Аист*, *Выпь*, *Дятел*, *Жук*, *Шмель*, *Саран-*

ча, *Бекас* («Кто чем поет?»); *Муха*, *Слизняк*, *Рыба*, *Рак*, *Дятел*, *Оленуха*, *Волк*, *Лисица*, *Корова* («Хвосты») и др.

Таким образом, имя персонажа входит в текст, уже наполненное содержанием, и дополняется энциклопедическими сведениями: описанием внешнего вида, информацией о среде обитания, образе жизни животного, птицы. Для произведения детской литературы это существенный момент, так как полнота восприятия содержания имени во многом зависит от имеющихся у читателя представлений. Подобный способ подачи информации сообразуется с детским восприятием, позволяет в доступной форме передать детям знания о природе. В каждом новом произведении маленький читатель узнает больше о жизни природы, об обитателях лесов и полей, морей и рек. Исходя из этого к перечню функций литературного имени собственного в природоведческой сказке можно добавить и информационно-познавательную.

Имя и его формы, эквивалентные апеллятивные замены онима, или контекстуальные синонимы, в тексте «наполняются» содержанием, участвуют в создании образа персонажа. В сказке «Серая Шейка» Д. Н. Мамин-Сибиряк называет персонажей видовыми именами – *Утка*, *Селезень*, *Лиса*, *Заяц*; при этом автор выделяет главную героиню произведения именем *Серая Шейка*, мотивированным чертой внешнего вида уточки. Именования фоновых персонажей в этой сказке – апеллятивы: *лебеди*, *гуси и утки*, *кулички-песочники*, *кулички-плавунчики*, *чернозобики*, *черныши*, *зуйки*.

Подобным образом выстраивается именной ряд и в сказке «Серая Звездочка» Б. В. Заходера: персонажи *Ёжик*, *Ежонок*, *Сорока*, *Жуки*, *Гусеницы*, *Слизняки*, *Бабочки*, *Крапивница*, *Анютины Глазки*, *Маргаритки*, *Розы*, *Розовый Куст*, *Колокольчики* и главная героиня – жаба *Серая Звездочка*, *Звездочка*, чье имя – уже психологический портрет, содержащий как характеристику личностных качеств, так и опосредованную текстом авторскую оценку героя произведения.

В сказке Б. В. Заходера «Русачок» можно наблюдать переименование героя, сопряженное с происходящими с ним изменениями. Сюжет строится на том, как зайчонок вырос и превратился в зайца. Начинает автор с традиционного представления героев: «Жил-был маленький зайчик, по имени Русачок, и был у него знакомый Головастик. Зайчик жил на лесной опушке, а Головастик – в пруду». Скоро Головастик вырос и стал Лягушонком: «Так бывает!.. Все так: как вырастут, так и превратятся! Из червячка – комар или там жук получится, из икринки – рыбка, а из Головастика – известное дело – Лягушка!».

Озабоченный предстоящей и с ним переменой, Русачок отправляется по лесу выбрать, в кого превратиться ему. Зайчишка встречает по пути Глухаря, Белку, Лису, Лося и «примеряет» к себе образ жизни других лесных жителей. Он видит птицу и, не зная, кто это, обращается к птице то *тетенька-птица*, то *дяденька Чуфык* (птица распевает: «Чуфык-чуфык!»). Встретив Белку, которая «с ветки на ветку прыгает», Русачок думает, не стать ли Белкой (написание с большой буквы – знак имени собственного – позволяет интерпретировать размышления зайчонка как ‘желание получить имя *Белка*, а не стать белкой вообще’). Долго выбирая, в кого

ему превратиться – в Лису, Волка, Мышку, Ежа, Бобра или Медведя, – Русачок, наконец, встречает Лося (*великан*, *Лось Сохатый*, *Лось*, *дяденька Лось*), который называет зайчишку по имени – *Русачок*, и объясняет, что *Лось* вырастает из *Лосенка*. Когда же Русачок возвращается домой, он находит *Лягушонка*, даже уже *Лягушку,* бывшего *Головастика*. Сам же *Русачок* за время странствий стал настоящим *Зайцем-Русаком*, «большим, красивым *Зайцем*».

Приключения *Муравьишки*, героя одноименной сказки В. В. Бианки, приводят его к встрече с разными насекомыми: *Гусеницей-Землемером* (*Землемер*, *червяк*), *Пауком-Сенокосцем* (*Паук*), *Жужелицей* (*Жужелка*), *Жучком-Блошачком* (*Блошачок*), *Кузнечиком*, *Водомером* (*Водомерка-Клоп*), *Майским Хрущем* (*Хрущ*, *Жук*), *Гусеницей-Листоверткой* (*Гусеница*, *Листовертка*). В сказке «Паучок-пилот» автор представляет читателю *Жука-Оленя*, *Кузнечика-Скачка* (*Скачок*), *Слизняка-Прудовика*, *Слизняка-Мягкотела* (*Слизняк*), *Жука-Медляка* (*Жук*), *Клопа-Скорпиона*, *Жука-Плавунца*, *Паука-Серебрянку* (*Серебрянка*). Вместе с *Береговушкой* в сказке «Лесные домишки» читатель знакомится с птицами – *Зуйком*, *Витютнем*, *Иволгой*, *Пеночкой*, *Чомгой*. В текстах названных произведений присутствует краткое и емкое описание внешнего вида животных, рассказывается о том, как устроены гнезда птиц, о способах передвижения насекомых и о среде их обитания. Обращает на себя внимание стилистическая маркированность имен главных персонажей – *Муравьишка*, *Паучок-пилот*, *Береговушка*.

В сказке «Чей нос лучше?» В. В. Бианки также использует прием двойной номинации, дополняя отапеллятивное имя характеризующим, указывающим на особенности клюва каждой птицы: *Мухолов-Тонконос* (*Мухолов*), *Клест-Крестонос*, *Бекас-Долгонос*, «два брата кулика» – *Шилонос* и *Кроншнеп-Серпонос*, *Козодой-Сетконос*, *Пеликан-Мешконос* (*Пеликан*), *Дятел-Долбонос*, *Ястреб-Крючконос*. Отсутствие названия птицы в имени компенсируется контекстуальным окружением, помогающим определить, у какой птицы такой нос, например: у *Дубоноса* «совсем простой нос, как у Воробья, только потолще»; «крякнул» *Широконос*. Неоднословные номинации в тексте представлены в различных вариантах: возможно и полное именование (с употреблением всех составляющих имя компонентов), и сокращение (свертывание) отдельных элементов в составе единицы. В условиях контекста ономастическое значение развивается, накапливая смыслы за счет как отапеллятивных производных, так и образных номинаций. Подобный процесс преобразования имени собственного, в том числе и в художественном тексте, традиционно называют семантической конденсацией.

В именовании героев своих сказок авторы прибегают и к звукоподражательным словам и их дериватам как к экспрессивно-изобразительному средству художественной речи, например: мышонок *Пик*, воробьи *Чик* и *Чирика* (В. В. Бианки), стрижонок *Скрип* (В. П. Астафьев); собака *Авва,* утка *Кика,* свинка *Хрю-Хрю* (К. И. Чуковский) и др.

Звукоподражательное имя используется и как прием языковой игры:

«…На чердаке этого домика жил котенок по имени *Гав*…
Гав… спустился во двор. А во дворе бегал щенок и громко лаял:
– Гав, гав, гав!
– Ты меня зовешь? – спросил котенок.
– Нет. Я просто лаю. Гав!
– А меня так и зовут – *Гав*!
– Здорово! – обрадовался щенок. – Удобное имя» (Г. Остер «Котенок по имени Гав»).

Имена главного героя и других персонажей нередко входят в заглавие сказок, например: «*Оранжевое Горлышко*», «Мышонок *Пик*», «Приключения *Муравьишки*», «*Сова*», «*Паучок-пилот*» и др. (В. В. Бианки); «*Серая Звездочка*», «*Русачок*», «*Отшельник* и *Роза*» (Б. В. Заходер); «*Заяц*, *Косач*, *Медведь* и *Весна*», «*Барсук* и *Медведь*» (Н. Н. Сладков), «Стрижонок *Скрип*» (В. П. Астафьев); «*Огневушка-Поскакушка*», «*Голубая Змейка*», «*Серебряное Копытце*» (П. П. Бажов) и др. Позиция имени в названии произведения также весьма значима для характеристики персонажа.

Таким образом, названия животных, птиц, насекомых в литературных сказках, в том числе и природоведческих, ориентированы на детское восприятие и в своей совокупности позволяют маленькому читателю достаточно точно представить и полно воссоздать образы персонажей, значительно расширяя представления ребенка об окружающем мире.

Нам представляется возможным среди «говорящих» рассматривать также прецедентные [см.: Бардакова, 2005а, 2005б] и аллюзивные имена.

Прецедентные онимы связываются в читательском сознании с прецедентными текстами и их создателями. Такие поэтонимы в художественном тексте включают как внетекстовые, так и внутритекстовые ассоциации. Так, имя героя сказки А. П. Гайдара «Горячий камень» Ивашки Кудряшкина отсылает читателя к фольклорным текстам (например, загадке о карандаше: *Черный Ивашка – деревянная рубашка*).

О лингвостилистических особенностях аллюзивного имени и его функционировании в художественном тексте пишут М. А. Соловьева [2005], А. А. Фомин [2004], Т. А. Гридина [1996], А. В. Суперанская [1986]. Аллюзивный оним потенциально ассоциативен, так как аккумулирует и опо-средует предшествующий культурно-исторический (мировой и национальный) опыт, актуализация его значения предполагает установление сложной структуры внутритекстовых и интертекстуальных связей, и определение объема экстралингвистической информации. Входя в новый текст концептуально наполненным, аллюзивное имя понятийно «сужается», например *Айвенго* – ‘рыцарь’ («Рыцари» В. Ю. Драгунский), проходя путь уточнения ассоциативных смыслов в конкретном тексте. Процесс семантического «сужения», уточнения и конкретизации смыслов имени собственного может привести или приводит к деонимизации, или апеллятивизации, онима. Частичный переход антропонима из разряда имен собственных в разряд имен нарицательных является условием выполнения им функции вторичной номинации. В этом случае аллю-

зивный оним способен соотноситься с именем персонажа произведения (как в целом тексте, так и в его фрагменте), участвуя в характеризации героев. Способность характеризовать персонаж посредством аллюзивного имени опирается на возможность переноса значения как на основе сходства отдельных черт внешности, характера, определенных свойств героя, так и на основе смежности, т. е. метонимического переноса, например рода деятельности.

Восприятие аллюзивного имени может вызвать затруднения у читателя, поскольку отсутствие у него необходимого культурно-исторического опыта, фоновых знаний может привести к непониманию авторского замысла и неверной интерпретации имени.

Так, В. Ю. Драгунский в тексты детских рассказов включает имена известных детям сказочных персонажей, которые воскрешают в памяти соответствующий образ, вызывают разнообразные ассоциации. Такие литературные онимы, называя, идентифицируют персонаж произведения, т. е. выполняют номинативно-идентифицирующую функцию: *Петрушка*, *Кот в сапогах*, *Красная Шапочка*, *Бабариха* и др. Аллюзивные онимы могут быть и средством характеризации. Например, в рассказе «Девочка на шаре» используется отсылка к известной картине Пабло Пикассо. Однако это – ассоциации взрослого человека. Герои Драгунского – дети (как и читатели). В цирке на Дениску – героя рассказа, огромное впечатление произвел номер в исполнении девочки-ровесницы: «Она весело смеялась, когда так бегала, как будто плыла, и я подумал, что она, наверно, и есть Дюймовочка, такая она была маленькая, милая и необыкновенная». В сознании ребенка, не знающего, как зовут эту девочку, легко и изящно катающуюся на огромном шаре, возникает ассоциация с известной ему сказочной Дюймовочкой: юная артистка такая же хрупкая, изящная, жизнерадостная, волшебно прекрасная, как и героиня сказки Андерсена. Позже мальчик узнает, что исполнительницу поразившего его номера зовут Танечка Воронцова. Таким образом, в тексте выстраивается номинативный ряд, воплощающий образ: *девочка*, *Дюймовочка*, *Танечка*.

Заимствованные имена собственные литературных героев используются авторами в сравнительных оборотах, характеризующих персонажей произведений для детей. Такие сравнения-характеристики доступны пониманию детей, так как взяты также из прецедентных текстов детской литературы: «какой-то дядька, похожий на *Мойдодыра*» («Куриный бульон»); «вошла Ефросинья Петровна. Симпатичная старушка, но немного похожая на *Бабу Ягу*» («Двадцать лет под кроватью»); «Марья Петровна… вся красная, как *синьор Помидор*» («Дядя Павел истопник») и др.

Таким образом, «говорящие» литературные онимы являются значимым элементом поэтики, выступают в качестве текстообразующего, жанрообразующего, стилистически маркированного средства в художественном пространстве детской литературы, являются доминантами контекстуальных синонимических и антонимических рядов, включающих разнообразные ономастические и апеллятивные номинации персонажей литературного произведения.

Бардакова В. В. Ономастическая лексика в русской литературной сказке // Проблемы современной филологии в педагогической практике (школа – колледж – вуз): Материалы науч.-метод. конф. Волгоград, 1999. С. 53–56.

Бардакова В. В. Поэтоним как художественное средство в современной литературе для детей (на материале произведений Ю. И. Коваля) // Русский язык и литература рубежа XX–XXI веков: специфика функционирования: Всерос. науч. конф. языковедов и литературоведов. Самара, 2005а. С. 379–383.

Бардакова В. В. Прецедентные имена собственные в произведениях детской литературы // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2005б. С. 146–148.

Бардакова В. В. Онимы в художественном мире литературной сказки // Ономастика Поволжья: Материалы X Междунар. конф. Уфа, 2006. С. 214–216.

Бондалетов В. Д. Русская ономастика: Учеб. пос. М., 1983.

Воронова И. Б. Текстообразующая функция литературных имен собственных (на материале эпических произведений XIX–XX вв.): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000.

Гридина Т. А. Языковая игра: Стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.

Долженко Л. В. Рациональное и эмоциональное в русской детской литературе 50–80-х годов XX в. (Н. Н. Носов, В. Ю. Драгунский, В. П. Крапивин). Волгоград, 2001.

Долженко Л. В. Имя персонажа в сказке Н. Носова «Приключения Незнайки и его друзей» // Ономастика Поволжья: Тез. докл. IX Междунар. конф. Волгоград, 2002. С. 36–38.

Дьякова Т. В. Жанрообразующие свойства поэтонимов (на материале английской и русской авторской сказки): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006.

Карпенко М. В. Русская антропонимика. Одесса, 1970.

Соловьева М. А. Лингвостилистические особенности актуализации аллюзивного имени в художественном тексте литературы // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 168–170.

Суперанская А. В. и др. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.

Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000.

Фомин А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // Вопр. ономастики. 2004. № 1. С. 108–120.

Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте: Учеб. пос. Л., 1990.

Источники

Бианки В. В. Сказки. М., 2004.

Драгунский В. Ю. Денискины рассказы. М., 1999.

Заходер Б. В. Добрый Носорог. Сказки и стихи. М., 1977.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Аленушкины сказки. М., 1998.

Маршак С. Я. Кошкин дом. Сказка про козла. Двенадцать месяцев. Теремок: Сказки для чтения и представления. М., 2005. (Хрестоматия школьника.)

Носов Н. Н. Приключения Незнайки и его друзей. СПб., 1993.

* * *

Вера Владимировна Бардакова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальной школе Волгоградского государственного педагогического университета.

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2009. № 7

А. А. Фомин

ВСЕГДА ЛИ *ЛИТЕРАТУРНАЯ ОНОМАСТИКА* ТОЖДЕСТВЕННА *ПОЭТИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКЕ*?

The article examines presently existing definitions of the onomastic area which researches proper names in the literary works. Presence of the number of parallel names for this science (literary onomastics, poetical onomastics, stylistic onomastics, literary-artistic and artistic onomastics, poetics of onym, poetonymology etc) can be explained by external and internal factors of its formation as a science. In particular, the paper views various ways of defining position of this discipline in the paradigm of philological sciences (through indication of the object and subject of studying, the area of object's presence and its functional specificity). Observing the practice of applying several definitions to this linguistic brunch, the author concludes that the terms are not totally similar in respect of semantics, and proposes a number of suggestions for using them in the onomastic researches.

Любой исследователь, занимавшийся изучением собственных имен в литературных произведениях, несомненно, не раз сталкивался с различными обозначениями данной отрасли ономастики. Чаще всего ее называют *литературной* или *поэтической ономастикой*, но встречаются и другие термины: к примеру, *стилистическая ономастика, литературно-художественная* (или *художественная*) *ономастика*, *поэтика онима*, *поэтонимология* и т. д. По-разному называют ученые и объект изучения этой дисциплины, причем чаще прочих используются термины *литературный оним* и *поэтоним*, употребление которых в работах не в последнюю очередь обусловлено авторским принятием соответствующего названия дисциплины. Очень нередки, впрочем, случаи неотрефлектированного «смешения» в рамках одной работы терминов разных рядов: например, *литературная ономастика* для обозначения дисциплины и *поэтонимия* (или *поэтоним* (*-ы*)) для обозначения изучаемого объекта или *поэтоним* и *литературный оним* в качестве

© А. А. Фомин, 2009

синонимических обозначений одного и того же феномена. В связи с этим встает ряд немаловажных вопросов: во-первых, с чем связано разнообразие терминов, употребляемых для номинирования данной научной области? Во-вторых, как к этому разнобою относиться? Не указывает ли он на отсутствие четкости и единства в понимании исследователями сущности и границ того, что они называют *литературной*, *поэтической*, *стилистической* или еще какой-нибудь ономастикой? И не затрудняет ли это понимание читателем (пусть даже специалистом) концепции того или иного исследователя, излагаемой в его работах? В частности, одну и ту же или все же разные дисциплины называют исследователи упомянутыми терминами? И, в-третьих, если существует вероятность неправильного понимания избираемой терминологии, то как свести к минимуму последствия терминологической путаницы? И возможны ли в этом вопросе какие-либо рекомендации, помогающие исследователю и читателю определить для себя содержание и взаимоотношения указанных наименований? В предлагаемой статье делается попытка найти ответы на сформулированные вопросы.

Нужно сказать, что ономатологи хотя и неоднократно обращали внимание на присутствие в научном обороте разных терминов для одной дисциплины, но в большинстве случаев ограничивались лишь констатацией этого факта, не пытаясь проанализировать смысловые оттенки их употребления. Пожалуй, наиболее обстоятельно на настоящий момент вопрос о названии того раздела ономастики, который связан с изучением собственных имен в литературных произведениях, изложен в монографии В. М. Калинкина «Поэтика онима», где ему посвящается отдельный параграф [см.: Калинкин, 1999, *68–73*]. Автор здесь не просто перечисляет имеющиеся термины, а пытается разобраться в причинах этого обилия, оценить достоинства и недостатки каждого названия, с тем чтобы обосновать введение в оборот еще одного наименования научной дисциплины, которое ему представляется наиболее удачным (*поэтика онима*). Определенное место обоснованию данного термина ученый уделил и в статье [Калинкин, 2006]. Впрочем, к рассмотрению предлагаемого В. М. Калинкиным названия, как и остальных, мы обратимся чуть позже, высказав сначала ряд предварительных замечаний.

Вообще говоря, наличие параллельных названий для номинации той или иной науки или научной области нельзя считать чем-то из ряда вон выходящим. Достаточно вспомнить, что лингвистика, в состав которой обычно включают ономастику в целом и литературную (поэтическую) ономастику в частности, часто называется *языкознанием* и – реже – *языковедением*. Само по себе наличие синонимических обозначений нисколько не мешает развитию науки и взаимопониманию ученых, в ней работающих. Если бы все дело сводилось к тому, чтобы наука о собственных именах в произведениях литературы совершенно одинаково понималась бы различными исследователями в отношении своей внутренней структуры и лишь называлась различными терминами, то данная статья, по всей вероятности, была бы излишней. В этом случае все свелось бы к спору между исследователями о большей или меньшей удачности того или иного термина, о большем или меньшем

удобстве его применения. На наш взгляд, однако, различия в терминологии отражают не только вкусовые пристрастия исследователей, но и определенную разницу в осознании или интуитивном понимании ими внутренней структуры избранного научного направления и его границ, а потому могут оказаться чрезвычайно существенными для практики анализа конкретного материала. В обнаружении взаимосвязей между терминологическими единицами и отражаемыми в них воззрениями на сущность обозначаемого явления мы и видим задачу данной статьи.

Начнем с ответа на вопрос о причинах существования нескольких наименований одной и той же научной отрасли. Причины эти можно условно разделить на внешние, лежащие вне научной сферы и связанные с конкретными обстоятельствами рождения новой науки, и внутренние, связанные с различным конструированием ее ключевых понятий и с разным пониманием ее аппарата.

К внешним причинам можно отнести как молодость литературной (поэтической) ономастики, начавшей оформляться не ранее середины 1950-х гг., так и разрозненность усилий отдельных исследователей, стоявших у ее истоков, а также нескоординированность работы тех центров, которые стали формироваться вокруг энтузиастов впоследствии, когда эта дисциплина начала активно развиваться. Известно, что собственные имена в художественной литературе во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. начали изучать почти одновременно и независимо друг от друга разные ученые в разных научных центрах Советского Союза. В. Н. Михайлов, первым защитивший кандидатскую диссертацию по данной проблематике (что, кстати, позволяет условно датировать рождение новой науки 1956 г.), Ю. А. Карпенко, Л. И. Колоколова на Украине, Э. Б. Магазаник и С. И. Зинин в Узбекистане, З. П. Жаплова в Азербайджане, Д. Мгеладзе и Н. Колесников в Грузии, М. С. Альтман, С. А. Копорский, М. И. Черемисина, С. Е. Шаталов в России и ряд других исследователей обратились в это время к изучению собственных имен в произведениях различных писателей, что и привело, в конечном счете, к осознанию многими лингвистами и литературоведами самодостаточности ономастики художественной литературы как объекта исследования и автономного статуса изучающей ее дисциплины. В то же время периферийное положение литературной ономастики в общем корпусе ономастических исследований приводило к тому, что в рамках ономастических конференций и сборников ей уделялось незаслуженно мало внимания, а доклады и немногочисленные статьи с соответствующей проблематикой проходили почти незамеченными на фоне других ономастических штудий. Недостаточность и нерегулярность контактов, личных и опосредованных научными публикациями, обусловила такое положение дел, когда исследователи из разных республик и регионов огромной страны самостоятельно и без должной координации вырабатывали методику и основную терминологию нового направления. И когда среди прочих перед ними закономерно вставал вопрос о названии дисциплины, они решали его каждый по-своему.

Поскольку практически всеми учеными отчетливо ощущалась принадлежность ее к ономастике, благодаря очевидности объекта исследования – имен собственных, в название в качестве опорного слова неизбежно включалось наименование этой науки. А вот на специфику новой дисциплины, на ее положение в ономастике

должны были указать терминологические определения к опорному существительному, на выбор которых не могли не влиять научные интересы и сфера компетенции создающих наименование исследователей. Именно эти определения *литературная*, *литературно-художественная*, *поэтическая*, *стилистическая* стали сосуществовать и впоследствии конкурировать в названии новой дисциплины.

Внутренней причиной можно признать возможность разными способами обозначить специфику данного раздела ономастики. Нетрудно заметить, что термин *литературная ономастика* берет за основу номинации указание на объект и сферу бытования этого объекта. Действительно, объектом ее изучения являются собственные имена (или *онимия*, как стали говорить позже) произведений литературы (точнее, художественной литературы, с изучения которой началось становление новой отрасли – поэтому *литературная*). Стоит отметить, что сам по себе данный термин ничего не говорит ни о предмете исследования литературных имен, т. е. о том аспекте, в котором они изучаются, ни об общей методологии и целеустановке исследования. Зато он четко обозначает пограничное положение данной области в лингвистической и общефилологической парадигме, указывая на необходимость совмещения лингвистической и литературоведческой компетенции при анализе литературного онима. Поэтому термин, будучи «нейтральным» с точки зрения принадлежности лингвистике или литературоведению, оказывается одинаково удобным и для лингвистов, и для литературоведов, обратившихся к исследованию собственных имен в литературных произведениях. В этом, вероятно, одна из причин его успешного функционирования в терминологических системах самых разных языков – русского, украинского, польского, немецкого и т. д.

Как своеобразное уточнение названия *литературная ономастика* можно воспринимать термин *литературно-художественная ономастика*, используемый в работах В. Н. Михайлова и некоторых других ономатологов, но не получивший столь широкого распространения, как предыдущий, не в последнюю очередь из-за громоздкости. В свою очередь, к нему восходит еще менее распространенный термин *художественная ономастика*, который указывает уже не только на сферу функционирования исследуемых онимов, но и косвенно на аспект их изучения – выявление художественной нагрузки литературных имен собственных, в каковом отношении он сближается с термином *поэтическая ономастика*. Впрочем, на наш взгляд, он проигрывает этому конкуренту по ряду позиций, и в частности из-за отсылки к широко понимаемой и допускающей различные трактовки категории *художественности*, мало задействованной в лингвистике, но прочно освоенной литературоведением. Поэтому он выглядит излишне «литературоведческим», создавая впечатление принадлежности называемой им науки к кругу литературоведческих дисциплин. Возможно, поэтому в работах лингвистов в настоящее время он почти не используется.

Наоборот, намного чаще используемый термин *поэтическая ономастика* с его отсылкой к *поэтике* представляется нам более удачным. По мнению В. М. Калинкина, он «указывает на то, что собственные имена художественных произведений изучаются лингвистическими методами поэтики» [Калинкин, 1999, *73*].

Нужно, однако, добавить, что указание на методологию называемой дисциплины, как нам кажется, в этом случае носит вторичный характер. Избираемые методы зависят от предмета и цели исследования, поэтому более важно в данном наименовании указание на поэтическую функцию онимов, которая обусловливается общей эстетической функцией художественного текста. Изучением этой поэтической функции и занимается поэтическая ономастика. Вместе с тем слишком категоричным представляется утверждение о том, что данное название декларирует принадлежность используемых для анализа методов сфере лингвистики. Термин *поэтика*, как и производное от него прилагательное *поэтический*, широко применяется не только в лингвистике, но и в литературоведении [см.: Литературный энциклопедический словарь, 1976, *295–302*]; известны попытки отдельных лингвистов и литературоведов разграничить лингвистическую и литературоведческую поэтики, впрочем, как и попытки отстоять принципиальное единство и комплексный характер этой дисциплины. Долгое время *поэтика* традиционно считалась литературоведческой дисциплиной, и только после экспансии в эту область лингвистических методов и приемов анализа появилась потребность в специальном определении для работ такого типа, вследствие чего данное направление получило название *лингвистической* поэтики. Поэтому мы не видим в упомянутом наименовании ничего сугубо «лингвистического», никакого указания на исключительно лингвистический подход к изучаемому материалу и, соответственно, никакого ущемления литературоведческого подхода (что, по нашему мнению, является скорее достоинством этого термина). Таким образом, данное терминологическое словосочетание основывается на выделении важнейшей функции исследуемого материала, принимаемой в качестве предмета исследования.

Термин *стилистическая ономастика* не получил в России широкого распространения. Исследователи намного чаще предпочитают говорить о стилистических функциях собственных имен, их стилистическом потенциале, стилистической роли или назначении и т. п., как правило, не перенося данное определение на саму область исследования. В принципе, это понятно: называя ономастику *стилистической*, мы вводим ее в парадигму стилистики и обозначаем методологию и инструментарий нашей дисциплины. Определение при этом привносит в наименование ряд по-разному понимаемых и потому довольно дискуссионных моментов, связанных с осмыслением понятий *стиль* и *стилистика*, которые, как известно, вплоть до настоящего времени вызывают в лингвистике и литературоведении весьма неоднозначные трактовки. Вместе с тем такое наименование игнорирует или, по крайней мере, никак не эксплицирует тесную связь дисциплины именно со сферой литературы, так как стилистика, являясь, в самом общем определении, наукой об употреблении языка [см.: Горшков, 2001, *21*], далеко выходит за пределы этой сферы. В самом деле, проблематика стилистики нередко совершенно не связана с литературой вообще и художественной литературой в частности. Так, скажем, исследование собственных имен в молодежном жаргоне [см.: Васильева, 2005, *172–190*] вполне может претендовать на принадлежность к *стилистической ономастике*, но вряд ли его следует считать исследованием по *литературной ономастике*.

Термину *поэтическая ономастика* близок по смыслу предложенный В. М. Калинкиным [1999, *73*] термин *поэтика онима*, который, впрочем, в России пока не получил широкого распространения. Автор видит в *поэтике онима* как бы новую стадию развития *литературной ономастики*, существенно отличающую ее от прежнего состояния. Он так объясняет это отличие: «Литературная ономастика изучает онимию художественного произведения. Всесторонне. А поэтика онима изучает поэтику собственных имен. Тоже всесторонне, но поэтику. Этот акцент существенным образом корректирует взаимоотношение методов и приемов исследования в новой исследовательской парадигме» [Калинкин, 2006, *84*]. На наш взгляд, однако, это объяснение само нуждается в объяснении. Действительно, если *литературная ономастика* всесторонне изучает онимию художественного произведения, то, разумеется, она не должна игнорировать изучение и поэтики онимов, так как это важнейший аспект исследования онимии художественного произведения. В то же время разве *поэтика онима* может всесторонне изучать поэтику собственных имен в отрыве от самих собственных имен? И как вообще можно противопоставлять изучение онимии и изучение поэтики онимии? Это, по нашему мнению, то же самое, что противопоставлять объект предмету изучения, что некорректно. Их следует различать, но не противопоставлять. В данном случае объект изучения – онимия произведения, предмет – ее поэтика. Рассуждение В. М. Калинкина, впрочем, допускает и такую интерпретацию, согласно которой новая дисциплина принимает поэтику собственных имен произведения в качестве о б ъ е к т а изучения, но, во-первых, в таком случае неясен п р е д м е т этой науки, а во-вторых, в этом случае *поэтика онима* становится по отношению к литературной ономастике частной дисциплиной, ибо обладает более узким объектом. В общем, приходится констатировать, что ясности приведенное объяснение не прибавляет.

Впрочем, в более поздних работах В. М. Калинкин наряду с вышеуказанным наименованием использует и другое – *поэтонимология*, производное от ставшего уже привычным в исследованиях по ономастике художественного текста термина *поэтоним* [см.: Калинкин, 2006]. Если понимать под поэтонимом собственное имя, взятое в аспекте выполнения им поэтической функции в художественном тексте, то, подобно термину *поэтическая ономастика*, в этом названии содержится одновременное указание на объект и предмет обозначаемой дисциплины. Специально отметим, что исключение из наименования слова *ономастика*, предлагаемое В. М. Калинкиным в обоих случаях, ведет к тому, что связь данной науки с ономастикой естественным образом ослабевает и становится опосредованной (воспринимаемой через объект исследования), тогда как связь с поэтикой усиливается. Действительно, дисциплина с названием *поэтика онима* воспринимается скорее как специфическая область поэтики, чем как специфический раздел ономастики. Название же *поэтонимология*, в которой выделяется формант -*логия*, обычный для «крупных» и самостоятельных дисциплин (филология, биология, психология и т. п.), еще резче отрывает данную дисциплину от ономастики и своим имиджем дает ей возможность претендовать, по крайней мере, на равный с ономастикой статус. Надо признать, что в ономастике последнего времени господствует тен-

денция к обособлению ее отдельных областей и их специализации, и наука об ономастике художественной литературы в полной мере отвечает этой тенденции. Поэтому оба термина, предложенные В. М. Калинкиным, можно сказать, «в духе времени». Отметим далее, что рефлексия над этим названием приводит к закономерной постановке важнейшего вопроса: являются ли поэтонимы особой разновидностью собственных имен со специфической функцией или самостоятельным феноменом, существующим наряду с собственными именами, однако вне ономастической системы? В первом случае поэтонимологию следует рассматривать как раздел ономастики, сколь угодно специфический, но не выходящий за ее пределы; во втором случае поэтонимология претендует на самостоятельное и независимое от ономастики положение в парадигме научного знания. Последнее представляется нам слишком экстравагантным и недостаточно обоснованным с точки зрения критериев отграничения поэтонимов от проприальных элементов.

Повторим, однако, что оба термина не стали пока широко употребительными и лишь проходят апробацию в среде ономатологов. Насколько плодотворным окажется нововведение и будут ли новые термины востребованы научным сообществом, покажет время.

Из этого обзора приведенных терминологических названий ясно, что они не взаимозаменяемы и не исключают друг друга. Исследователь, избирая определенный термин для соответствующей области ономастики, осознанно или интуитивно высвечивает близкую ему сторону или аспект этого сложного явления и тем самым ориентирует направление своей деятельности относительно структуры того когнитивного пространства, в котором он работает. Поэтому вряд ли правильным, на наш взгляд, было бы категорическое требование полного единообразия в наименовании данной ономастической отрасли. Подобное требование попросту неэффективно. Рассуждения типа «наилучшим названием для науки об именах в литературных произведениях нужно считать такое-то, тогда как прочие названия не нужны» неизбежно сводятся либо к спору о вкусах (а, как давно известно, *de gustibus non est disputandum*), либо к значительному ограничению и упрощению исследовательского представления о номинируемой области познания. Можно пользоваться разными терминами, но следует добиваться осознанного и соответствующего общему содержанию и направлению предпринятой работы использования того или иного термина, а не случайного, взятого для звучности или наобум.

Нельзя не учитывать и того факта, что литературная (поэтическая) ономастика активно развивается. Начинавшаяся с исследования эстетических свойств собственных имен в произведениях художественной литературы, она расширяет свой материал и умножает направления исследований. Художественная литература оказалась лишь одной из сфер применения выработанных ею методов (правда, чрезвычайно важной и, надо признаться, до сих пор недостаточно исследованной, если не сказать – почти неисследованной). Но существуют и другие сферы, где

онимы в силу своей семантической емкости и мощного экспрессивного потенциала играют немаловажную роль. В качестве примера можно указать на публицистику или рекламные тексты, активно заимствующие у художественной литературы приемы работы с онимами для повышения эффективности воздействия на реципиента. С другой стороны, ономастика художественного текста может исследоваться (и исследуется) не только в аспекте ее собственно поэтической значимости, но и с точки зрения реализации ею чисто лингвистических или общесемиотических свойств и функций, изучаемых в рамках лингвистики текста, теории референции и других направлений.

В связи с этим закономерно возникает вопрос о границах области исследования. Заканчивается ли *поэтическая ономастика* там же, где и *литературная ономастика*, а *стилистическая ономастика* – где *поэтика онима*? Разумеется, речь не идет о четкой демаркационной линии, очерчивающей, подобно государственной границе, владения той или иной научной дисциплины. Но все же исследователь вправе задавать себе вопрос о месте своего исследования в сформировавшейся научной парадигме, чтобы адекватно соотнести свою работу с работами других ученых. Так, ономатолог, изучающий собственные имена в рекламных или агитационных текстах В. В. Маяковского («Нигде, кроме как в Моссельпроме» и т. п.), вправе задуматься о принадлежности своего труда к *литературной ономастике*, так же как к *ономастике поэтической*, *стилистической* и т. д. Или ученый, обратившийся к изучению проблем безымянности в каком-либо произведении или у какого-то автора (из последних работ этого направления можно упомянуть интересную главу в монографии: [Васильева, 2005, *150–171*]), имеет право задать себе вопрос, лежит ли его работа в пределах *поэтики онима* или выходит за ее пределы. Должен ли лингвист, анализирующий случаи нестандартного использования онимов в современной прессе [см.: Шмелев, 1997], относить свои работы к литературной ономастике? Подобных примеров можно привести множество, и все они говорят об отсутствии прочно сложившихся, общепринятых границ между направлениями изучения проприальной лексики.

По нашему мнению, существующие на данный момент названия того раздела ономастики, о котором мы вели речь, далеко не всегда равнозначны и синонимичны. Они, по большей части, находятся в отношении пересечения. Прежде всего, это касается двух наиболее распространенных терминов – *литературная* и *поэтическая ономастика*. В сущности, они представляют собой различным образом структурированные пространства, значительная часть которых совпадает. Термин *литературная ономастика*, основанный на указании сферы бытования собственных имен, в соответствии с внутренней формой термина разумно, на наш взгляд, относить к исследованию любых сторон или функций онима в любых *литературных* текстах (публицистических, научных, официально-деловых, художественных), поскольку понятие *литература*, послужившее основой для данного термина, значительно шире понятия *художественная литература*. В этом смысле *литературная ономастика* отграничивается от ономастики нелитературной – допус-

тим, ономастики фольклора или ономастики разговорной речи. Несомненно, что центральной, важнейшей областью этого пространства тем не менее является *ономастика художественной литературы*. Именно этот, наиболее сложно устроенный объект, привлекая внимание как раз своей сложностью, сосредоточивает на себе усилия большинства исследователей литературной ономастики. В случае необходимости для обозначения этой центральной области могут быть использованы уточняющие термины *литературно-художественная* и *художественная ономастика*. Впрочем, если сфера функционирования исследуемого материала самоочевидна, термин *литературная ономастика* может использоваться и без этих уточняющих определений, так сказать, в узком смысле. Важно, что к сфере литературной ономастики могут быть отнесены и исследования, посвященные самым разным аспектам изучения имени – лингвистическому, семиотическому, психологическому, социологическому и пр., а не исключительно поэтическому, который в их кругу является важным, но не единственным типом исследования проблематики отношения *имя – текст*. Без сомнения, такое осмысление термина *литературная ономастика* значительно шире, чем принимаемое на сегодняшний день большинством ученых, но, во-первых, в нем есть внутренняя логика, задаваемая мотивировочным значением термина (так как *литературная ономастика* – это не что иное, как ономастика *литературы*), а во-вторых, он дает возможность назвать широкую область исследований, лишенную в настоящее время какого-либо обозначения.

Термином *поэтическая ономастик*а, который основан на выделении поэтической функции имени, разумно пользоваться, на наш взгляд, для обозначения направления исследований ономастики в произведениях с эстетической доминантой, опять же без строгой привязки к текстам художественной литературы. Например, к поэтической ономастике (но не к ономастике литературной) можно отнести и ономастику фольклорных произведений, если она исследуется с точки зрения реализации ею поэтической функции. Конечно, и в *поэтической ономастике* центральной областью окажется изучение собственных имен художественной литературы, где поэтическая функция имени проявляется ярче всего. Таким образом, немалое количество работ в равной мере может быть причислено и к *литературной*, и к *поэтической ономастике*. В то же время, можно думать, выявится немалое количество работ, имеющих отношение лишь к одной из этих областей. Так, статью Л. И. Василевской [1983], где собственные имена, извлекаемые из литературных произведений, служат объектом анализа с целью выявления их некоторых чисто лингвистических свойств без рассмотрения их роли в построении художественного произведения, мы могли бы отнести к *литературной*, но не к *поэтической* ономастике. Работа же М. В. Ясинской [2003], не имеющая прямого отношения к ономастике *литературных* произведений, но выявляющая определенные направления восприятия, интерпретации и эстетического использования народным сознанием личных имен, могла бы быть соотнесена скорее с *поэтической ономастикой* в ее широком понимании.

Термин *поэтика онима/онимов* (*имени/имен*), как нам кажется, лучше употреблять не для обозначения дисциплины (в этом смысле он в нашем понимании совпадает с предыдущим термином), а для обозначения функционально-эстетического потенциала собственных имен, т. е. непосредственного предмета исследования. Его синонимом мог бы стать термин *ономапоэтика*, который некогда был предложен Э. Б. Магазаником для других целей, но впоследствии переосмыслен в указанном направлении [см., например: Бершадская, 1997]. Иными словами, *поэтическая ономастика* изучает *поэтику онима*, а значит, существительное *оним* указывает на объект исследования поэтической ономастики, а существительное *поэтика* – на предмет.

От термина *стилистическая ономастика*, на наш взгляд, лучше вообще отказаться из-за его некоторой неопределенности и говорить о стилистическом аспекте изучения собственных имен, стилистических приемах, функциях, стилистическом потенциале и стилистической окраске имени. Впрочем, нельзя исключить, что в рамках изучения и сопоставления идиостилей различных писателей этот малоупотребительный сейчас термин может оказаться востребован и получит применение. В этом случае им можно было бы обозначить направление исследований, соответствующее рубрике *ономастика идиостилей*.

Наконец, термин *поэтонимология* (если он, конечно, закрепится в научной коммуникации, в чем нет твердой уверенности из-за достаточной громоздкости его, а также производных и соотносимых с ним слов: *поэтонимологический*, *поэтонимосфера* и т. д.) можно было бы применить к важнейшей, центральной, «пересекающейся» части *литературной* и *поэтической ономастики*. Иначе говоря, под рубрикой *поэтонимологии* могли бы быть объединены работы, связанные с исследованием смыслообразующей активности поэтонима в художественном тексте и отношений между компонентами ономастического пространства произведения (его *поэтонимосферы*).

Возвращаясь к вопросу, сформулированному в названии данной работы, сделаем вывод: мы имеем тождество *литературная ономастика = поэтическая ономастика = поэтонимология* в пределах обширного круга исследований, сосредоточенных в пересекающейся области указанных дисциплин, при выходе же за ее пределы *литературная ономастика* перестает быть тождественной *поэтической ономастике*, а термин *поэтонимология* становится не применим ни к одной из них.

Бершадская С. А. Ономапоэтика Ф. М. Достоевского // Культура и текст. СПб.; Барнаул, 1997. Вып. 1. Литературоведение. Ч. 2. С. 13–14.

Василевская Л. И. Синтаксические возможности имени собственного (метонимический перенос у антропонимов) // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983. С. 156–166.

Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М., 2005.
Горшков А. И. Русская стилистика. М., 2001.
Калинкин В. М. Поэтика онима. Донецк, 1999.
Калинкин В. М. От литературной ономастики к поэтонимологии // Λογος όνομαστική. 2006. № 1 (1). С. 81–88.
Литературный энциклопедический словарь. М., 1976.
Шмелев А. Д. «Нестандартные» употребления личных собственных имен в современной прессе // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997. С. 7–21.
Ясинская М. В. «Варвара варит, Герман гремит»: народно-этимологическая интерпретация имен святых // Живая старина. 2003. № 3. С. 5–7.

* * *

Анатолий Аркадьевич Фомин – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

СООБЩЕНИЯ

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2009. № 7

Й. Коларжик

ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ В НАЗВАНИЯХ ДЕРЕВЕНЬ В ОКРЕСТНОСТЯХ КУРОРТА ЛУГАЧОВИЦЕ

В окрестностях чешского курорта Лугачовице имеется несколько городов и сел, названия которых вызывают оправданный интерес у ономатологов. Мотивация некоторых топонимов [о терминах см.: Svoboda, 1973] очевидна: *Podhradí* «селение под замком» < *hrad* ‘замок’; *Předklášteří* «селение перед монастырем (у монастыря)» < *klášter* ‘монастырь’; *Meziříčí* «город между двумя реками»; *Podskalí* «часть Праги под Вышеградской скалой»; *Zálesí* или *Záhoří* «местность за лесом» или «за горой» и т. п. Мотивация некоторых топонимов базируется на физических или нравственных недостатках основателей или жителей поселения: *Kotojedy* «жители якобы ели кошек», *Všetaty* «все злодеи» [см.: Polívková, 1985, *15*]. Происхождение некоторых названий допускает несколько вариантов толкования.

По историческим документам, территория в окрестностях нынешних Лугачовиц была заселена примерно во второй половине XII в. Светские и церковные феодалы поручали своим подчиненным (локаторам) основывать новые деревни и заселять местность. В 1131 г. в грамоте Оломоуцкой епископии, основанной в 1063 г., с 6 октября 1777 г. ставшей архиепископией, но наследующей созданную в 885 г. св. Мефодием епархию, значатся на интересующей нас территории селения *Biskupice* и *Opatovice*, принадлежащие епископу (< *biskup* ‘епископ’) и аббату (< *opat* ‘аббат’).

Новые деревни назывались в честь локаторов, по их именам или прозвищам, а также по именам дворян, дарителей поместий (донаторов). Часто в ходе истории имя локатора или донатора забывалось. В языке происходили существенные фонетические, морфологические изменения. Происходили искажения при записи топонимов в различных старинных документах. В них чешские топонимы нередко записывались на латинском или немецком языках, причем часто трудным для чтения готическим шрифтом. Названия, которые были образованы от личных имен, мотивированных негативными качествами основателей или поселенцев, часто слу-

© Й. Коларжик, 2009

жили поводом для насмешек, иронии, поэтому жители пытались заменить негативный смысл положительным объяснением, что приводило к возникновению разнообразных легенд. Все это затрудняет научную этимологию названий селений.

В грамоте 1287 г. имеется упоминание о Собегрде из Позловиц. Топоним в форме *Pozlovicensem* (Codex diplomaticus Moraviae IV, s. 253) является первым упоминанием о существовании селения (ныне местечко Позловице находится в 4 км к востоку от г. Лугачовице). В 1369 г. здесь появился приход, в 1671 г. появилась запись Parochia *Pozlowicensis*, в 1758 г. Позловице по решению императрицы Марии-Терезии стало городком, в 1785 г. здесь появилось римско-католическое благочиние, тогда же упоминается топоним *Poslowitz*, *Pozlowice*, в 1872 г. – *Poslowitz*, *Pozlovice*, ныне ***Pozlovice***.

Местные жители и краеведы-любители возводят топоним к слову *posel* 'посол'. На эту этимологию наталкивала и фиксация названия деревни в немецких документах *Poslowice*, *Poslowitz*. Но название *Pozlovice* относится к топонимам, возникшим от имени локатора или донатора, который распорядился основать селение. Слово возникло от личного имени **Pozl*, *Pozel* с помощью суффикса *-ovice*, который состоит из посессивного суффикса *-yv/-ov* (*Pozlóv* majetek) и топонимического словообразующего форманта *-ice* [Hosák, 1980, *298*]. Суффикс *-ice* возник из катойконимического суффикса *-ici* (*Biskupici*, *Popovici*, *Kaňovici*, *Pozlovici*, т. е. подданные епископа, попа, поселителя по имени *Каня*, *Позел*).

Основой топонима является прилагательное *zel* 'злой' с префиксом *po-*. От слова *zel*, *zlý* возникли также названия города *Zlín* и деревни *Zlechov.* В старочешском языке посессивные прилагательные мужского рода создавались как с помощью суффикса *-in/-ín*[1] (*Zlín* = владения человека по имени *Zel*, *Kunín* – владелец *Kuna*, *Slavotín – Slavota*, *Domanín – Domana*, *Pitín – Píta*, *Píťa,* как и в русском языке), так и суффиксом *-óv* (*Zlechov* – первоначально *Zlechóv*, нов.-чеш. *Zlechův*). Топонимы с суффиксом *-in* в более позднее время в чешском языке не образовывались, тогда как суффикс *-ov*[2] использовался и в дальнейшем при колонизации новых земель (*Sokolov* вместо немецкого *Falkenau* в Западной Чехии на чешско-немецком пограничье; *Baťov* – часть города Отроковице у Злина, названная в честь владельца крупной обувной фабрики Томаша Бати; *Havířov* – город горняков, основанный у Остравы в 1950-е гг.).

Имя давалось человеку как по его личностным характеристикам (*Dobroš* или *Zel*, *Chval* и пр.), так и в качестве охранного знака. Носитель имени *Zel*, *Pozel* вовсе не должен был наводить ужас на людей, его имя должно было вызывать уважение сверхъестественных сил, злых духов. Префикс *po-* выражал меньшую силу качества, ср. диалектные наречия *poniží́j*, *povyšéj*, *pomaléj*, *pomeňéj*, *polevňéj* (*polehňéj*), *potišéj*, прилагательные *postarší*, *pomenší*, *poslabší*; этот же суффикс, видимо, используется в глаголах *popohnat*, *popostrčit* и др.

---

[1] Ср. русские формы на *-ин*, *-ино*: *Калязин*, *Липин Бор*, *Яшкино* (село), *Останкино*, *Шебекино* и др.
[2] В русской топонимии *Александров*, *Иваново* (село), *Орехово-Зуево* и др.

Но возможна и другая трактовка имени. Это мог быть человек, который основал селение *po Zlovi*, после локатора по имени *Zel*, который неудачно создал селение, оно прекратило свое существование, а затем было создано вновь. Так мог возникнуть и топоним *Pozděchov*, образованный от личного имени *Pozděch*, т. е. человек, родившийся в деревне или заново основавший ее уже после локатора по имени *Zděch*, *Zděslav*. Возможна также этимология имени от словосочетания *pozdní dítě*, ср. рус. *Поздей*, *Поздняк* [Никонов, *93*].

Слово *zlý* в чешском языке обозначало не только ‘злой, злостный, злобный’, но и ‘плохой, некачественный, неуспешный’. В современном чешском языке используются выражения *je to s ním zlé, vypadá (to s ním) zle*, обозначающие, что кто-либо серьезно болен, находится в опасном положении или у него нет надежды на положительный исход дела.

Этимология топонима *Pozlovice* вызывает отрицательные ассоциации, поэтому его жители заменили ее на более позитивное объяснение и рассматривают как образование от существительного *posel* ‘посол, курьер’, тем более, что немецкий и латинский варианты записи *Poslowitz*, *Poslovice* предоставляют для этого необходимые предпосылки. Селение якобы давало ночлег посланцам и курьерам в замке Старый Светлов или, по другой версии, некоторые жители деревни служили послами, курьерами.

Восточноморавский город-курорт ***Лугачовице***, называемый жемчужиной Моравии, упоминается впервые как поселение в 1412 г. super… *Luhaczowicze*, в 1598 г. в виде прилагательного fojta *luhačžiowskeho*, в 1670 г. *Luhačžowicz*, в 1718 г. *Luhatschowitz*, в 1872 г. *Luhatschowitz*, *Luhačovice*, позже уже только *Luhačovice*. В 1784 г. появился римско-католический приход, выделившийся из Позловицкого.

Историки и лингвисты предполагают, что топоним перешел от исчезнувшей деревни *Лугачовице*, которая в середине XIII в. принадлежала господам из Обржан и Стршилек, поскольку эти земли в Восточной Моравии осваивались именно жителями окрестностей Кунштата и Жданиц.

Топоним образован с помощью суффикса *-ovice* от личного имени *Luhau*, он обозначает ‘деревня людей Лугача’. Имя **Luhau* возникло от основы глагола [Никонов, *139*], но нельзя точно определить, от какого именно глагола оно образовано. Глагол *luhat’* ‘лгать, обманывать’ (праслав. *lъgati* [Machek, *330*], рус. *лгать*, нем. *lügen*, англ. *lie*) отмечен в словацком языке, но не встречается ни в соседних с ним восточноморавских диалектах, ни в западноморавских и других чешских говорах. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что внутренняя форма топонима – «деревня, в которой живут люди Лугача, лжеца, вруна». Его мотивация может не отражать отрицательной черты характера локатора или древних жителей селения. Некоторые языковеды ищут основу топонима в существительном *luh* ‘лес, роща, лесок в болотистом месте’ [см.: Černý, 1907, *96*]. В восточноморавских диалектах слово *luža* обозначает ‘мокрое место, лужа’. Такие характеристики хорошо подходят для той долины, в которой находятся Лугачовице. К основе *luh-*, бесспорно, относятся микротопонимы *Lužné* (ныне квартал города Лугачовице), *Lužánky* (часть

г. Брно, находящаяся на осушенной болотистой почве), деревни *Lužice* у г. Годонин на юге Моравии и *Lužná* у г. Валашске-Клобоуки в Восточной Моравии, лежащие в долинах рек, в болотистой местности, а также хоронимы Верхняя и Нижняя Лужица в восточной части Германии (чеш. *Horní Lužice*, *Dolní Lužice*, нем. *Oberlausitz*, *Niederlausitz*, в.-луж. *Hornja Łužica*, н.-луж. *Dolna Łužica*), располагающиеся в болотистых местах вдоль р. Шпрее с крупными городами Баутцен, Гёрлиц, Коттбус (чеш. *Budyšín*, *Zhořelec*, *Chotěbuz*, нем. *Bautzen*, *Görlitz*, *Cottbus*, серболуж. *Budyšín*, *Zhorjelc*, н.-луж. *Chóśebuz*, в.-луж. *Choćebuz*, польск. *Budziszyn*, *Zgorzelec*).

Поскольку в чешском языке существуют имена с суффиксом *-ač*, образованные от существительных или прилагательных, а не от глаголов (*oko/okatý – okáč* = с большими глазами, *ucho/ušatý – ucháč* = с большими ушами, *břichatý – břicháč*, *bohatý – boháč*, *bradáč*, *košiláč*, *vousáč*, *chlupáč*, *paroháč*, сленговое *prachatý – pracháč* и т. д.), можно предполагать, что топоним *Luhačovice* мог быть образован от слова *luháč* (*luhač*) ‘человек, живущий на высохшей болотистой местности у реки’.

Несколько вариантов объяснения происхождения существует у топонима ***Ludkovice***. Название деревни зафиксировано в письменных источниках в 1412 г. super villis ...*Lytkowicze*, в 1437 г. – *v Litkowiczich*, в 1560 г. – *z Lidkowicz*, в 1577 г. – *v Ludkowiczich*, в 1751 г. – *Ludkowitz*, в 1846 г. – *Ludkowitz*, в 1872 г. – *Ludkowicz*, *Ludkovice*, в 1881 г. – *Lidkovice*, с 1918 г. – *Ludkovice*. Она относилась сначала к поместью Светловскому, а с 1592 г. – к Лугачовицкому, в церковном отношении – к приходу и благочинию Позловицкому. Топоним возводят к личному имени *Ludek*, к которому добавлен суффикс *-ovice*. *Ludek* – домашняя форма (гипокористика) от одного из сложных старочешских имен *Ludmil*, *Ludimir*, *Ludislav*, которые обозначали «людям милый», «желающий людям мир», «среди людей славный». Это была деревня людей Людека, ее основателя или наиболее уважаемого жителя.

Формы *Litkowicze* или *Lidkovice* отражают перегласовку *u* > *i*, происходившую в чешском языке в XIV в. В официальные документы этот вариант был внесен писарем, который был родом с западночешской территории, где эта перегласовка была реализована. Форма же с основой *lud-* является доказательством того, что в восточной части ареала чешского языка, в восточноморавских наречиях перегласовка *u* > *i* не была осуществлена, ср. диалектные лексемы *břuch*, *čuch*, *ďúra*, *lútosť* при чешских литературных *břicho*, *čich*, *díra*, *lítost* и т. п. Писарь мог записать название деревни в той форме, которая была до перегласовки, или же зафиксировал народное произношение топонима, т. е. тоже без перехода *u* > *i*.

Можно сравнить название этого селения со следующими топонимами: *Ludslavice* (у г. Голешов), зафиксирован в документах и как *Lidslawicz*; деревни *Horní Lideč* и *Lidečko* у г. Валашске Клобоуки, сожженная фашистами деревня *Lidice*. Их основой послужили личные имена со старочешским компонентом *ľud-*, новочешское *lid-* (ср. рус. *люди*). Нельзя, однако, доказать, что в основе этих топонимов лежит имя чешской княгини св. Людмилы, бабушки князя св. Вацлава-

Вячеслава (убита 15 сентября 921 г.), хотя у чехов она пользовалась большой любовью и уважением. Такие предположения встречаются иногда в народных и школярских объяснениях, в которых бралась за основу *Lidka* – гипокористическая форма имени *Ludmila*.

Поскольку регион заселялся в пятидесятых годах XIII в. по распоряжению оломоуцкого епископа Bruno von Schaumburk, не исключено, что деревня *Ludkovice* была названа в честь немецкого локатора по имени *Ludwig* (от герм. *blut* + *wig* 'славный воин'), от которого в чешском языке возникла такая же гипокористика, как и от чешских имен *Ludek*, *Luděk*.

Некоторые исследователи связывают топоним со словом *lítý*, основываясь на том, что в записях неясно, какое звукосочетание является исходным – *-dk-* или *-tk-*. От корня *ljutъ* [Černý, 1907, *96*] образованы моравские топонимы *Litenčice* (от деминутивной формы личного имени *Ľutenek*), *Litohoř* (от сложного имени *Ľutohor* < *ljutъ* 'лютый, свирепый, жестокий' и *hor* < *hořeti* 'гореть'). Можно допустить и другую возможность объяснения. Приходская деревня была названа *Pozlovice* в честь «злого» локатора. Деревня, которая была присоединена к Позловицам, стала называться другим именем, образованным от семантически близкого слова *lítý* 'очень злой, вспыльчивый, разъяренный от злобы, как огонь', если он относился к ее жителям еще более строго и безжалостно.

Несколько ономастических проблем обнаруживается при объяснении топонима ***Řetechov***. В 1412 г. отмечается запись *Rzetechov*, в 1594 г. – *Řetichov*, в 1596 г. – *Ržetechov*, в 1602 г. – *Ředechov*, в конце 19 в. – *Řetechow* и *Řetechov*, а после 1918 г. – *Řetechov*. Различие в записи первой буквы объясняется особенностями отражения фонемы <ř> на письме в разные периоды развития чешского языка. Некоторые авторы XX в. записывают название как *Řetěchov* [Hosák, 1930, *27* и др.]. В старой чешской орфографии не было буквы *ě*, поэтому нельзя определить, мягким или твердым был звук [t], поэтому можно допустить и чтение *Řetěchov*. Еще во второй половине XX в. пожилые местные жители использовали форму *Řetichov*.

Официальное название селения – *Řetechov*. Топоним образован с помощью суффикса *-ov* от личного имени *Břetěch*, которое может быть гипокористической формой от старого сложного имени *Břetislav*. К сокращенной форме имени добавлялся суффикс *-ech*, как, например, у имен *Boleslav* – *Bolech* (отсюда топоним *Bolešice*), *Želimír* – *Želech* (деревни *Želešice* и *Želechovice*), *Zlech* (*Zlechov*). Начальный лабиальный звук [b] в имени *Břetěch* отпал. Из-за суффикса *-ech* распространилось чтение *Řetechov* с твердым согласным [t], а связь с личным именем *Břetěch* уже не ощущалась.

В настоящее время уже невозможно определить, принадлежало ли имя *Břetěch* – *Řetěch* локатору, основавшему деревню, кому-то из его родственников или господину, который поручил локатору основать селение. Однако недостоверно, что топоним был образован от имени чешского князя Бржетислава (1002–10.01.1055), внебрачного сына князя Олдржиха, который увез из монастыря свою невесту Юдиту, дочь маркграфа Генриха фон Швейнфурта, и в дальнейшем его имя вошло во многие легенды, начиная со Средних веков.

В ходе общественных перемен, в результате существенных изменений в развитии языка (фонологических, морфологических, деривационных, прежде всего в проприальной сфере) исходная мотивация многих топонимов утратилась. Если происхождение топонима было не слишком ясным или имелись неприятные для жителей негативные его трактовки, появлялись народные объяснения, перерастающие в легенды.

Никонов В. А. Словарь русских фамилий. М., 1993.
Černý Fr. Moravská jména místní: Výklady filologické / Fr. Černý, P. Váša. Brno, 1907.
Hosák L. Z minulosti Luhačovského Zálesí // Václavík Ant. Luhačovské Zálesí / Ant. Václavík. Luhačovice, 1930.
Hosák L. Místní jména na Moravě a ve Slezsku: II / L. Hosák, R. Šrámek. Praha, 1980.
Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
Polívková A. Naše místní jména a jak jich užívat. Praha, 1985.
Svoboda J. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.
Svoboda J. Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky. Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik / J. Svoboda, V. Šmilauer, L. Olivová-Nezbedová, K. Oliva, T. Witkowski // Zpravodaj místopisné komise ČSAV, roč. XIV, č. 1. Praha, 1973.

* * *

Йозеф Коларжик – доктор филологии, доцент Оломоуцкого университета, в настоящее время на пенсии (Чехия).

Перевод с чешского *В. И. Супруна*.

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2009. № 7

А. Л. Шилов

ЕЩЕ РАЗ О НАЗВАНИИ РЕКИ *ВЫГ*

Название одной из крупнейших рек Карелии *Выг* нечасто попадало в поле зрения ономатологов. Последней работой, в которой была рассмотрена этимология названия, является статья известного исследователя топонимии Вепсского Межозерья и Южной Карелии И. И. Муллонен [см.: Mullonen, 2007; Муллонен, 2008], о которой в основном и пойдет речь далее.

В русских документах название реки *Выг* (имеется в виду Нижний Выг, т. е. течение реки от крупного Выгозера до Белого моря[1]) известно с первой половины XV в. [ГВНП, № 286, 287, 291], название озера *Выгозеро* с конца XV в. (1496 г.: *Лукьяник, выгозерец*; 1530 г.: *Выгозеро* [АСМ, *22*, *43*]). В прибалтийско-финской традиции известны варианты названия *Uikkujärvi* – Выгозеро (Лённрот, 1842 г.), *Uiku* (А. А. Борениус, 1871 г.) и карел. *Vuikka* – река Выг [Mullonen, 2007, *163–164*]. И. И. Муллонен убедительно показала, что первичной, наиболее близкой к этимону формой являются не карельские варианты названия, а русское *Выг* < **Виг* [Там же, *164–165*][2]. Далее предлагаемую И. И. Муллонен этимологию (дается курсивом) и наши комментарии к ней уместно представить по пунктам, ибо эта этимология не прямо соотносит название с этимоном, но является многоступенчатой.

1. *Решение о происхождении названия реки Выг главным образом основывается на том факте, что в местной традиции приустьевая часть реки называется не* ***Выг****, а* ***Сорока****. Эта традиция может быть прослежена по письменным источникам с XVI в.*

Сорокой ныне называется не вся приустьевая часть Выга, а западная его ветвь, после разделения Выга в обход огромного Выгострова на два основных

---

[1] Деревни в Верхнем Выгу под порогом, в верховье Выга-реки известны по документам лишь с 1563 г. [ПКОП, *156*, *157*].

[2] Заметим, что нами на основе русского *Выг* и финского *Uik(k)u* было реконструировано исходное **Vuigk-*/**Vīgk-* [Шилов, 1999а, *107*], что И. И. Муллонен не обсуждалось.

© А. Л. Шилов, 2009

русла; восточная ветвь называется *Шижня* (*Шизня* в [ГВНП, № 306, XV в.]), кстати, через нее (а не через Сороку), прошла трасса Беломорско-Балтийского канала. Более того, П. И. Челищев в своих дневниках (1791 г.) вообще определяет Сороку не как левый рукав Выга от начала Выгострова, а лишь как один из пудасов (речных проток) этого левого рукава длиной в 2 версты (из 9 верст всего рукава), проходящего слева от деревни Сорока. Говоря о раздвоении Выга у Выгострова, он называет правую ветвь Шижней, а левую – просто Выгом [Челищев, 1886, *32*]. Что же касается датировок, то название *Сорока* наряду с *Выг* появляется в документах начиная с 1-й половины XV в.

2. *Имя реки Выг появляется приблизительно в 10 км от устья, причем граница между Выгом и Сорокой маркируется островом Выгостров и одноименным поселением в его южной части*[3].

В ранних документах Сорока не противопоставляется Выгу, а указывается (если указывается) для уточнения: какой из двух основных рукавов Выга (см. выше о Шижне) имеется в виду. Выг при этом как был, так и остается Выгом вплоть до моря[4]. Ср.: «в Сороке реке на море и в Выгу» (1-я пол. XV в.), «на море на Выгу» (сер. XV в.), «на усть-Выга реки на Сороке реке у моря кол рыбный» (1496), «от Выга рекы от Сороцкие деревни возле моря берегом» (1556) [ГВНП № 286, 291; АСМ, *22*, *135*]. Особенно показательны тексты, где речь идет о пороге Золотец, расположенном в рукаве Сорока: «ловища на Выгу у Золотца камени» (1-я пол. XV в.), «в Выгу реки в Золотце участок» (2-я пол. XV в.), «деревня Остров (будущий Выгостров. – *А. Ш.*) у Золотца у моря на реке на Выгу» (1556) [ГВНП № 287, 297; АСМ, *129*].

3. *Ниже по течению от Выгострова Выг разбивается на большое число рукавов, наиболее широким из которых является река Сорока.*

Как уже указывалось, остров разделяет Выг на рукава Сорока и Шижня вплоть до моря. От Сороки через Выгостров проходят две узкие протоки: Ерпин Пудас и Кислый Пудас. В русле самой Сороки много малых островков, а при подходе к морю она сама разбивается на протоки (пудасы), образованные уже довольно крупными островами.

4. *Ландшафтные характеристики указывают на саамское происхождение названия* ***Сорока****, ср. сев.-саам.* ***suorge*** *'одна из двух малых рек, образующих при слиянии большую реку; ветвь, образованная рекой при разбиении на две или более проток'. В восточных саамских диалектах (более близких к Белому морю) подобные слова не зафиксированы, но географические характеристики реки Сорока свидетельствуют о том, что это слово существовало в диалектах ее (саамских) номинаторов.*

---

[3] Изначально это поселение называлось просто *Остров*, затем *Выгский Остров* (так у Челищева), а в [Сп. 1928] уже приведены альтернативные названия: *Выгостров ~ Запудас*.

[4] Такова же ситуация и с Шижней. В документе 1563 г. о деревне, расположенной на море к востоку от устья Шижни, сказано: «на усть Выга в Сегуе» [ПКОП, *162*].

Для восточносаамских диалектов (Колтта и кольских) словари [YS, *128–129*; KKLS, *534–535*] дают в значении ‘развилка; ветвь (реки)’ *suorr*^{e}, *sūrr*(^{e}), *sīrre*. Потому для гидронима *Сорока* нами и была предложена саамская этимология: *Suorr-jogk* ‘река с разветвлениями’ [см.: Шилов, 1996, *96*].

5. *Сев.-саам.* ***suorge*** *фонетически близко к прасаам.* ***sōrkē****, откуда могло возникнуть русское полногласное* ***Сорока***[5]*, ср. в древнерусское время аналогичную адаптацию:* ***соломя*** < ***salmi***, ***коломище*** < ***kalma***.

Этого быть не могло, ибо ко времени освоения русскими низовьев Выга (не ранее XIV в.) полногласие в древнерусском языке уже не было живым процессом[6]. Сама И. И. Муллонен [2002, *50*] писала об отсутствии следов полногласия даже в рано освоенном русскими Присвирье, за исключением неочевидного примера *Олонец* [см. об этом топониме: Шилов, 1999б, *54–59*].

6. *Другие ветви нижнего течения Выга называются* ***пудасами (Кислый Пудас, Ерпин Пудас)****. Это косвенно подтверждает саамскую этимологию для названия* ***Сорока****, ибо значение слова* ***пудас****, заимствованного из финского источника, в беломорских говорах означает речной рукав, что эквивалентно прасаам.* ***sōrkē****, обозначающему (именующему) наиболее существенную часть нижнего течения Выга.*

Выше указывалось, что эти *пудасы* представляют собой незначительные протоки Выга, идущие через Выгостров, и потому вряд ли могут противопоставляться Сороке. Кстати, как русский, так и прибалтийско-финский термины могут являться заимствованиями из саамского: вопрос пока не решен. Интересно, что в русских документах слово *пудас* впервые встречается как обозначение именно одной из проток Выга: «а двадцатая (тоня) повыше усть-пудаса» [АСМ, *218*].

7. *Переход от Выга к Сороке маркирован еще одним заметным объектом наиболее существенным из тех, о которых доселе говорилось. Это мощный порог* ***Шойрукша****, расположенный в речном сужении между скальным берегом и Выгостровом.*

Шойрукша не был ни самым длинным (100 м), ни самым мощным (если иметь в виду высоту падения воды 2,1 м) из порогов Нижнего Выга. Его превосходили как ближние Бараньи Лбы (длина 80 м, падение 3,6 м), так и Золотец (длина 500 м, падение 4,4 м) [см.: Жилинский, 1919, *75*][7].

---

[5] На этом фоне особенно удивляет возведение к тому же сев.-саам. *suorge*, прасаам. *sōrkē* названия одной из проток реки Нюхча – Срака [см.: Кузьмин, 2007, *26*]. Примеров чисто русских метафорических названий с этим же или семантически близкими словами более чем достаточно в работах М. Э. Рут, Е. Л. Березович и др.

[6] Ср. *нерпа* < *ńorppa* в берестяной грамоте XIV в. [см.: Шилов, 2008а, *21*].

[7] Менее надежны данные, приведенные Ю. В. Савватеевым [1967, *60*], ибо они относятся уже ко времени после постройки Беломорско-Балтийского канала (да и Ю. А. Савватеев все же археолог, а не инженер-географ, как А. А. Жилинский): Шойрукша – длина 90 м, падение – более 2 м; Бараньи Лбы – длина 420 м, падение – 5,5 м; Золотец и Чобот – общая длина 775 м (135 + 640 м), падение 4,5 м (1,5 + 3 м) (следует отметить, что Чобот, наряду с Золотцом, назван и А. П. Нечаевым [1911], в то время как А. А. Жилинский его не упоминает: видимо, он включен им в единый комплекс с Золотцом). Для порога Морской и А. А. Жилинский, и Ю. А. Савватеев согласно указывают длину 480 м и высоту падения 2 м.

8. *Возможно, имя порога отражает эту особенность (узкий и длинный проток).*

Основной чертой этого порога была не узость русла, а водопад, которым он начинался.

9. *Название* ***Шойрукша*** *можно сопоставить с карел.* ***šoilukka***, ***šoirukka*** *'о длинном и узком месте'. Этимологически первичен вариант с* ***l***, *но вариация* ***l*** *~* ***r*** *хорошо известна в финских языках.*

Термин *šoilukka*, *soilukka* восходит к *soilo* 'длинный и узкий' [SKES, *1057*]; *šoirukka* – это локальный вариант слова, оторвавшийся от своей производной основы; в карельской топонимии термин непродуктивен.

10. *Что касается финали* ***-кша*** *в топониме, то ее появление могло быть обусловлено адаптацией финского двойного консонанта* ***kk***, *нетипичного для русской фонетики, с ассимиляцией к* ***ш*** *первого слога. Дополнительным фактором могло стать широкое употребление северных топонимов на* ***-кша***.

Представляется, что русское усвоение финских геминат не вызывало особых трудностей, ср. *лопь* < *lappi*, *кипака* < *kiipakka* и т. д. Сама И. И. Муллонен приводит подобные примеры для полуострова Заонежье: *Юлмаки* (трижды) < *jylmäkkä*, *Кабак* < *kapakko* [см.: Муллонен, 2006, *284*]. Примеров же указанной И. И. Муллонен дистактной ассимиляции нам не встречалось. Название порога известно также в формах *Шайруша* [см.: Нечаев, 1911] и *Шонрукша* [см.: Никольский, 1927]. По этим причинам вряд ли вообще можно уверенно говорить о его этимологии.

11. *Топоним* ***Шойрукша*** *является карельским по происхождению. Но здесь существовало и более древнее население. Каким могло быть имя порога в саамский период?*

Далеко не факт, что топоним является карельским (см. выше). Потому рассуждения о каком-то ином его названии (нигде не отраженном) могут быть чисто гадательными.

12. *Весьма соблазнительно предположить, что это было имя* ***Vyg*** *или, точнее, саамское слово с соответствующей основой. Основания к этому предположению даны выше: порог (Шойрукша) означает окончание реки с названием* ***Выг***, *а среди всех островов нижнего течения реки именно тот, что находится у порога, называется* ***Выгостров***.

Как показано выше, Выг не заканчивался (в своей именной ипостаси) у Выгострова. Смена речных имен в Карелии не редкость (ср. *Янгозерка – Безглазая – Совдозерка – Гумарина – Ломца – Лужма – Сегежа*; *Софъянга – Кума – Йова – Ковда*), но смена эта происходила не иначе чем после прохождения реки через сколь-либо крупное озеро, а вовсе не через порог.

Выгостров же занимает, если можно так сказать, все нижнее течение Выга (имея ширину до 4,5 км и длину более 7 км), доминируя в размерах над всеми иными островами. Потому не он находится у какого-то порога, но все пороги нижней части Выга находятся около него. Само название *Выгостров* относительно позднее (впервые оно встретилось нам как *Выгский остров* [см.: Челищев, *32*]) и в какой-то степени искусственное. Это ведь не столько остров, сколько мощный массив суши, разделяющий основные рукава Выга, впадающие в море.

13. *Наиболее убедительным аргументом является сам топоним, в котором может быть отражена саамская лексема, обозначающая порог. Наибольший интерес в этом отношении представляет вост.-саам.* ***veγγaš*** *'поток в пороге, место с сильным течением в реке', восходящее к прасаам.* ****vękę*** *'быстрый'.*

Саамскому слову *veγγaš* этимологически родственно фин. *vikiö* 'мощный, быстрый поток' [см.: Шилов, 2004, *93*]. Фонетически это слово гораздо ближе к *Выг*, нежели саамский термин.

14. *Однако соотнесение* ***Выг*** *<* ****Виг*** *с* ****vękę*** *представляет проблему, ибо в карельской топонимии прасаам.* ****ę*** *(<* ***i****) передавалось через* ***e****, а не через* ***i****. Но, с одной стороны, русское* ***и*** *может отражать в беломорских говорах финское (саамское)* ***e*** *(дается ссылка на Я. Калима, у которого приведено 2 примера. – А. Ш.); с другой стороны, нельзя исключать того, что в период освоения топонима финнами или русскими звук еще был более узким, приближаясь к* ***i****. В качестве аналогии можно указать фин.* ***niva*** *'порог', заимствованное из саам.* ****ńęvē****.*

Действительно, несоответствие *Выг* < **Виг* и **vękę* серьезно и трудно разрешимо. Что же касается фин. *niva*, то в этом случае не стоит говорить о заимствовании [см.: Шилов, 2004, *92*], ибо саамский и финский термины возводятся к единой праформе **ńiva*.

15. *Итог:* ***Выг*** *представляется древним именем, возникшим в языке саамов (прасаамов), обитавших на побережье Белого моря; имя принадлежало мощному порогу в низовье реки. Это имя, видимо, распространилось на всю реку и на озеро (Выгозеро) уже в саамское время. Поскольку Выг с давних времен был важной частью водно-волокового пути, соединяющего Онежское озеро и Белое море, название позднее утвердилось в русском употреблении, откуда далее было усвоено карелами. Исчезнув как имя порога, топоним дожил до наших дней в качестве имени реки.*

Во-первых, это предполагает серьезнейшее, ничем не обоснованное допущение: саамы (приплывшие морем с низовий Двины?) осваивали Выг от Белого моря до Выгозера вверх по течению (и как быть тогда с Верхним Выгом, уходящим верховьями в леса и болота Восточного Обонежья?)[8]. Во-вторых, на Выгу есть (были) гораздо более впечатляющие пороги, нежели Шойрукша: Воицкий падун (длина 480 м, падение 7,2 м), Большой Шавань (длина 1500 м, падение 7,7 м) и Маткожня (длина 1300 м, падение 10,1 м) [см.: Жилинский, 1919, *74–75*]. В-третьих, случаи переноса названий порогов на сколь-либо крупные реки нам доселе неизвестны.

---

[8] Рядом особенностей консонантизма саамская топонимия Карелии (кроме ее юго-востока) сближается с топонимией белозерских саамов [см.: Шилов, 2008б, *62*], противостоя в этом отношении топонимии двинских саамов [см.: Матвеев, 2004, *218*, *222–223*]). Это еще одно свидетельство в пользу напрашивающегося пути продвижения саамов по Карелии: с юга на север, следовательно – от Выгозера к Белому морю, но никак не наоборот.

В целом мы вынуждены заключить, что в анализируемой работе имеет место методологически неудачная конструкция, в которой каждое звено в обязательном порядке подкрепляется предыдущим. Выпадение любого из звеньев цепи ведет к крушению всей конструкции, а в данном случае слабыми оказываются чуть ли не все звенья.

Интересно, что, потратив столько усилий на обоснование весьма спорной, по нашему мнению, версии, И. И. Муллонен вскользь упомянула лексему, гораздо более подходящую как семантически, так и фонетически в качестве этимона названия могучей реки *Выг*[9]: сев.-саам. *viekkâ*, кильд. *vīgg*, терск. *vikk* 'большой, сильный' (< **vēkę*) с примерами из топонимии севера Финляндии: водопад *Vikaköngäs*, река *Vikajoki* [см.: Mullonen, 2007, *168*].

Нами в свое время был предложен иной этимон гидронима *Выг*: саам. *vuiᵍkᴬʲ*, *vuj(i)k*, *viiᵍkᴬʲ* 'правый, правильный; прямой'[10] [см.: Шилов, 1999а, *107–108*]. Указывалось, что, с одной стороны, Выг в обеих своих частях течет в одном направлении, без сколь-либо существенных изгибов (Верхний Выг на северо-запад, Нижний Выг на север), с другой же – понятие «правильный, прямой (путь)» могло отражать важную роль реки как основного звена пути от Онежского озера к Белому морю. Сейчас нам представляется все-таки более вероятным, что название *Выг* восходит к указанному выше И. И. Муллонен саамскому слову со значением 'большой, сильный'.

АСМ – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Пг., 1919.

Кузьмин Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Петрозаводск, 2007. С. 20–89.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. II. Екатеринбург, 2004.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Муллонен И. Фонетическая интеграция прибалтийско-финской топонимии в русскую топосистему Заонежья // The slavicization of the Russian North. Mechanisms and chronologie (Slavica Helsingiensia. 27). Helsinki, 2006. P. 282–292.

---

[9] Правда, И. И. Муллонен опять-таки рассматривает эту лексему в контексте вопроса былого, чисто гипотетического названия порога (злополучной Шойрукши), давшего, по ее мнению, имя для всей реки.

[10] Этот термин видится нам (в силу географических характеристик соответствующих объектов) в основе названий озер *Виго* басс. Войницы и *Вигачозеро* басс. Лоуксы, мысов Онежского оз. *Выгойнаволок* ~ *Выганаволок* к юго-востоку от Петрозаводска, *Виги-наволок* [Сп. 1928] (ныне *Усов наволок*) в Большой губе Повенецкого залива, *Виг остров* (дер. *Вигово*) [ПКОП, *128*] в Великой губе и некоторых других.

Муллонен И. И. Загадка *Выга* // Вопр. ономастики. 2008. № 6. С. 58–63.
Нечаев А. П. В мире брызг и пены (из поездок к водопадам). СПб., 1911.
Никольский В. В. Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря // Тр. Ин-та по изучению Севера. Вып. 36. М., 1927.
ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
Савватеев Ю. А. Рисунки на скалах. Петрозаводск, 1967.
Сп. 1928 – Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 г.). Петрозаводск, 1928.
Челищев – Путешествие по Северу России в 1791 году. Дневник П. И. Челищева. СПб., 1886.
Шилов А. Л. Топонимический заповедник // Рус. речь. 1996. № 4. С. 92–97.
Шилов А. Л. К стратификации дорусской топонимии Карелии // Вопр. языкознания. 1999а. № 6. С. 100–114.
Шилов А. Л. Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999б.
Шилов А. Л. Номенклатурные термины в названиях порогов Карелии // Вопр. ономастики. 2004. № 1. С. 86–99.
Шилов А. Л. Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М., 2008а.
Шилов А. Л. О саамской топонимии севера Карелии // Вопр. ономастики. 2008б. № 5. С. 49–64.
KKLS – *Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Osa 1–2. Helsinki, 1958.
Mullonen I. Ancient place names of Oboneže in the context of ethnic and linguistic contacts // Topics on the ethnic, linguistic and cultural making of the Russian North. (Slavica Helsingiensia. 32). Helsinki, 2007. P. 163–175.
SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1–6. Helsinki, 1955–1978.
YS – *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. 200). Helsinki, 1989.

* * *

Алексей Львович Шилов – доктор химических наук, ведущий научный сотрудник Института общей и неорганической химии РАН, член Русского географического общества (Москва).

М А Т Е Р И А Л Ы

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2009. № 7

А. И. Назаров

ИМЕННИК СТАРООБРЯДЦЕВ-ПОПОВЦЕВ ЗЕМЛИ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Именник старообрядцев – один из малоисследованных вопросов русской антропонимики. Работы, специально посвященные этой теме, малочисленны. Актуальность изучения личных имен старообрядцев очевидна. «Современные русские литературные, а в большей степени и разговорные формы собственных имен восходят к старым каноническим формам» [Успенский, 1969, *195*]. Эти старые канонические формы до сих пор сохраняются в старообрядческих календарях. Поэтому исследование личных имен старообрядцев важно для изучения истории русских личных имен. Старообрядцы – довольно многочисленная часть русского народа, поэтому картина русской антропонимии будет намного полнее, если больше внимания уделить описанию именников старообрядцев разных регионов. Исследование личных имен староверов непосредственно связано с решением одной из основных задач лингвистики – изучением социальной обусловленности языка, так как те или иные особенности бытования личных имен в среде старообрядцев нередко обусловлены социокультурной специфичностью самих староверов.

Чем объяснить слабую изученность личных имен старообрядцев? Можно указать на две основные причины. Во-первых, относительная молодость русской антропонимики. Как самостоятельное научное направление она развивается с 1960-х гг., поэтому многие вопросы исторической и современной антропонимики еще не успели получить достаточного освещения. Во-вторых, очень труден сбор материала по антропонимии старообрядцев. Так, выявить старообрядческую составляющую из актовых записей о рождении советского и постсоветского периодов представляется невозможным. Необходимы полевые исследования – выезд в регионы проживания староверов и сбор имен на местах. Еще сложнее собирать материал по дореволюционному периоду. Если дореволюционный именник православных довольно легко поддается реконструкции на основе данных метрических книг церк-

© А. И. Назаров, 2009

вей Русской православной церкви, то по старообрядцам аналогичных документов значительно меньше. Некоторые группы старообрядцев вообще отвергали запись в метрики как ересь. Пожалуй, относительно полно старообрядческая антропонимия запечатлена в старообрядческих некрополях, поэтому надписи на могильных крестах и надгробиях старообрядческих кладбищ для изучения личных имен староверов приобретают большое значение. Данным видом источника в числе прочих воспользовалась Е. Ю. Муратова [1994]. Однако время не пощадило не только письменные тексты, но и кладбища. Так, на месте Успенского старообрядческого кладбища в г. Уральске стоят дома. Поэтому нахождение любого ранее неизвестного текста, содержащего обилие личных имен и фамилий старообрядцев, может считаться большой удачей. К числу таких удачных находок относится обнаружение нами в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (далее ЦГАРК) нескольких метрических книг старообрядческой часовни в г. Уральске. Они датируются 1832–1837 и 1841 гг. В поле нашего зрения эти документы попали в начале 1999 г., в период сбора в ЦГАРК материала по русской антропонимии в Казахстане. На их основе и написана настоящая статья. Анализируются данные из метрической книги за 1833 г., частично из книги за 1841 г. [ЦГАРК, ф. 707, оп. 1, д. 299, 297]. Однако сначала несколько слов о старообрядчестве на земле Уральского казачьего войска (далее УКВ), о часовне, ее священниках и прихожанах.

Еще А. Левшин, автор первой специальной работы об уральских казаках, писал: «Относительно к вероисповеданию, казаки россияне суть старообрядцы» [Левшин, 1823, *49*]. Более точную картину религиозной принадлежности уральских казаков русской национальности (были еще казаки-татары, казаки-калмыки и представители некоторых других народов) дал А. Рябинин, пользовавшийся отчетами местного начальства: «Христианского вероисповедания три главных вида: православие, единоверие и раскол. Масса русского населения принадлежит к последним двум видам, православия же держится весьма незначительная часть его, преимущественно из высшего чиновничьего класса. Старообрядцы принадлежат к двум раскольничьим сектам…: к приемлющим священство и не приемлющим священства. Последняя секта по числу своему совершенно ничтожна» [Рябинин, 1866, *332*].

Что касается старообрядческой часовни в г. Уральске, то она (сначала деревянная, затем каменная) существовала чуть ли не с конца XVII в. и была освящена во имя Успения Богородицы [см.: Игнатьев, 1882]. Правда, современный историк и краевед Н. Чесноков [1995] называет другую дату постройки часовни – 1780 г. Священники этой часовни присылались обычно из скитов Керженца, но были и из Стародубья. В начале XIX в. там служили беглые попы Иосиф Высокогорский и Марко Иванов (первый из Казанской епархии, второй из Нижегородской). В метрических книгах 1832–1833 гг. уже фигурируют фамилии других священников: Василий Александров и Алексий Давыдов Соловьев. О первом из них известно, что он прислан из Керженца. В метрической книге за 1841 г. упоминается только священник Василий Александров. Причетником (псаломщиком) в 1841 г. при часовне служил отставной казак Климент Кошечкин. Приход часовни простирался

от Гурьева-городка у устья р. Урал до Сакмарского городка (недалеко от Оренбурга), т. е. охватывал всех старообрядцев-поповцев земли УКВ. Соответственно этому большинство прихожан, как видно из метрических книг, принадлежало к уральскому казачеству. Кроме того, среди отцов нескольких крещаемых встречаются дворовые люди (принадлежали богатым казакам), крестьяне (например, из Владимирской, Ярославской губерний), мещане, а также небольшое число оренбургских казаков, проживавших в приграничных с землей УКВ населенных пунктах Оренбургского казачьего войска (крепость Рассыпная, форпост Буранный). Старообрядческая часовня в г. Уральске просуществовала до начала 1840-х гг. В 1842 г. она была обращена в единоверческую церковь. До наших дней здание церкви не сохранилось.

Перейдем к анализу именника старообрядцев-поповцев земли УКВ первой трети XIX в. Наши конечные цели: выявление состава имен детей из семей старообрядцев, родившихся в 1833 г., определение статистической структуры этого именника, сопоставительные исследования с именниками русских, проживавших в тот же период в других регионах Российской Империи.

В 1833 г. священниками Уральской старообрядческой часовни были крещены 1 267 человек обоего пола – 666 мальчиков и 601 девочка. Мальчики получили 161 имя, девочки – 54 имени. Количественное преобладание активного мужского именника над женским – характерная черта дореволюционного русского именника, которая объясняется прежде всего бóльшим количеством мужских имен по сравнению с женскими в месяцеслове (церковном календаре, святцах), т. е. в источнике, из которого брались имена. Соотношение мужского и женского именников у детей староверов-поповцев земли УКВ в 1833 г. (3 : 1) примерно повторяло соотношение мужских и женских имен в месяцеслове.

Сравнение активного именника старообрядцев за 1833 г. со списком имен в старообрядческом месяцеслове (к сожалению, из-за недоступности календарей за первую треть XIX в. пришлось воспользоваться современным изданием [Старообрядческий церковный календарь]) показывает, что все имена выбирались из святцев. В метрической книге за 1833 г. встречаются как канонические, так и неканонические формы имен. Например, *Автоном*, *Антоний*, *Борис*, *Гавриил*, *Давыд*, *Евфимий*, *Марк*, *Михаил*, *Павел*, *Стефан*, *Фока*; *Анастасия*, *Анисия*, *Дария*, *Ирина*, *Иустина*, *Матрона*, *Парасковия*, *Соломония*, *Татиана* – канонические написания, а *Афтаном*, *Антон*, *Барис*, *Гаврила*, *Давид*, *Ефимий*, *Ефим*, *Марка*, *Михайла*, *Павил*, *Степан*, *Фокий*; *Настасья*, *Анисья*, *Дарья*, *Арина*, *Устина*, *Устиния*, *Матрена*, *Прасковья*, *Саломонида*, *Татьяна* – неканонические написания. Некоторые имена в метрической книге за 1833 г. встретились только в неканонической форме, например мужские имена *Авиналий*, *Анисим*, *Ануфрий*, *Арефий*, *Кирила* (*Кирилла*), женские имена *Алимпиада* (*Елимпияда*), *Улияна* (*Ульяна*), *Улияния* (*Ульяния*). Им соответствуют канонические формы *Увеналий*, *Онисим*, *Онуфрий*, *Арефа*, *Кирил*; *Олимпиада*, *Иулиана*, *Иулиания*.

Среди неканонических написаний находим формы *Николай* и *Никалай*. В старообрядческих месяцесловах это имя встречается только в форме *Никола*, кото-

рая у старообрядцев считается канонической. Данная форма в русских святцах до книжной справы второй половины XVII в. была единственно возможной. В период книжной справы форма *Никола* была заменена формой *Николай* [см.: Успенский, 1969, *15*] (за исключением имени преподобного Николы Святоши, дни памяти которого приходятся на 28 сентября и 14 октября). Последняя была встречена идеологами старообрядчества «в штыки». Так, протопоп Аввакум отреагировал на нее следующими словами: «В немцах немчин был Николай, а при апостолах еретик был Николай, а во святых нет нигде Николая» [см.: Там же]. В метрической книге за 1833 г. формы *Николай* и *Никалай* встречаются 11 раз, форма же *Никола* – всего один. Из этого следует, что в быту использовались по большей части формы *Николай*, *Никалай*. Это свидетельствует, во-первых, о том, что к концу первой трети XIX в. в тех или иных регионах проживания старообрядцев противопоставление формы *Никола* форме *Николай* потеряло актуальность и, во-вторых, о влиянии на именник старообрядцев норм книжного языка. Скорее всего в первой трети XIX в. форма *Николай* воспринималась уже не столько как каноническая православная форма, сколько как общерусская книжная форма. Форма же *Никола* частью староверов в то время уже могла восприниматься как анахронизм. Проводниками новых влияний на именник староверов-поповцев являлись в первую очередь беглые православные священники. Для них форма *Николай* и прочие православные канонические формы имен были ближе, привычнее, чем старообрядческие формы личных имен.

Из научной литературы известно, что в тех или иных местах проживания старообрядцев действовали определенные правила наречения имени. В Польше старообрядческие наставники рекомендовали нарекать имя в восьмой день после рождения ребенка. «Если в восьмой день от рождения ребенка в святцах не было мужского имени, ему давали имя, соответствующее следующему или предыдущему дню. Иначе нарекали младенца женского пола. В этом случае считали, что восьмой день девочке “не принадлежит” и называли ее по дню рождения» [Иванец, 1992, *263*]. Более свободным было наречение имени у старообрядцев Белоруссии. Е. Ю. Муратова, исследовавшая их именник, отметила следующее: «Из сопоставления даты рождения ребенка и дня памяти святого, в честь которого он назван, выясняется, что в течение исследуемых лет не менее 80 % всех новорожденных получали имена святых, поминовение которых происходило в пределах месяца со дня рождения ребенка… В отдельных случаях… отсутствует всякая зависимость между днем рождения ребенка и днем памяти святого, в честь которого он назван» [Муратова, 1994, *57*, *59*].

Как происходило наречение имени в среде старообрядцев-поповцев земли УКВ? В очерке «Уральский казак» (впервые опубликован в 1842 г.) В. И. Даль писал по поводу имен сыновей героя очерка – казака-старовера Маркиана Проклятова – следующее: «Сыновья его получили малоизвестные имена эти (Вакх и Евпл. – *А. Н.*) по заведенному на Урале порядку, родившись за седьмицу до дня празднования церковью памяти сих святых. От этого обычая там не отступают, и Уральское войско представляет в этом отношении полные церковные, дониконовские свят-

цы» [Даль, 1983, *114*]. Это наблюдение сделано в 1830-е гг., когда В. И. Даль служил чиновником особых поручений при оренбургском губернаторе и неоднократно посещал землю УКВ, т. е. в период, к которому относится анализируемый в нашей статье именник. Однако как ни высок авторитет В. И. Даля, не будем полностью брать на веру эти его слова без проведения специального исследования. На земле УКВ проживали старообрядцы разных толков и согласий, внутри каждого из которых традиции наречения имени могли иметь отличия. Поэтому обратимся все же к материалу метрических книг.

В 1830-е гг. в метрических книгах указывалась только дата крещения, поэтому на основании этого вида источника связь между днем рождения, днем крещения и днем памяти святого, в честь которого назван ребенок, для того периода времени проследить невозможно. Метрические книги 1830-х гг. позволяют проследить соответствие/несоответствие месяца крещения ребенка наличию присвоенного имени под числами данного месяца. Так, 55 мальчиков и 47 девочек, крещенных в декабре 1833 г., получили 29 мужских и 14 женских имен. Из них под разными числами декабря встречаются лишь 18 мужских и 5 женских имен. Остальные имена в календаре приходятся на предшествующие месяцы: на ноябрь (*Георгий*, *Ераст*, *Иоакинф*, *Иринарх*, *Ияков*, *Климент*, *Меркурий*, *Платон*, *Феоктист*; *Екатерина*, *Матрона*, *Стефанида*), октябрь (*Ерофей*, *Нестор*; *Капиталина*, *Неонила*, *Парасковия*, *Пелагия*, *Устиния*) и даже на август (*Наталия*). Как видим, по крайней мере, между днем крещения ребенка и днем его ангела строгой связи не было. Более точные сведения о порядке наречения имени у старообрядцев-поповцев земли УКВ можно получить, если обратиться к документу более позднего периода – к метрической книге за 1841 г., в которой наряду с датой крещения указывается и дата рождения ребенка. В качестве примера мы выбрали материалы за июль, на который пришлись рождение и крещение 42 мальчиков и 50 девочек. Мы сравнили даты рождения, крещения детей и памяти святых, в честь которых они названы. Результаты сравнения обобщены в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение дат рождения, крещения новорожденного и памяти святого (июль 1841 г.)

Соотношение даты памяти святого с днем рождения/крещения новорожденного	Пол ребенка		Общее количество новорожденных
	Мужской	Женский	
1. Совпадает с днем рождения	1	1	2
2. Совпадает с днем крещения	3	1	4
3. Приходится на период до рождения	16	21	37
4. Приходится на период после крещения	14	13	27
5. Приходится на период между рождением и крещением	8	14	22

Материалы метрической книги за 1841 г. позволяют также увидеть, в какой по счету день от дня рождения осуществлялось крещение. Соотношение дат рождения и крещения детей в июле 1841 г. показано в табл. 2.

Таблица 2

«Расстояние» между днями рождения и крещения (июль 1841 г.)

Пол ребенка	День крещения по отношению ко дню рождения								
	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й
Мужской	6	2	6	4	6	2	4	5	7
Женский	7	7	8	8	4	6	3	7	–
Всего	13	9	14	12	10	8	7	12	7

Из табл. 2 хорошо видно, что своих детей староверы-поповцы земли УКВ обычно крестили в пределах полумесяца со дня рождения. При этом особых предпочтений каким-то дням не отдавалось, что объясняется прежде всего обстоятельствами, в которые была поставлена исследуемая группа населения. Приход Уральской старообрядческой часовни был обширен – от Каспия до Сакмарского городка под Оренбургом. На весь приход было два священника (а в 1841 г. один), которые разъезжали по казачьим селениям и справляли требы. Дождаться священника точно в желаемый для крещения день было почти невозможно. Мы не сомневаемся, что вследствие незначительной временнóй разницы, традиции имянаречения в исследуемой группе староверов в 1833 г. едва ли заметно отличались от традиций имянаречения в 1841 г. Таким образом, на исходе первой трети XIX в. (и позже) у старообрядцев-поповцев земли УКВ каких-то особо строгих правил наречения именем не было. Требовалось лишь то, чтобы имя выбиралось из месяцеслова (в анализируемом именнике нет ни одного имени, которого не было бы в святцах). Многие дети названы именами, встречающимися в святцах под числами того же месяца, когда осуществлялось таинство крещения, но этого придерживались не всегда (ср. отмеченные выше факты наречения в декабре именами, стоящими в календаре под числами октября и даже августа). Следовательно, приведенное наблюдение В. И. Даля едва ли можно распространить на всех староверов земли УКВ.

Важным аспектом исследования именника является анализ его статистической организации (структуры). При этом обычно выделяются группы имен разной степени употребительности (частые имена, редкие имена, первая пятерка имен, первая десятка имен и т. д.), выявляется удельный вес (обычно по числу носителей имен) каждой из этих групп. Для выявления частых и редких имен антропонимисты обычно используют формулу, предложенную В. Д. Бондалетовым. Деление числа новорожденных на количество имен, полученных ими, дает средний коэффициент одноименности (СКО), который и является «водоразделом» между частыми и редкими именами: если частота имени равна СКО или выше его, то это частое имя, если ниже – редкое [см.: Бондалетов, 1983, *80*]. В исследуемом именнике

старообрядцев-поповцев земли УКВ за 1833 г. СКО мужской части именника составил 4,1, женской – 11,1. В соответствии с этим в группу частых мужских имен в 1833 г. входили имена с частотой 5 и выше, в группу частых женских имен – с частотой 12 и выше: *Александр*, *Алексий*, *Василий*, *Григорий*; *Агафия*, *Александра*, *Анна* и т. д. (всего 38 мужских и 19 женских имен; их полный перечень приводится в конце статьи). Частыми мужскими именами названы 412 мальчиков (61,9 % лиц мужского пола), частыми женскими – 482 девочки (80,2 % лиц женского пола). Как видим, степень концентрации женской части именника, выражающаяся в соотношении количества новорожденных и числа их имен, в удельном весе частых имен, заметно выше степени концентрации мужской части именника.

В группе частых имен выделяется ее наиболее «весомая» часть – имена, занимающие верхние частотные позиции. Обычно выделяют первую пятерку или первую десятку имен. В табл. 3 приведены первые десять частотных рангов в именнике новорожденных староверов-поповцев земли УКВ в 1833 г.

Таблица 3

Наиболее частотные имена новорожденных староверов-поповцев земли УКВ (1833 г.)

Мужские имена	Частотность	Женские имена	Частотность
Иоанн (и варианты)	64	*Евдокия* (и варианты)	50
Никита	19	*Матрона* (*Матрена*)	48
Петр	18	*Анна*	44
Василий	17	*Мария* (*Марья*)	38
Георгий (и варианты)	15	*Ирина* (*Арина*)	31
Стефан (*Степан*)	15	*Екатерина*	27
Гавриил (*Гаврила*)	13	*Феодосия*	26
Григорий	13	*Александра*	25
Михаил (*Михайла*)	13	*Пелагия* (*Пелагея*)	23
Тимофей (и варианты)	13	*Васса*	22
Ияков (*Яков*)	12	*Прасковия* (и варианты)	22
Николай (и варианты)	12		
Павел (*Павил*)	12		
Феодор	12		
Евфимий (и варианты)	10		
Алексий	9		
Андрей	9		
Иосиф	9		
Александр	8		
Кирила (*Кирилла*)	8		
Константин (и варианты)	8		
Симеон (*Семеон*)	8		
Всего	325	Всего	356

Выскажем несколько соображений о причинах различий в частотности имен. Может быть, частота встречаемости имени при крещении зависела от частоты его встречаемости в месяцеслове? Самое частое мужское имя 1833 г. – *Иоанн* (вместе с вариантами) – в календаре встречается более 50 раз в году (чаще других). Имя *Никита* в календаре фигурирует 8 раз, *Петр* – 26, *Василий* – 14, *Георгий* – 14, *Гавриил* – 5, *Григорий* – 15, *Михаил* – 11, *Тимофей* – 9. Самое частое женское имя 1833 г. – *Евдокия* (вместе с вариантами) – в святцах встречается 3 раза, *Матрона* – 6 раз, *Анна* – 7, *Мария* – 9, *Ирина* – 5. Как видим, соответствие частоты встречаемости имени в календаре частоте употребления имени при наречении младенцев характерно только для имени *Иоанн* (вместе с вариантами). Некоторые редкие имена 1833 г. в святцах фигурируют чаще, чем те или иные частые имена того же года (например, *Дионисий*, *Евгений*, *Евстафий*, *Лука*; *Клавдия*, *Неонила*, *Пулхерия*, *София*). Таким образом, строгой зависимости между степенью употребительности имен и частотой их встречаемости в месяцеслове в 1833 г. не было. Аналогичный вывод на материале имен старообрядцев Белоруссии делает и Е. Ю. Муратова: «В старообрядческой среде выбор имени… в определенной степени определялся его частотностью в церковном календаре… С другой стороны, к группе устойчивых мужских имен относятся, например, Владимир и Савелий, встречающиеся в старообрядческом календаре только один раз в году, популярность женского имени Екатерина определяется также явно не святцами, поскольку св. Екатерина чествуется старообрядческой церковью только один раз в году и т. п.» [Муратова, 1994, *49–50*]. Как видим, при анализе употребительности личных имен, даваемых при крещении, не следует придавать слишком большое значение частотам их встречаемости в святцах. Эти частоты лишь предоставляют именам шанс либо занять определенное место в той или иной частотной группе, либо вообще войти в именник активного употребления. Конкретное место имени в частотном списке реального именника в конечном счете зависит от действия других, более существенных факторов.

Думается, истоки популярности имен следует искать прежде всего в их лингвистических характеристиках, в степени связи с другими именами, в том, какое место в религиозном сознании людей занимают стоящие за ними образы святых, в ассоциированности с историей народа, государства.

Немалую роль уже в первой трети XIX в. играли лингвистические связи имен в пределах именника, имен с фамилиями. Нередко ребенку стремились дать имя, формально или понятийно связанное (ассоциированное) с именами ближайших родственников (отца, матери, братьев, сестер, дедушек, бабушек и др.) и/или с фамилией. Так, имя *Степан* связано с именем отца *Павел* сегментом *па*, у имени *Анисия* с именем отца *Данила* общий сегмент *ани*, имя *Ксения* с именем отца *Алексий* ассоциировано общим сегментом *кс*, в имени сына *Маркел* и имени отца *Павел* повторяется сегмент *ел.* Фонетическое созвучие нередко наблюдается и между именем и фамилией именуемого: *Кирила Мартышкин*, *Николай Соколов*, *Матрона Митрюкова*, *Матрона Махорина* и т. д. Все эти примеры взяты из метрической книги старообрядческой часовни г. Уральска за 1833 г. Для некото-

рых имен фонетическая связь с именами родных, с фамилией весьма характерна. Таковым в 1833 г. являлось, например, мужское имя *Никита*. Оно было ассоциировано с именем отца или с фамилией в 10 случаях из 19: с фамилиями *Неусыпов*, *Буренин*, *Солодовников* (дважды), *Шапошников* (дважды), *Калашников*, *Чистоблинников*, *Краснорылкин*, с именем отца *Тит*. Думается, высокая степень ассоциированности характерна прежде всего для имен, ставших популярными недавно, или для имен на «подъеме» своей популярности. Рост употребительности того или иного имени может вызвать (и вызывает) рост употребительности имен, связанных с ним формально или понятийно и, наоборот, снижение популярности того или иного имени способно отразиться на употребительности связанных с ним имен.

Одна из важнейших задач изучения того или иного именника – определение его места в системе общенационального именника. Без проведения сопоставительных исследований это осуществить невозможно. В процессе сопоставления становятся заметными характерные черты анализируемого именника, отличающие его от других. Когда речь идет об именнике старообрядцев, актуальным является сопоставление с именником православных-никониан, составлявших большинство российского общества. Много внимания такому сравнению уделила в своей работе Е. Ю. Муратова. В результате она делает следующие выводы. 1. «В конце XIX в. именник старообрядцев характеризуется обилием особо редких имен, почти не употреблявшихся в России в тот же период. Особенно заметно эта обособленность проявляется в составе мужских имен». 2. «Анализ самых популярных мужских и женских имен в общине в этот период показывает, что в целом они соотносились с популярными именами в России в конце XIX в.» [Муратова, 1994, *46*, *34*]. Однако истинность этих выводов (особенно первого) вызывает сомнения. В исследовании Е. Ю. Муратовой в качестве материала для сопоставления используются только данные Л. М. Щетинина по антропонимии Области Войска Донского, хотя известно, что на Дону также проживало много староверов. К тому же, Л. М. Щетинин не приводит имена с частотностью выше определенного порога (частотности «особо редких имен» староверов Белоруссии как раз могли не «дотягивать» до этого порога). Следует также заметить, что ко времени написания диссертации Е. Ю. Муратовой уже существовали завершенные исследования по русскому именнику Пензы, Москвы, Одессы, Измаильщины, русских сел юга Украины, Череповца [см.: Бондалетов, 1970; Шайкевич, 1970; Бахвалова, 1977; Карпенко, 1981; Зайчикова, 1986; Жмурко, 1987]. Даже поверхностное сравнение фактического материала этих работ с фактическим материалом диссертации Е. Ю. Муратовой показывает, что многие имена, дававшиеся старообрядцами Белоруссии своим детям в конце XIX – начале XX в., использовались для наречения новорожденных и в других регионах Российской Империи.

Осуществить сопоставление именника староверов земли УКВ первой трети XIX в. с русским именником других регионов труднее, так как этот период истории русских личных имен в научной литературе освещен слабо. Известно исследование именника Пензы под руководством В. Д. Бондалетова, охватывающее и первую треть XIX в., однако полный список имен, дававшихся детям в этот период,

не опубликован. Обширный материал для сравнения содержится в книге Л. М. Щетинина об антропонимии Области Войска Донского [Щетинин, 1978], охватывающей также период 1828–1849 гг. Однако, как мы отметили, он не является исчерпывающим, поскольку в работу не включен ряд имен, частотность которых ниже 0,03 %. Следует считаться и с тем, что в статистический справочник имен Л. М. Щетинин мог включить и имена старообрядцев, которых, как уже отмечалось, на Дону было немало. Кроме того, имеются особенности в подаче фактического материала. Л. М. Щетинин показывает частотность каждого варианта имени. Сведения об употребительности имен выражены в процентах, соответствующих встречаемости имени у тысячи носителей. Мы же в своей работе частоты вариантов объединяем, а сами частоты показываем либо в абсолютных числах, либо в процентах от объема выборки. Все это способно снизить точность результатов сопоставления. И все же, если наложить список имен детей староверов-поповцев земли УКВ, родившихся в 1833 г., на список имен новорожденных Области Войска Донского 1828–1849 гг., то обнаружится довольно большое сходство составов обоих списков. Из 161 мужских имен детей старообрядцев-поповцев земли УКВ в списке имен детей, родившихся в Области Войска Донского, встречается 141 имя. Соответственно специфичными для земли УКВ являются всего 20 мужских имен. Многие из этих 20 имен были единичными, т. е. не совсем типичными (*Авиналий*, *Акипсим*, *Ассон*, *Иерон*, *Иоасаф*, *Иринарх*, *Кир*, *Лупп*, *Мануил*, *Савин*, *Серапион*, *Феогний*). Другие специфичные имена детей уральских староверов-поповцев периода 1833 г. употреблялись несколько чаще – от 2 до 4 раз в течение года (*Евпсихий*, *Ераст, Иов*, *Маркиан*, *Мин* (*Мина*), *Никон*, *Патрикий* (вместе с вариантами), *Стахий*). Таким образом, все специфические имена детей староверов-поповцев земли УКВ по сравнению с именами новорожденных Области Войска Донского входили в группу редких имен, не определяющих «лицо» именника. Сравнение же списков женских имен показало еще большее сходство: в именнике детей Области Войска Донского периода 1828–1849 гг. не обнаружено только имя *Сигклитикия*, встретившееся в именнике детей уральских староверов-поповцев 1833 г. дважды.

Теперь сравним имена, занимающие в обоих списках десять наиболее частотных позиций. После объединения частот вариантов имен группа наиболее употребительных имен детей Области Войска Донского в 1828–1849 гг. выглядит следующим образом: мужские имена *Иван* (*Иоанн*), *Степан* (*Стефан*), *Василий*, *Федор*, *Петр*, *Георгий* (*Егор*), *Алексей*, *Михаил*, *Яков* (*Иаков*), *Андрей*, *Григорий*, *Александр*, *Павел*; женские имена *Мария* (*Марья*), *Анна*, *Анастасия* (*Настасья*), *Евдокия* (*Авдотья*), *Параскева* (*Прасковья*), *Екатерина*, *Марфа*, *Елена*, *Стефанида* (*Степанида*), *Гликерия* (*Лукерья*), *Татьяна*. Все перечисленные мужские имена в 1833 г. входили и в группу наиболее частых мужских имен детей староверов-поповцев земли УКВ, правда, последовательность их расположения была иной. Однако и тут и там список возглавляло имя *Иван* (*Иоанн*). На Урале список мужских имен, занимавших первые десять частотных рангов, из-за равномерного употребления целого ряда имен был шире, чем на Дону. В него входили также имена *Никита*, *Гавриил* (*Гаврила*), *Тимофей* (вместе с варианта-

ми), *Евфимий* (с вариантами), *Иосиф*, *Кирила* (*Кирилла*), *Константин* (с вариантами), *Семеон* (*Симеон*). На Дону популярность этих имен в 1828–1849 гг. была ниже. Списки наиболее частых женских имен детей уральских старообрядцев-поповцев и детей Области Войска Донского обнаруживают меньше сходств. Совпадают лишь имена *Мария*, *Анна*, *Анастасия*, *Евдокия*, *Параскева* (*Прасковия*). Только на Дону в группу наиболее частых входили имена *Марфа*, *Елена*, *Стефанида* (*Степанида*), *Гликерия* (*Лукерья*), *Татьяна*. Только на Урале среди наиболее частых встретились имена *Матрона* (*Матрена*), *Ирина* (*Арина*), *Феодосия*, *Александра*, *Пелагия* (*Пелагея*), *Васса*.

И тут и там количество мужских имен больше, чем женских. Именник активного употребления на Дону был шире, чем на Урале, однако и объем выборки по Области Войска Донского больше. Список имен детей Области Войска Донского характеризует именник двух десятилетий (1828–1849 гг.), список имен детей староверов-поповцев земли УКВ – только один год (1833 г.). Поэтому говорить о «бедности» именника активного употребления уральских старообрядцев-поповцев в данном случае некорректно. Именник детей, родившихся в течение одного года, и именник детей, родившихся в течение десяти, двадцати и т. д. лет, являются разнопорядковыми объектами. Хотя изменения в активном именнике происходят постоянно, именник детей одного года рождения условно можно считать статичным. Именник же новорожденных в течение десяти, двадцати и более лет отражает изменения в использовании фонда имен, происходившие за соответствующий период. Прежде всего это отражается на объеме именника: годовой набор имен, безусловно, у́же набора имен двух и более десятков лет. Разнопорядковыми являются также именник одного населенного пункта (города, села) и именник региона (группы городов, сел). Последний является усредненной суммой, сглаживающей географические и социальные различия. Поэтому желательно сравнивать однопорядковые именники – бытовавшие в одинаковых хронологических рамках, в сходных территориальных границах.

В фондах ЦГА РК нам удалось разыскать богатую коллекцию метрических книг по г. Петропавловску (север Казахстана), в том числе и по 1830-м гг. К сожалению, по тому периоду сохранились книги лишь одного из двух церковных приходов города (оба православные), однако и в них достаточно сведений, позволяющих охарактеризовать именник православных Петропавловска тех лет и получить материал для сравнения с именником старообрядцев-поповцев земли УКВ. По Петропавловску мы выбрали именник детей 1832 и 1833 гг. рождения (взяты два года, чтобы приблизить объем выборки к объему выборки по именнику уральских староверов). С точки зрения хронологических рамок именники детей старообрядцев земли УКВ и детей православных Петропавловска являются, таким образом, однопорядковыми множествами. Правда, территория бытования этих именников кажется несопоставимой: в одном случае – вся земля УКВ, в другом – небольшой город. Однако в обоих случаях родители детей принадлежали одному приходу, т. е. находились «во власти» антропонимических пристрастий, вкусов ограниченного числа людей – священников соответствующих приходов (в каждом из них было по два

священника). Следовательно, и с этой точки зрения оба именника могут считаться однопорядковыми, поэтому их сопоставительный анализ корректен.

В приходе Покровской церкви Петропавловска в 1832–1833 гг. крестили 593 мальчика и 583 девочки. Первые получили 180 имен, вторые – 90 имен. Как видим, ассортимент имен, несмотря на меньшее число новорожденных, в Петропавловске был шире, чем у детей староверов-поповцев земли УКВ (соответственно 161 и 54). Сходной чертой является преобладание числа мужских имен над числом женских имен. Совпадающих мужских имен сравниваемых именников – 112, женских – 48, т. е. 69,6 % мужских и 88,9 % женских имен детей староверов-поповцев земли УКВ употреблялись и в среде православных Петропавловска. Сходства в именовании станут еще заметнее, если подсчитать, сколько человек названо этими общими именами: у старообрядцев-поповцев земли УКВ 83,2 % мальчиков и 97,8 % девочек. Теперь сравним статистическую структуру двух именников, основные показатели которых приведены в табл. 4.

Таблица 4

Основные статистические показатели именников староверов-поповцев УКВ (1833) и православных Петропавловска (1832–1833 гг.)

	Имена			
	Мужские		Женские	
	УКВ	Петропавловск	УКВ	Петропавловск
1. Количество частотных имен и их удельный вес (%)	38 (23,6)	40 (22,2)	19 (35,2)	31 (34,4)
2. Количество носителей частотных имен и их удельный вес (%)	412 (61,9)	381 (64,3)	482 (80,2)	420 (72)
3. Количество носителей имен, занимающих 10 наиболее частотных рангов и их удельный вес (%)	325 (48,8)	235 (39,6)	356 (59,2)	246 (42,2)

Из таблицы видно, что именники детей старообрядцев-поповцев земли УКВ и православных Петропавловска статистически организованы сходным образом. При этом больше сходств обнаруживается между мужскими частями именников. В обоих случаях концентрация женской части именника была выше, чем мужской. У православных удельный вес носителей частых мужских имен несколько выше, чем частых женских имен. У староверов-поповцев земли УКВ все было наоборот. Процент носителей имен, занимающих десять наиболее частотных позиций, у православных Петропавловска был ниже. Это свидетельствует о том, что имена, входившие в группу частых, в среде православных использовались равномернее, чем в среде старообрядцев-поповцев земли УКВ. У детей, родившихся в Петропавловске, десять наиболее частотных рангов занимали следующие имена (в порядке убывания): мужские – *Иоанн*, *Петр*, *Ияков*, *Николай*, *Димитрий*, *Михаил*, *Василий*, *Алексей*, *Симеон*, *Георгий*, *Стефан*, *Павел*, *Феодор*; женские – *Анна*, *Ма-*

рия, *Параскева*, *Евдокия*, *Марфа*, *Татиана*, *Александра*, *Екатерина*, *Феодосия*, *Дария*, *Ирина*, *Ольга*. Из этого списка только имена *Димитрий*, *Марфа*, *Татиана*, *Дария* и *Ольга* не входили в первую «десятку» имен детей старообрядцев-поповцев земли УКВ. В то же время в наиболее частотную группу имен детей староверов входили имена *Никита*, *Гавриил*, *Григорий*, *Тимофей*, *Евфимий*, *Андрей*, *Иосиф*, *Константин*, *Александр*, *Даниил*; *Матрона*, популярность которых в среде православных Петропавловска была ниже, а имя *Кирила* (*Кирилла*) для наречения детей в Петропавловске в 1832–1833 гг. вовсе не употреблялось.

Для сопоставительных исследований антропонимистами разработан так называемый «метод расстояний». Его описание и алгоритмы использования можно найти в работах В. А. Никонова [1974, *50–52*] и В. Д. Бондалетова [1983, *74–78*]. Применив данный метод, мы выяснили, что степень различий («расстояние») между именниками активного употребления старообрядцев-поповцев земли УКВ и православных Петропавловска в начале 1830-х гг. составляла 38,3 % для мужской части именника и 33,9 % для женской. Сравниваемые именники совпадали на 61,7 % и 66,1 % соответственно. Приведя эти числа, мы вынуждены пока ограничиться лишь констатацией фактов. Оценку результатам выявления «расстояний» между сравниваемыми именниками мы пока дать не можем, так как эти результаты пока не с чем сравнивать. Различались ли в 1830-е гг. все локальные именники, разделенные значительными расстояниями, сходным образом или же такая степень различий характерна только для именников старообрядцев и православных? Ответ на этот вопрос можно будет получить после выявления «расстояния» между именником староверов-поповцев земли УКВ и именниками православных других регионов России, между именниками старообрядцев разных местностей, между именниками православных Петропавловска и других городов Российской Империи. При этом необходимо сравнивать только именники новорожденных одного периода (в 1832–1833 гг. или в ближайшие предшествующие или последующие годы). Надеемся, что прилагаемые к данной статье списки имен детей староверов-поповцев земли УКВ и православных Петропавловска явятся стимулом к проведению сопоставительных исследований именников учеными, располагающими необходимым фактическим материалом.

Обращает на себя внимание форма записи имен в метрических книгах старообрядцев-поповцев земли УКВ и православных Петропавловска. В метрических книгах старообрядческой часовни Уральска многие имена записаны в нескольких формах – как в канонической (соответствующей написанию имени в месяцеслове), так и в неканонических (разговорных). В целом формы имен в метриках староверов более близки их употреблению в живой речи, чем в метриках православных Петропавловска, в которых неканонические написания имен редки. Однако высокая степень соответствия форм имен в метрических книгах их формам в месяцесловах, по-видимому, не была типична для православных приходов того времени. В. Д. Бондалетов, исследовавший именник пензенцев, отметил разнобой в регистрации имен: «Многие из них как равноправные записываются и в церковно-канонической, и в народно-разговорной формах» [Бондалетов, 1983, *119*]. Ду-

мается, что преобладание в метрических книгах церкви Петропавловска канонических форм имен объясняется прежде всего тем, что служившие там в те годы священники – Лаврентьев и Петухов – просто ревностно соблюдали предписания церковных властей относительно порядка записи имен в метрические книги, т. е., говоря современным канцелярским языком, они обладали высокой исполнительской дисциплиной.

В очерке «Уральский казак» В. И. Даль писал: «Спросите любого уральского казака, как его зовут, и вы редко услышите употребляемое между нами имя» [Даль, 1983, *114*]. Приведенные нами данные о составе имен новорожденных из семей старообрядцев-поповцев земли УКВ, результаты сравнения с именниками Области Войска Донского и Петропавловска показывают, что это не так. Сходств обнаружено больше, чем различий. При этом последние обычно проявляются в степени употребительности совпадающих имен. Может быть, наблюдение В. И. Даля справедливо для лиц старшего поколения, с которыми он общался во время своих поездок по земле УКВ в качестве чиновника особых поручений при оренбургском губернаторе в 1830-е гг.?

Обратимся к составу имен отцов младенцев 1833 г. рождения. Сверх уже известного списка имен новорожденных у отцов встретились имена *Анурий*, *Анфим*, *Арсений*, *Варлаам* (*Варлам*), *Внифантий*, *Димид* (из *Диомид*), *Диян* (из *Дий*), *Евлинпий* (из *Евлампий*), *Евпл* (из *Еупл*), *Евсегний*, *Елевферий*, *Елистрат* (из *Калистрат*), *Зиновий*, *Ион* (из *Иона*), *Исаий* (из *Исаия*), *Калина* (из *Каллиник*), *Кириак*, *Логин*, *Мартемьян* (из *Мартининан*), *Михей*, *Назар* (из *Назарий*), *Пахомий*, *Петерим* (из *Питирим*), *Саватий*, *Сазонт* (из *Созонт*), *Сампсон*, *Севастиан*, *Сивирин* (из *Северин* или *Севериан*), *Трефилий* (из *Трифилий*), *Федул* (*Феодул*), *Филат* (из *Феофилакт*), *Харлампий*, *Хрисанф*. Из этих 33 имен в именнике православных Петропавловска 1832–1833 гг. не обнаружены только 14 (*Анурий*, *Анфим*, *Дий*, *Евпл*, *Елевферий*, *Кириак*, *Логин*, *Мартиниан*, *Севастиан*, *Северин*, *Трифилий*, *Феодул*, *Харлампий*, *Хрисанф*). Так что состав имен и мужчин возрастной группы 20–40 лет, принадлежавших общине староверов-поповцев земли УКВ, примерно на 70 % повторял состав имен, бытовавших в среде православных, живших за пределами земли УКВ.

Может, наш объем выборки – имена 1 267 отцов (у нескольких человек имена в метриках не записаны) – недостаточно велик и показывает случайный, нехарактерный набор имен? По мнению специалистов, такая выборка вполне достаточна. «…По наблюдениям А. В. Сусловой, любая антропонимическая выборка, содержащая тысячу имен (подразумевается тысяча носителей имен. – *А. Н.*), оказывается достаточной для выявления ономастического “спектра”, т. е. процентного соотношения именных типов, имеющих определенные суффиксы, частотных и раритетных имен и т. д. Следующая тысяча дает такую же картину» [Теория и методика ономастических исследований, 1986, *210*]. Может быть наблюдение В. И. Даля справедливо для уральских казаков, являвшихся старообрядцами-беспоповцами или единоверцами? Однако В. И. Даль писал: «Спросите любого (разрядка наша. – *А. Н.*) уральского казака…». Уральские казаки из староверов-поповцев, старове-

ров-беспоповцев и единоверцев обычно проживали в одних и тех же населенных пунктах, общались между собой, совместно участвовали в одних и тех же военных походах, в рыбной ловле, составлявшей основу их хозяйственной деятельности. Иной раз староверы разных толков, староверы и единоверцы заключали между собой браки. Так что между казаками, являвшимися старообрядцами-поповцами, старообрядцами-беспоповцами и единоверцами, не существовало какой-то глухой стены, поэтому и в употреблении личных имен в среде староверов разных толков и единоверцев едва ли существовали заметные различия.

Как видим, свидетельства современников об именах бывают не всегда точными. Думается, это происходит из-за того, что в памяти многих людей более четко, рельефно запечатлеваются редкие, непривычные имена, которые они склонны выдавать за характерные особенности именника. Конечно, у старообрядцев казачьего Урала встречались имена, употреблявшиеся за пределами земли УКВ редко или не употреблявшиеся вообще. Одно из них – мужское имя *Калентий*, встретившееся нам у нескольких человек. Этого имени православные для наречения детей не использовали, так как в свое время оно было исключено из православных месяцесловов. В календаре же староверов-беспоповцев оно сохраняется до сих пор в канонической форме *Калентин*. Среди уральских казаков было немало носителей фамилии *Калентьев*, в основе которой лежит специфическое старообрядческое имя *Калентий*. Однако последнее по числу носителей на земле УКВ отнюдь не являлось фаворитом, а было довольно редким. Такими же редкими или относительно редкими у старообрядцев были и многие другие личные имена, не употреблявшиеся или редко употреблявшиеся православными других регионов, например *Трифилий*. Это одно из тех имен, на которые матушка героя гоголевской «Шинели» отреагировала фразой: «Какие все имена, я, право, не слыхивала таких». Однако немало раритетов с точки зрения обывателя первой половины XIX в. бытовало и в среде православных-никониан. Чего стоят имена *Авив*, *Акил*, *Далмат*, *Пармен*, *Филитер*, *Фекуса*, *Христодула* у новорожденных 1832–1833 гг. Петропавловска! Однако каждое из них в Петропавловске давалось единично и все они едва ли могут быть выданы за типичные особенности именника города того времени.

Таким образом, по своему составу именник новорожденных из семей старообрядцев-поповцев земли УКВ 1833 г., а также именник их отцов не обнаруживает принципиальных отличий от именников Области Войска Донского и Петропавловска того же периода времени. Специфичные для старообрядцев имена в основном низкочастотны. Различия наблюдаются в основном в несовпадении степени употребительности имен общего фонда, т. е. обусловлены различным восприятием одних и тех же имен жителями разных регионов. Именник староверов-поповцев земли УКВ не был в стороне от общерусских процессов имянаречения, испытывал влияния извне. Однако географическая отдаленность от центра России могла оказывать влияние как на темпы, так и на направление развития в употреблении тех или иных имен.

Перечни имен с указанием количества их носителей (в абсолютных числах)

Мужские имена староверов Уральского казачьего войска 1833 г. крещения (161 имя, 666 носителей имен)

Аввакум (3), Авдей/Авдий (3), Аверкий (2), Авиналий (1), Авраамий/Аврамий (3), Автоном/Афтаном (2), Агапий (2), Агафон (2), Акипсим (1), Александр (8), Алексий (9), Ананий (1), Андрей (9), Андроник (1), Анисим (1), Антип (4), Антоний/Антон (5), Ануфрий (1), Арефий (1), Аристарх (1), Артамон (1), Артемий (4), Ассон (1), Афанасий/Афонасей/Афонасий (5), Борис/Барис (4), Вавила (1), Варфоломей/Варфаламей (5), Василий (17), Викул (2), Винидкт (!) /Воденикт (2), Владимир (1), Гавриил/Гаврила (13), Георгий/Георгей/Егорий (15), Герасим (2), Григорий (13), Гурий (1), Давыд/Давид (2), Даниил (3), Дарофий/Дарафей (4), Димитрий/Демитрий (4), Дионисий (1), Евгений (1), Евдоким (3), Евпсихий (3), Евсевий (2), Евстафий (1), Евстратий (1), Евтихий/Евстихий (2), Евфимий/Ефимий/Ефим (10), Елисей (1), Емелиян/Емилиан (2), Епифан (1), Ераст (2), Еримей (1), Ермил (1), Ермолай (3), Ерофей (1), Ефрем (2), Захарий (1), Зот (1), Игнатий (4), Иларион/Ларион (5), Илия (3), Иоаким (3), Иоанн/Иоан/Иван (64), Иерон (1), Иоасаф (1), Иов (2), Иосиф (9), Ипатий (4), Иринарх (1), Иродион/Родион/Радион (5), Исаак/Исакий (2), Ияков/Яков (12), Карп (7), Киприан/Киприян (3), Кир (1), Кирила/Кирилла (8), Клементий/Климент/Климонт/Климант (5), Козма (7), Кондрат (3), Конон (2), Константин/Констянкин/Костянкин/Костантин (8), Корнилий/Карнилий (2), Лавреньтий (!) (2), Лазарь (2), Леонтий/Леоньтей/Левонтей (6), Лука (1), Лукиан (3), Лупп (1), Макарий/Макар (4), Максим (7), Мануил (1), Марк/Марка (3), Маркел (6), Маркиан/Маркиян (2), Матфей/Матвей (7), Мелетий (2), Меркурий (2), Мефодий (4), Мина/Мин (3), Мирон (1), Митрофан (3), Михаил/Михайла (13), Моисей/Мойсей (4), Мокий (1), Наум (4), Нестор (1), Никита (19), Никифор (3), Николай/Никалай/Никола (12), Никон (2), Павел/Павил (12), Памфил (1), Парфений/Парфен (2), Патрикий/Потрикий/Потрекей (4), Петр (18), Пимон (1), Платон (4), Поликарп (2), Порамон (1), Порфирий/Парфирий (2), Потапий/Патапий (3), Прокопий/Пракофий (4), Прохор (1), Роман (1), Сава/Савва (4), Савелий (4), Савин (1), Самуил (1), Серапион (1), Сидор (2), Силивестр (1), Симеон/Семеон (8), Сергий/Сергей/Сиргей (7), Спиридон (2), Стахий (3), Стефан/Степан (15), Терентий (1), Тимофей/Тимофий/Темофей (13), Тит (3), Тихон (2), Трифон (1), Трофим (4), Устим (2), Фадей (1), Феогний (1), Феодор (12), Феодосий (2), Феодот (7), Феоктист (4), Феофан (3), Ферапонт (1), Филимон (5), Филип/Филипп (6), Фирс (2), Фока/Фокий (3), Фома (1), Фотий (1), Фрол (2), Харитон (3).

Женские имена староверов Уральского казачьего войска 1833 г. крещения (54 имени, 601 носитель имен)

Агафия (12), Агрипина (15), Акилина (13), Александра (25), Алимпиада/Елимпияда (2), Анастасия/Настасия/Настасья (11), Анисия/Анисья (5), Анна (44), Аполинария (1), Варвара (12), Васса (22), Вера (3), Гликерия/Глекерия (10), Дария/

Дарья (16), Домна (1), Домника/Дамника (2), Евгения (2), Евдокия/Евдакия/Евдокея (50), Евфимия/Ефимия (8), Евфрния/Евфросинья/Ефрасиния (3), Екатерина (27), Елена/Гелена (18), Елисавета/Елесавета (4), Зинаида (1), Ирина/Арина (31), Иустина/Устина/Устиния (4), Калерия (1), Капитолина/Каптелина (3), Клавдия (1), Ксения (15), Любовь (1), Мавра (6), Марина (3), Мария/Марья (38), Марфа (8), Матрона/Матрена (48), Наталия (7), Неонила (1), Олга (!) (2), Павлина (6), Парасковия/Паросковия/Прасковия/Прасковья (22), Пелагия/Пелагея (23), Пулхерия (!) (1), Сигклитикия (2), Саломонида/Соломония (3), София (1), Стефанида (7), Татиана/Татьяна/Татияна (10), Улита (2), Улияна/Ульяна (2), Улияния/Ульяния (5), Феврония (1), Фекла (14), Феодосия (26).

Мужские имена православных Петропавловска 1832–1833 гг. крещения (180 имен, 593 носителя)

Аввакум (1), Авдий (1), Аверкий (2), Авив (1), Аврамий (5), Адриан/Андриан (2), Акил (1), Александр (6), Алексей (16), Ананий (1), Андрей (8), Андроник (1), Аникита (1), Антоний (4), Ардалион (1), Арефа (1), Аристарх (1), Арсений (1), Артемий (1), Артемон (1), Архипп (1), Афанасий (6), Афиноген (3), Борис (1), Вавила (1), Валериан (1), Варлаам (3), Василий (17), Венедикт (1), Виктор (1), Виссарион (1), Владимир (4), Власий (1), Вонифатий (1), Вукол (1), Гавриил (7), Галактион (2), Георгий (14), Герасим (1), Герман (1), Глеб (1), Гордий (2), Григорий (8), Гурий (1), Давид/Давыд (2), Далмат (1), Даниил (3), Димитрий (18), Диомид (3), Дионисий (2), Дометий (3), Дорофей (2), Евгений (3), Евграф (4), Евдоким (2), Евлампий (1), Евмений (2), Евсигний (1), Евстафий (1), Евстратий (1), Евтропий (1), Евфимий (7), Елиссей (!) (1), Емелиан (!) (2), Ераст (1), Ермоген (1), Ермолай (1), Ефрем (1), Захарий (2), Зиновий (1), Зотик (1), Иакинф (1), Иаков (22), Игнатий (1), Иларий (1), Иларион (2), Илия (9), Иоаким (3), Иоанн (32), Иоанникий (1), Иона (3), Иосиф (4), Ипатий (1), Исаия (2), Исакий (1), Исидор (7), Иуда (3), Иулиан (2), Иустин (1), Каллиник (2), Каллистрат (1), Капитон (2), Карп (4), Кассиан (2), Киприан (3), Кир (1), Кирик (1), Клеоник (1), Кодрат (5), Козма (4), Конон (3), Константин (4), Корнилий (1), Ксенофонт (1), Лавр (3), Лаврентий (2), Лев (4), Леонтий (3), Лука (3), Лукиан (1), Макарий (3), Максим (3), Маркелл (1), Марко (1), Мартин (1), Матфей/Матфий (8), Мефодий (1), Мирон (1), Михаил (18), Михей/Миххей (3), Моисей (5), Назарий (3), Нестор (1), Никандр (2), Никанор (1), Никита (5), Никифор (6), Николай (21), Никон (2), Нил (2), Олимп (1), Онисим (1), Онисифор (1), Павел (12), Павлин (1), Памфил (1), Панкратий (1), Пантелеимон (1), Прамен (1), Парфений (1), Пафнутий (1), Пахомий (2), Петр (24), Пимен (1), Платон (1), Порфирий (1), Потапий (1), Прокопий (5), Прохор (1), Пуд (2), Разумник (1), Роман (3), Савва (4), Савин (1), Сампсон (2), Самуил (1), Сергий (3), Силвестр (1), Симеон (16), Созонт (1), Стефан (14), Тарасий (2), Терентий (4), Тимофей (4), Трофим (1), Фаддей (1), Феодор (11), Феодот (3), Феоктист (3), Феофан (2), Феофил (1), Феофилакт (1), Филипп (5), Филитер (1), Фирс (1), Флегонт (1), Флор (2), Фома (1), Фотий (2), Христофор (1).

Женские имена православных Петропавловска 1832–1833 гг. крещения (90 имен, 583 носителя)

Августа (5), Агафия (9), Агрипина (10), Акилина (11), Александра (17), Анастасия (6), Анисия (2), Анна (39), Антонида (1), Анфиса (1), Анфуса (1), Апполинария (7), Артемия (1), Архелая (2), Афанасия (4), Валентина (2), Варвара (6), Васса (11), Вера (5), Галина (1), Глафира (6), Гликерия (8), Дария (14), Домника (2), Евгения (8), Евдокия (22), Евлампия (2), Евпраксия (2), Евфимия (5), Евфросиния (6), Екатерина (15), Елена (10), Елисавета (7), Епистимия (4), Еротиида (1), Зиновия (4), Зоя (1), Ирина (13), Ироида (5), Иулиания (7), Иустина (12), Капитолина (3), Клавдия (7), Ксения (11), Лукия (3), Любовь (4), Мавра (3), Макрина (2), Мариамия/Мариамна (6), Марина (12), Мария (34), Марфа (21), Матрона (9), Мелания (2), Минодора (1), Надежда (6), Наталия (8), Неонила (2), Олимпиада (1), Ольга/Олга (13), Павла (4), Параскева (24), Пелагия (11), Пулхерия (1), Раиса (4), Серафима (1), Сигклитикия (2), Соломония (3), Сосанна/Сусанна (6), София (1), Стефанида (7), Таисия (2), Татиана (19), Фавста (1), Феврония (5), Фекла (9), Фекуса (1), Феодора (2), Феодосия (15), Феодулия (1), Феоктиста (3), Феофила (2), Фива (1), Филицата (1), Филонида (1), Фотина (2), Харитина (5), Хиония (3), Христина (2), Христодула (1).

Бахвалова Т. В. К изучению истории личных имен в конце XIX в. // Русская ономастика. Рязань, 1977. С. 61–65.

Бондалетов В. Д. Динамика личных имен в XX в. // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970. С. 91–105.

Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983.

Даль В. И. Уральский казак // Избр. произведения. М., 1983.

Жмурко Д. А. Развитие русского именника Измаильщины (сопоставительный анализ): Дис. на соиск. … канд. филол. наук. Киев, 1987.

Зайчикова Л. П. Русский именник г. Одессы: Проблемы развития и взаимодействия: Дис. на соиск. … канд. филол. наук. Одесса, 1986.

Иванец Э. Обряд крещения у старообрядцев в Польше // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 262–269.

Игнатьев Р. Историческая заметка о церкви Успения Богородицы, в Нижне-Уральске // Уральские войсковые ведомости. 1882. № 15.

Карпенко А. Ю. Именник русских островных говоров юга Украины: Автореф. дис. на соиск. … канд. филол. наук. Одесса, 1981.

Левшин А. Историческое и статистическое обозрение Уральских казаков. СПб., 1823.

Муратова Е. Ю. Именник старообрядческой общины на территории Миорского района Витебской области: Дис. на соиск. … канд. филол. наук. Минск, 1994.

Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.

Рябинин А. Уральское казачье войско. Ч. I. СПб., 1866.

Старообрядческий церковный календарь на 1994 г.

Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен. (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М., 1969.
Чесноков Н. Старцы Шацкого монастыря // Пульс (Уральск). 1995. № 28.
Шайкевич А. Я. Русские личные имена XX в. (по материалам загса Фрунзенского района г. Москвы) // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970. С. 84–91.
Щетинин Л. М. Русские имена. (Очерки по донской антропонимии). Ростов н/Д., 1978.

* * *

Алоис Ильич Назаров – корреспондент нескольких преиодических изданий г. Алма-Ата (Казахстан).

ТРИБУНА ОНОМАТОЛОГА

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2008. № 6

А. К. Матвеев

ТЕНДЕНЦИИ И ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ УРБОНОМИНАЦИИ

Географическая карта и самой маленькой страны, и такой большой, как Россия, мертва без топонимов. Карта оживает благодаря средствам языка. А топонимия – живой организм. Изменения в этническом составе населения, общественном строе, экономике стирают с карты целые пласты названий и порождают новые. Новации в пределах населенного пункта или района обычно замечают только местные жители. Но есть наименования, изменения которых так или иначе затрагивают каждого гражданина страны. Это названия областей и крупных населенных пунктов – городов, в смутные времена очень уязвимые. Казалось бы, по отношению к ним необходима особенная продуманность и осторожность актов наименования и переименования, ведь искусственное создание названий – непростой творческий процесс, где возможны ошибки и неудачи. Однако политические страсти и торопливость в сочетании с некомпетентностью иногда порождают такие топонимические ляпсусы, которые применительно к крупным объектам нелегко исправить.

Проблема топонимических катаклизмов в российской действительности может рассматриваться как в аспекте первичной номинации (первонаименования), так и вторичной (переименования). Разумеется, между первонаименованием и переименованием много общего. Но есть и существенная разница. Первонаименование, основываясь на топонимической системе, прежде всего обращает внимание на сам безымянный объект. Переименование, напротив, в первую очередь исходит из данных топонимической системы. Первонаименование как факт только начинает свою историю, а переименование имеет дело с уже названным, с историческим

© А. К. Матвеев, 2009

фактом топонимической системы. Отсюда разные задачи и способы их решения, причем процедура переименования более сложна и болезненна, что и демонстрирует практика современных российских переименований.

Проблема переименования крупных объектов как одного из процессов искусственной номинации имеет три стороны: политическую (шире – идеологическую), которая вызывает переименование, экономическую (финансовую), которая его обеспечивает, и языковую (топонимическую), которая обусловливает вхождение, встраивание названия в топонимическую систему, его соответствие нормам языка и культурно-эстетическому идеалу, проще говоря, его удачность.

Политические корни переименования известны. Власть, особенно тоталитарная, стремится увековечить себя не только в памятниках, но и в именах. Меняются власть, границы, этнический состав, отношение к коллегам – меняется и топонимия. Так было в древности, то же самое происходит и в наши дни. И нет никакой принципиальной разницы между исчезновением названий городов *Зиновьевск* в 1934 г., *Молотов* в 1957 г. и наименования реки *Яик*, которая стала *Уралом* в 1775 г. по указу Екатерины II как реакция на пугачевское восстание. А в бурные времена переименования могут стать неоднократными и разнопричинными. Именно таков топонимический пируэт *Владикавказ – Орджоникидзе – Дзауджикау – Орджоникидзе – Владикавказ*.

Перестройка конца XX в. в очередной раз изменила российскую топонимию. Вернулось название страны – *Россия*, исчезают советские названия, возвращаются досоветские. Смущает одно – отсутствие последовательности в переименованиях. На карте больше нет *Ленинграда* и *Калинина*, а *Калининград* остается. Появляются *Санкт-Петербург* и *Екатеринбург*, но области сохраняют названия *Ленинградская* и *Свердловская*. Как это случилось, не столь важно. Ясно, что мы имеем дело с издержками перестройки, достаточно смутного времени. А главное упущение здесь не в скрытом намеке на возможность реванша, которую может усмотреть только очень бдительный политолог, и не в нарушении топонимической системности: ведь названия административной территории и ее центра могут быть образованы от разных слов, как *Приморский край* и *Владивосток*. Беда прежде всего в политической и административно-организационной непоследовательности. Это может показаться мелочью, но из таких «мелочей» складывается представление о стране и ее престиж. Беспорядку в нашей топонимии удивляются даже за рубежом. В новом венгерском ономастическом журнале читаем: «Общеизвестны изменения названий вследствие перемен политических режимов… *Ленинград* опять стал *Санкт-Петербургом*… В то же время интересно, что… область, окружающая *Санкт-Петербург*, все еще называется *Ленинградской областью*» [Матичак, 2007, *31*].

Экономическая (финансовая) сторона вопроса прозрачна: переименования – дело хлопотливое и дорогое. В наши дни глобального банкротства вроде бы и говорить о них неудобно. Но есть деньги и есть принцип, а речь идет о принципе и о будущем.

В ходе перестройки город *Куйбышев* стал снова *Самарой*, центром *Самарской области*, *Калинин – Тверью*, центром *Тверской области*, а *Екатеринбург*,

бывший *Свердловск*, остался центром *Свердловской области*. Прошло почти два десятилетия. И недавно екатеринбургские краеведы опубликовали несколько статей, в которых пытались обратить внимание местной администрации на необходимость изменить название области, поскольку Свердлов – не та фигура, имя которой должно быть на карте [см.: Уральский краеведческий журнал, 2007]. Ответ пришел быстро: средства массовой информации растиражировали мнение, что переименование нецелесообразно, потому что Екатеринбургской области никогда не было. Однако не было на Урале и Челябинской, Тюменской, Курганской областей, а были губернии – Пермская, Тобольская, Уфимская, Оренбургская. Поэтому теоретически и методически ничто не мешает осуществить это переименование, было бы желание и возможности.

С научной и научно-прикладной точки зрения наиболее интересен собственно языковой (топонимический) аспект проблемы, хотя он часто связан с политической стороной, а иногда удивительным образом затрагивает и экономическую. Естественно, что специалиста прежде всего будут занимать тенденции, регулярности и пути, приемы переименования. Сразу оговоримся, что сам по себе факт переименования необязательно вызывается политическими мотивами. Так, возникновение одних и тех же названий в разных местах, их повторяемость обычно не создает проблем, поскольку они «разводятся» на уровне микросистем, что устраняет необходимость переименования. Но в рамках макросистемы в наименованиях крупных объектов повторяемость недопустима. Потому и возникают такие названия как *Каменск-Уральский* и *Петропавловск-Камчатский*. Изменения названий могут быть связаны, однако, не только с таким внешним фактором, как повторяемость, но и с их семантикой – устаревшей, неэтичной, иногда даже неприличной, словом, так или иначе смущающей местных жителей, скажем, село *Гробовское*, деревня *Шайтанка* и т. п. Переименования такого рода обычны, но они, как правило, происходят в микросистемах.

У закрепившегося, принятого обществом названия есть своя природная семантика или коннотации, если имя заимствовано, есть своя история и свое место в топонимической системе. Но при решении вопроса о переименовании в первую очередь приходится думать не о семантике, а об историческом статусе имени. Что перед нами – впервые названный или уже когда-то переименованный объект? Как уже было сказано, переименование – процесс непростой и дорогой. Поэтому в случае повторного переименования абсолютный приоритет принадлежит решению вопроса о его необходимости, о целесообразности возврата прежнего исторического названия. Могут быть разные ситуации и возможны различные решения. Но восстановление, а следовательно, сбережение исторического имени всегда должно оцениваться как заслуга перед историей и культурой страны. Однако это возможно не всегда, так как не все староросийское является лучшим. Исторический принцип – нельзя доводить до абсурда: название города *Царевококшайск* (после революции *Краснококшайск*, ныне *Йошкар-Ола*) не имело шансов на возвращение уже по лингвоэтническим соображениям, будучи, к тому же, структурно и эвфонически типичным топонимическим уродцем.

Необходимости в переименовании не было и во многих других случаях. Сравним названия двух больших городов – советские *Свердловск* и *Краснодар*, царские *Екатеринбург* и *Екатеринодар*. Первое с немецким *бург*, второе – с русским *дар*. Однако восстановили первое – *Екатеринбург*, но сохранили советское *Краснодар*, хотя еще В. Н. Татищев в XVIII в. упорно именовал Екатеринбург *Катерининском* или *Екатерининском*, а С. Т. Аксаков несколько позже возмущался появлением немецкого *бург* на Урале, правда, по отношению к *Оренбургу*. Тем не менее поступили разумно. Во-первых, наименование *Свердловск* из-за одиозности личности Свердлова действительно надо было менять, во-вторых, название *Екатеринбург* – историческое, и его лучше было сохранить, в-третьих, в русской переделке названия по Татищеву необходимости не было, к тому же форма *Екатерининск* неудачна фонетически из-за обилия глухих согласных и трудности образования производных. А славянофильскую эскападу Аксакова при всем уважении к нему можно оставить без внимания.

Что касается названия *Краснодар*, то оно не связано с конкретной личностью, а слово *красный* прежде всего означает цвет и красоту. Символизация революции – позднее переосмысление. Поэтому в многочисленных наименованиях типа *Краснодар*, *Краснокамск*, *Краснотурьинск* и других им подобных «революционная» семантика постепенно стирается и уже с этой точки зрения нет необходимости в их переименовании. *Краснодар* – прекрасное название. Но ведь и *Екатеринодар* звучит хорошо, образно и, главное, это историческое название. Однако у топонима *Краснодар* есть еще одно преимущество – он в два раза короче: три слога против шести в несколько громоздком *Екатеринодар*, а это немаловажно с информационной точки зрения. *Краснодар* удобнее. В итоге советское название оказалось качественным, а вопрос о переименовании неактуальным. Тем не менее некоторые кубанцы ратуют за то, чтобы Краснодару было возвращено его историческое название *Екатеринодар* [Известия, 2009, 12 янв.]. Что же, это их право.

Если внутренняя форма непрозрачна с точки зрения русского языка, а от советского названия по той или иной причине следует отказаться, исторический подход всегда торжествует: заимствованные в древности названия *Пермь* (первоначально племя и земля) и *Самара* (первоначально река) были возвращены, а советские *Молотов*, *Куйбышев* уже забыты.

Однако бывают случаи, когда исходная иноязычность наименования может создать некоторые проблемы при восстановлении исторического имени. Это прежде всего касается названия *Санкт-Петербург*.

Дело в том, что для топонимии (как и вообще для ономастики) с развитием цивилизации и технического прогресса все более характерно усиление действия естественной тенденции к сокращению имен. Собственно само неофициальное *Питер* свидетельствует об этой тенденции. Но есть и другие показательные факты. Так, в постсоветском Екатеринбурге широко распространилось жаргонное *Ебург* или *Ёбург*. Трудно сказать, какой будет его судьба. Но вот что интересно: в далекой Южной Африке, в ЮАР, на рекламных афишах напечатано сокращенное обозначение города *Йоханнесбург* (*Johannesburg*) – *Joburg*, естественно, латиницей,

однако фонетически близкое екатеринбургскому. Уникальный, но примечательный случай проявления общей для разных языков тенденции к сжиманию информации и языковой экономии.

Когда началась дискуссия о переименовании Ленинграда, многие деятели науки и культуры предлагали вернуться к названию *Петроград*, которое было введено по царскому указу во время Первой мировой войны и было в ходу с 1914 по 1924 г. Наверное, этот вариант был не хуже, чем *Петербург*. И не только своей «русскостью», но и деривативными возможностями. Во всяком случае *петроградцы* удобнее, чем *петербуржцы*. Но было выбрано исторически предшествующее имя *Петербург*. И тоже не без оснований. Однако при этом, к сожалению, сыграл отрицательную роль своего рода исторический пуризм. Было восстановлено громоздкое *Санкт-Петербург*, которое и в дореволюционной России употреблялось только официально. На создание такого топонимического чудища, как *Санкт-Петербургская область*, реформаторы то ли не решились, то ли просто запамятовали в перестроечной суматохе, что надо бы и область переименовать. В результате получилась еще одна неурядица – *Санкт-Петербург*, но *Ленинградская область*. Трудно сказать, как будут дальше развиваться события. Конечно, изъять звуковой комплекс *санкт-* теперь уже непросто, хотя этот в полном смысле слова семантически пустой для русских, употребляемый только в официальных документах компонент не только *de facto* является избыточной информацией. Шесть знаков, миллионократно воспроизводимых в печати, со временем обойдутся в немалую сумму, которая постоянно будет расти.

В тех случаях, когда историческое имя почему-либо не восстанавливается и дается новое название, как показывает практика, обычно преобладает та или иная форма метонимического переноса, т. е. используется смежный топоним. Это далеко не случайно, так как метонимический перенос господствует и в естественной оттопонимической деривации. Кроме того, он прост по механизму и (что особенно важно) обычно нейтрален политически, поскольку не связан с какими-либо личностями. Классический пример – *Волгоград*, удачно сохранивший нейтральный компонент предшествующего названия *Сталинград* и не менее (если не более) удачный эвфонически. Советские названия, основанные на метонимии, переименовывать не имело смысла, тем более что они могли быть не хуже, а иногда и лучше предшествующих дореволюционных. Таково, например, *Новосибирск* вместо *Новониколаевск*, которое было связано с Николаем II, но входило в ряд бесчисленных и потому однообразящих топонимическую систему отантропонимических названий, образованных от таких широко распространенных личных имен, как *Николай*. Для большого города наименование *Новосибирск* оказалось очень хорошей ономастической инновацией.

Именно метонимия как наиболее нейтральный и удобный прием могла быть использована и при решении сакраментального вопроса о названиях *Калининград* и *Калининградская область*. Хоть как рассуждай, а нелепо, что так именуется наше «окно в Европу» да еще и анклав. Казалось бы, проще всего калькировать немецкое *Königsberg*, но кальки «Королевская гора», «Царь-гора» вызывают массу

аллюзий самого разного рода. Не лучше и *Князьгора*. У этих наименований общий недостаток: они, сохраняя немецкую семантику, структурно не соответствуют русским названиям городов. Можно было бы, конечно, изобрести кальку *Королевск* и затем связать с фамилией знаменитого конструктора С. П. Королева, переделав в *Королёвск*. Но есть уже город *Королёв* в Московской области, который – и это ирония истории – до 1996 г. именовался *Калининградом*.

Другой путь – метонимия. В этом случае находится приемлемое название для области – *Балтийская* или *Прибалтийская*. Но город *Балтийск* – база Балтфлота – уже есть. Место, так сказать, занято. Кроме того, из-за Балтийска переименовывать Калининград в *Прибалтийск* нежелательно – названия слишком близки и создается возможность смешения. Остается искать для Калининграда другое имя, которое не связано и с потенциальным наименованием области *Прибалтийская*. Или находить какие-то совсем иные решения как для названия области, так и для ее центра. В любом случае это очень нелегкая задача, что и хотелось показать.

Если подвести некоторые итоги, то очевидно, что с последствиями волн волюнтаризма в урбономинации страна до сих пор не справилась. Более того, борьба с ошибками прошлого подчас происходила опять-таки не на уровне разумной креативности, а на фоне того же волюнтаризма.

Катаклизмы XX в. по существу стерли с лица земли русскую народную речь. Пострадала и топонимия, особенно микротопонимия, которая исчезала целыми пластами. Их уже не вернуть. «Опечатки» в урбономинации, к счастью, устранимы, но только если с именем будут обращаться уважительно, осторожно и компетентно, памятуя о том, что оно является или станет памятником нашей истории и культуры. Искусственная номинация предполагает грамотную топонимическую политику, а для этого страна должна не только укрепиться материально, но и вырасти духовно.

Матичак Ш. К этимологическому исследованию гидронимов (на мордовском материале) // Onomastica Uralica. 2007. № 5. С. 31–43.

Уральский краеведческий журнал. 2007. № 2.

* * *

Александр Константинович Матвеев – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, СЪЕЗДЫ СИМПОЗИУМЫ

VI Всероссийская научная конференция «Проблемы общей и региональной ономастики»

В Адыгейском государственном университете 22–24 мая 2008 г. при содействии РФФИ (проект № 08–06–06031) прошла очередная VI Всероссийская научная конференция «Проблемы общей и региональной ономастики». Ономастические конференции проводятся в Майкопе регулярно (раз в два года) с 1998 г. на базе филологического факультета АГУ и Координационного центра по изучению региональной ономастики Северного Кавказа (КЦИРОСК), созданного по инициативе проф. Р. Ю. Намитоковой (АГУ) и проф. М. А. Кумахова (ИЯ РАН, Москва) и поддержанного в свое время ФЦП «Интеграция – 2001» (Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки).

Организаторы VI конференции получили заявки от 140 ученых из 37 городов России и ближнего зарубежья, а именно – из Майкопа (48), Славянска-на-Кубани (11), Улан-Удэ (9), Махачкалы (7), Ставрополя (7), Волгограда (5), Краснодара (5), Нальчика (5), Сухума (5), Ростова-на-Дону (4), Казани (3), Таганрога (2), Туапсе (2), Анапы (1), Армавира (2), Элисты (2), Баку (1), Белгорода (1), Владимира (1), Елабуги (1), Калининграда (1), Набережных Челнов (1), Новосибирска (1), Новошахтинска (1), Перми (1), Санкт-Петербурга (1), Северодвинска (1), Тамани (1), Тулы (1), Тюмени (1), Череповца (1), Читы (1), Ярославля (1), кроме того, из Бурятии (1), Казахстана (1) и Удмуртии (1).

Перед началом пленарного заседания 22 мая участники конференции почтили память Анатолия Ахмедовича Максидова, член-корреспондента Международной генеалогической академии, председателя Кабардино-Балкарского генеалогического общества (КБИРО), постоянного и активного участника всех предыдущих пяти конференций, ушедшего из жизни в феврале 2008 г.

Во время открытия конференции с приветственным словом выступили проректор по научной работе АГУ проф. *А. В. Шаханова*, декан филологического факультета АГУ проф. *У. М. Панеш*. С приветствием выступил также академик РАЕН, проф. *М. В. Горбаневский*, научный руководитель информационно-исследовательского центра «История фамилии». Он подчеркнул важность проведения подобных конференций и предложил поддержать идею об объединении ономатологов и создании «Межрегионального ономастического общества имени В. А. Никонова» (МООН).

На пленарном заседании выступили ведущие ученые-ономатологи, проблемные доклады которых вызвали оживленную дискуссию и задали тон последующей работе. *М. В. Горбаневский* выступил с докладом, посвященным мемориальным названиям (отантропонимическим топонимам на карте Москвы). Затем перед участниками и гостями конференции выступили *В. В. Катермина* – «Личное имя собственное и художественный текст»; *И. В. Крюкова* – «Концептуализация рекламных имен в русском языковом сознании»; *В. О. Максимов*, генеральный директор ИИЦ «История Фамилии» и редактор научно-образовательной

газеты «Міръ именъ и названий» – «Принципы этимологизации фамилий народов Российской Федерации»; *Р. Ю. Намитокова*, *И. А. Нефляшева* – «Онимное словообразование и словообразовательный потенциал онима»; *М. Р. Багомедов* – «Вопросы этимологии комонимов в исторических трудах о Дагестане»; *С. Л. Зухба* – «Теонимы, связанные с культом коня в абхазо-адыгской мифологии». *Ф. Ш. Пашаева* выступила с докладом «Психологические и социолингвистические причины изменений в системе личных имен собственных», в котором были раскрыты факторы, влияющие на изменения в системе личных имен, выявленные по данным анкетирования.

На второй день (23 мая) работа участников конференции была организована по семи секциям: «Антропонимы и топонимы как знаки истории, культуры и языков народов Северного Кавказа», «Топонимика и этнолингвистика», «Антропонимы в этно- и социокультурном аспектах», «Онимическое и отонимическое словообразование», «Новые объекты ономастики: аспекты и перспективы изучения», «Литературная ономастика», «Онимы в текстах разных функциональных стилей и жанров».

Северокавказский ономастикон – универсальный источник этнокультурной информации о материальной и духовной культуре народов полиэтнического региона. В докладах секционного заседания «Антропонимы и топонимы как знаки истории, культуры и языков народов Северного Кавказа» были представлены результаты анализа личных имен и теонимов в зеркале национальных традиций (*С. Л. Зухба*, *Е. М. Малия*, *М. Х. Шхапацева*), роли бытовых условий, легенд и преданий в формировании ономастиконов (*А. И. Тугутов*, *Л. Г. Хижняк*, *В. С. Пукиш*). В ряде докладов выявлялись исторические ареалы проживания народов по данным топонимии и антропонимии, отражение в них языковых контактов, фрагментов языковой картины мира (*Г.-Р. А.-К. Гусейнов*, *М. А. Магомедов*, *Р. Ш. Шагеев*, *И. И. Эфендиев*), затрагивались вопросы этимологии в исторических трудах (*А. Ч. Абазов*, *М. Р. Багомедов*, *Н. Р. Иванов*ов и *Р. Х. Урусов*).

В этнолингвистическом аспекте были рассмотрены результаты анализа микротопонимов (годонимов, гидронимов, комонимов, оронимов и др.) и топонимических ареалов, преимущественно Кавказского региона Кубани, Шапсугии, Ставрополья (*Т. Г. Иванова*, *В. М. Пелих*, *А. А. Пазылова*, *М. С. Схакумидова*, *С. Н. Шеуджен*), а также отдельных регионов Байкала, Монголии, Череповецкого края (*Т. Г. Иванова*, *Н. П. Тихомирова*, *И. Ш. Исупова* и др.). Изучение этнолингвистического потенциала ономастикона (*Л. П. Ефанова*), регионального поля этнонимикона (*Т. А. Сироткина*) и топонимикона (*Л. В. Шулунова*) представляется первостепенно значимым, как и анализ онимов – компонентов вербально-художественной информации в переводных текстах (*Л. С. Макарова*), анализ особенностей функционирования имен политиков (*С. В. Ильясова*).

Большой интерес вызвали выступления участников конференции, посвященные антропонимам в этно- и социокультурном аспектах: значительная часть их затрагивала функционирование имен в социолекте, их частотность – по данным ЗАГСа (*О. Клепанева*, *И. М. Лисенкова* и *Л. Степанец*), типы мотивации отадъективных фамилий (*Е. Д. Шеватлохова*), принципы этимологии редких личных имен (*А. Н. Абрегов*), их происхождение и составление родословных (*А. И. Гарбовский*); также рассматривались социальное функционирование прозвищ (*З. У. Блягоз*, *А. А. Кириллова*), личность жителя Кубани сквозь призму прозвищ (*М. Ю. Беляева* и *Е. Резник*) и др. Все исследования были проведены на конкретном ономастическом материале, практическая ценность использования которого в регионоведении (и в образовательно-просветительском пространстве региона в первую очередь) не вызывает сомнений.

Актуальные проблемы онимического и отонимического словообразования были поставлены в совместном докладе *Р. Ю. Намитоковой* и *И. А. Нефляшевой*, считающих, что русская словообразовательная теория до сих пор в целом опирается на обобщение и систематизацию фактов только апеллятивного словооб-

разования. Изучение процессов апеллятивации онимов и онимизации апеллятивов, выявление конкретных и типовых словообразовательных отонимных парадигм, создание словообразовательного словаря личных имен и разработка фамильных гнезд и в целом выявление словообразовательного потенциала русской онимии позволяют, по мнению докладчиков, не только завершить построение ономастической дериватологии, но и признать ее неотъемлемой частью русского словообразования, данные которой должны учитываться в общей теории словообразования русского языка. Это подтверждают выступления ученых, исследующих данную проблематику на материале разных текстов – масс-медийных (*В. А. Гончарова*, *Н. Б. Горбовская*, *Ж. В. Иванова*), художественных (*М. Р. Напцок*, *И. А. Нефляшева*), в детской речи (*Ю. Н. Кононова*). Следует отметить успешные результаты составления фамильных словообразовательных гнезд (*М. Ю. Беляева*). Ключевой вопрос развернувшейся на конференции дискуссии по данным докладам касался статуса отонимных новообразований: сохраняют ли они свойства имени собственного или подвергаются полной апеллятивации.

Серия докладов была посвящена новым и относительно новым объектам ономастики, которые принято рассматривать как периферийные, аспектам и перспективам их изучения: это названия русских праздников, взятые сами по себе (*О. С. Андреева*) и в сопоставлении с названиями чешских праздников (*Петра Чеснокова*); названия спортивных наград и их орфография (*Л. А. Авакова*); названия товарных знаков – например, русские и китайские названия конфет (*Ван Мяо*); названия-глобализмы – в восприятии представителей разных стран – и названия различных торговых марок – в контексте типологии онимических наименований (*О. С. Фоменко*, *О. Ю. Лазорева*); неофициальные названия автомобилей (*Л. В. Копоть*) и их номинации по цвету (*Е. А. Белоусова*); названия торговых и развлекательных центров и их мотивация (*Р. В. Разумов*, *А. Н. Сокальская*); фильмонимы (*Ю. Н. Подымова*) и мобилонимы – названия средств мобильной связи (*З. К. Беданокова*) как разновидности идеонимов и прагматонимов и др. Основные дискуссионные вопросы касались границы между онимами и номенклатурными словами (номенами), а также использования методов социо- и психолингвистики в ономастическом исследовании. Концептуализация рекламного имени в языковом сознании носителей и переход в разряд прецедентных демонстрирует способность рекламного имени входить в когнитивную базу как составляющую культурного пространства, что, как убедительно прозвучало в пленарном докладе *И. В. Крюковой*, разрушает представление о рекламных именах как ничего не значащих этикетках и служит доказательством наличия или возможного развития у них многослойной и многоаспектной семантики.

Литературная ономастика и ономастическое пространство в художественных текстах и текстах разных функциональных стилей и жанров традиционно были представлены на конференции достаточно широко. Часть выступлений затрагивала общие вопросы роли и функций имен собственных в тексте (*В. В. Истомина*, *Г. Р. Патенко*, *О. Е. Гайбарян*). Однако большинство докладов было посвящено анализу ономастического пространства конкретного произведения (*В. М. Беренкова*, *А. А. Минакова*), его антропонимикона (*Л. И. Сартаева* и *А. И. Маргасюк*, *Н. А. Тов*, *С. Ш. Шхалахо*), функционирования и структуры ключевых онимов, актуализирующих авторские концепты в тексте (*М. Р. Напцок*, *А. А. Соснина*). Изучение текстовой специфики имен собственных, их «семантической ауры» в тексте и дискурсе открывает новые возможности для развития литературной ономастики.

На секционном заседании «Онимы в текстах разных функциональных стилей и жанров» в ряде выступлений были отмечены специфика функционирования и традиционность отдельных собственных имен в фольклоре, фразеологизмах и паремиях (*И. А. Петрова*, *Т. С. Соколова*, *О. В. Филина*), в том числе в сопоставительном аспекте (*Т. Н. Федуленкова* и *Е. С. Михалёва*, *И. В. Цикушева*, *В. Н. Шутина*). Проблемы оформления имен собственных в официально-деловых текстах, что, несомненно, имеет практическую значимость, были обозначены в докладе *Н. И. Гриценко*.

На закрытии конференции выступали члены оргкомитета, руководители секций; говорилось о том, что общая и региональная ономастика позволяют решать как собственно лингвистические, так и общенаучные проблемы, а также социально-прагматические задачи, которые ставятся жизнью на каждом этапе развития общества.

Следует отметить активное участие в конференции молодых исследователей – студентов и аспирантов. Участники выразили глубокую благодарность организаторам конференции, объединившей тематикой «Проблемы общей и региональной ономастики» не только лингвистов, но и ученых-историков, педагогов, работников культурно-просветительских учреждений.

К началу конференции был издан сборник с одноименным названием (Майкоп, 2008. 292 с.).

С информацией о ходе и итогах конференции можно также ознакомиться на сайтах www.adygnet.ru , www.gramota.ru , www.onomastika ru, www.familii.ru.

Ф. Ш. Пашаева, канд. филол. наук, доц. кафедры общего
и русского языкознания Бакинского славянского ун-та
И. А. Нефляшева, канд. филол. наук, доц. кафедры
русского языка Адыгейского гос. ун-та (Майкоп)

II Байкальская международная ономастическая конференция «Имя. Социум. Культура»

4–6 сентября 2008 г. в Улан-Удэ на базе Бурятского государственного университета состоялась II Байкальская международная ономастическая конференция «Имя. Социум. Культура».

3 сентября в преддверии открытия конференции по инициативе Правительства Республики Бурятия, администрации г. Улан-Удэ и Центра стратегических востоковедных исследований БГУ состоялось заседание круглого стола на актуальную тему «Топонимика науке и обществу». Цель его проведения заключалась в обобщении идей отечественных, зарубежных ученых и специалистов-практиков разных профилей (представителей министерств и ведомств РБ, архивистов, архитекторов, историков, лингвистов, географов, культурологов, социологов и др.) по проблемам именования городских объектов. Руководила работой круглого стола директор Центра стратегических востоковедных исследований БГУ, д-р филол. наук, проф., академик МАН ВШ *Л. В. Шулунова*, инициатор и организатор настоящей конференции.

На заседании круглого стола прозвучали доклады д-ра филол. наук, проф., председателя правления гильдии экспертов по документационным и информационным спорам *М. В. Горбаневского* (Москва) – «Мемориальные названия вчера, сегодня, завтра»; проф. Университета Лаваль, председателя Топонимической комиссии Квебека, председателя группы экспертов-топонимистов ЮНЕСКО при ООН *А. Дорион* и проф. Университета Лаваль, зав. отделом Министерства культуры и массовых коммуникаций провинции Квебек *П. Лау* (Канада) – «Топонимия – национальное достояние народа»; д-ра филол. наук, проф., генерального директора ИИЦ «История фамилии», члена Совета Общества любителей российской словесности *В. О. Максимова* (Москва) – «Истоки российских фамилий»; канд. филол. наук, доц., зав. научно-исследовательской лабораторией культурной антропологии и межкультурной коммуникации Центра стратегических востоковедных исследований БГУ *Г. С. Доржиевой* (Улан-Удэ) – «Организация топонимической работы в Республике Бурятия». Обсуждались следующие вопросы: исторические названия как памятники культуры; практика применения наименований в автодорожных указателях (названиях населенных пунктов и т. д., придорожных географических объектов (рек, озер, мостов), исторических достопримечательностей); взаимодействие эргонимов с архитектурной средой и участие в ее формировании; реклам-

ные имена как показатель городской лингвокультуры; создание имени-бренда как элемент маркетинговой стратегии.

4 сентября в актовом зале БГУ состоялось торжественное открытие конференции, на котором с приветственной речью выступили зам. министра образования и науки Республики Бурятия, канд. ист. наук *А. В. Дамдинов*, декан факультета иностранных языков, канд. пед. наук, доц. *Н. А. Бохач*. Почетный гость конференции, также присутствовавший на ее открытии, – д-р филол. наук, проф. Иркутского государственного технического университета *А. Г. Митрошкина*, стоявшая у истоков бурятской ономастической науки.

Пленарное заседание открыли проф. *А. Дорион*, проф. *П. Лау*, которые в докладе «Современные информационные технологии в ономастических исследованиях» затронули также проблему стандартизации географических названий и поделились опытом работы топонимической комиссии Квебека в этом направлении.

Несомненный интерес вызвал доклад проф. *М. В. Горбаневского* «О феномене мемориальной топонимии в России XX–XXI вв. (в контексте научных идей академика Д. С. Лихачева)». Докладчик рассказал о деятельности российских ученых, представителей культуры во главе с академиком Д. С. Лихачевым по возрождению и восстановлению исторических названий улиц и городов в годы «перестройки». Кроме того, проф. М. В. Горбаневский высказал идею о создании Межрегионального ономастического общества им. В. А. Никонова (МООН), которая была активно поддержана участниками научного форума.

Проф. *В. О. Максимов* выступил с докладом «К вопросу о частотности компонентов современного русского именника», в котором были приведены результаты статистического анализа частотности русского именника различных периодов, позволившие выявить имена-«лидеры» в различных регионах страны.

Особого внимания заслуживает выступление д-ра филол. наук, проф., зав. кафедрой французского языка для естественных факультетов МГУ *Т. Ю. Загрязкиной* «Концепт “Бретань” в культуре Франции», посвященное исследованию содержания яркого поэтического образа Франции – Бретани. Это особый мир полуострова Бретань, связанный со стихией леса и моря, который представляет собой сложный и многогранный образ, имеющий постоянные и динамические черты и связанный с переживанием идентичности на региональном, надтерриториальном и национальном уровнях.

В докладе «Ономастические исследования в Байкальском регионе: проблемы и перспективы» проф. *Л. В. Шулунова* подробно осветила основные этапы развития ономастики в Байкальском регионе, условия развития ономастических исследований, отметила позитивную динамику и рассмотрела имеющиеся проблемы.

Основные направления работы конференции были представлены 6 тематическими секциями, где было заявлено более 150 докладов и сообщений исследователей из различных регионов России (Республики Алтай, Бурятия, Башкортостан, Калмыкия, Татарстан, Тыва, Хакасия, Саха Якутия и др.), а также стран ближнего и дальнего зарубежья (Белоруссия, Казахстан, Канада, КНР, Латвия, Монголия, Украина, Япония).

Секция «Проблемы теории и практики ономастических исследований» была посвящена изучению таких теоретических вопросов ономастики, как семантика, структура имени собственного, типология плана выражения личных имен, лингвистический статус онимов. Кроме того, были заявлены интересные доклады, имеющие практическую направленность (создание топонимической картотеки, электронного каталога географических названий; стандартизация и унификация онимов).

Секция «Ономастика в системе гуманитарных наук» объединила доклады, затрагивающие вопросы взаимодействия ономастики и школьного образования, этнолингвистического своеобразия процесса имянаречения.

Истоки национальных именников, проблемы сохранения традиций наречения, отражение национальной культурной специфики региона в географических названиях, этнокультурная характеристика топонимов, лингвокультурное пространство региональной языковой

ситуации – таков далеко не полный перечень вопросов, затронутых на заседании секции «Ономастикон и национальная культура».

Секция «Ономастический ареал: проблемы исследования» была представлена докладами, рассматривающими проблемы ономастической лексикографии, этимологии крупных водных объектов, изучения названий, связанных с именами исторических личностей разных эпох, вопросы административно-территориальной терминологии, правописания региональных ономастических названий.

Работа секции «Ономастическое пространство художественных текстов» была посвящена исследованию поэтической ономастики. Объектами анализа стали имена собственные в художественных произведениях разных авторов (Дж. Роулинг, Ф. М. Достоевский, Ч. Лодойдамба, Л. Тудэв, Б. Дорджиев, А. Балакаев, Ч. Цыдендамбаев, Ж. Тумунов и др.). Докладчиками были затронуты проблемы перевода имен, выявлена роль поэтонимов в стилистическом анализе художественного текста, рассмотрены когнитивный и функциональный аспекты литературной ономастики.

В секции «Имя собственное в социокультурном контексте» подробно обсуждались такие вопросы, как социокультурная ценность антропонимов и топонимов; именование внутригородских объектов; географические названия и бренд региона; мультикультурализм канадской картины мира сквозь призму ономастики; функционирование имен собственных в языке рекламы.

5 сентября для участников конференции проф. *А. Дорион* провел мастер-класс «Современные информационные технологии в ономастических исследованиях», вызвавший, безусловно, живой интерес.

В рамках конференции 6 сентября на турбазе оз. Байкал был организован второй круглый стол по теме «Грантовая поддержка ономастических исследований отечественными и зарубежными фондами», где состоялся обмен мнениями гостей конференции по актуальной в настоящее время проблеме финансирования проектов в области ономастики, были предложены различные пути решения этого вопроса.

В рамках работы конференции для гостей были организованы встречи с министром культуры и массовых коммуникаций Республики Бурятия *Ю. С. Ангаевой*, ректором Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, проф., академиком МАН ВШ *Р. И. Пшеничниковой*, проректором БГУ, д-ром физ.-мат. наук, проф. *А. С. Булдаевым*. В ходе работы конференции организаторами была представлена выставка новинок литературы по ономастике.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы конференции и определены основные направления дальнейшего сотрудничества с целью развития перспективных научных идей, прозвучавших на пленарных и секционных заседаниях. Примечательно, что в конференции приняли участие не только крупные ученые, но и начинающие исследователи, студенты. Несомненно, данный факт свидетельствует об актуальности проблематики конференции в современных условиях развития общества в целом и региона в частности.

По материалам конференции был издан сборник, в котором представлен широкий круг проблем ономастики в аспекте триады «имя – социум – культура».

Следующую «Байкальскую международную ономастическую конференцию» организаторы планируют провести в 2011 г.

С. В. Шойбонова, канд. филол. наук,
доц. кафедры иностранных языков и общей лингвистики
Восточно-Сибирской гос. академии культуры и искусств
(Улан-Удэ)

XI Международная конференция «Ономастика Поволжья»

С 16 по 18 сентября 2008 г. в столице Республики Марий Эл Йошкар-Оле в Марийском государственном университете прошла XI Международная конференция «Ономастика Поволжья». В ее работе приняли участие около 100 ученых-ономатологов из 30 городов России (Волгоград, Москва, Казань, Саранск, Махачкала, Альметьевск, Тверь, Йошкар-Ола, Ярославль, Ульяновск, Самара, Пермь, Борисоглебск, Михайловка и др.), а также из Казахстана (Атырау, Кокшетау), Украины (Черкассы, Черновцы), Азербайджана (Баку), Белоруссии (Витебск).

Перед началом работы участники и гости конференции могли познакомиться с выставкой литературы по ономастике, изданной в Республике Марий Эл.

На торжественном открытии конференции с приветственными словами выступили проректор по науке МарГУ проф. *С. В. Стариков*, помощник председателя Государственного Собрания Республики Марий Эл *В. Л. Загайнова*, научный руководитель Информационно-исследовательского центра «История фамилии», д-р филол. наук, проф. *М. В. Горбаневский* (Москва), сопредседатель постоянно действующего оргкомитета конференции, д-р филол. наук, проф. *В. И. Супрун* (Волгоград), сопредседатель оргкомитета конференции в Йошкар-Оле, и. о. директора Института финно-угроведения МарГУ, д-р филол. наук, проф. *А. Н. Куклин*. На открытии также были зачитаны поступившие в оргкомитет конференции приветствия от Правительства Республики Марий Эл, председателя оргкомитета II Байкальской международной ономастической конференции, д-ра филол. наук, проф. *Л. В. Шулуновой*, председателя топонимической комиссии Московского центра Русского географического общества проф. *А. В. Барандеева*, правления Общества любителей российской словесности.

В этот же день состоялось пленарное заседание. *М. В. Горбаневский* сообщил участникам конференции о проекте Межрегионального ономастического общества им. В. А. Никонова, реакции на это предложение участников ономастических конференций в Майкопе и Улан-Удэ. *М. З. Закиев* (Казань) посвятил свой доклад этнониму *ас/яс* и вопросам этноязыковой сущности алан. *В. И. Супрун* представил доклад «Русские антропонимы в языке и речи». Он отметил, что различного рода коннотативные и фоновые значения, а также примыкающие к ним этимологические, ассоциативные и пр. семы присутствуют у онимов в значительной степени, причем их объем у ядерных единиц значительно шире, чем у периферийных. *В. О. Максимов* (Москва) в своем сообщении поднял вопрос о берестяных грамотах как источнике сведений о причинах и этапах изменения древнерусского именника. *Х. Л. Ханмагомедов* (Махачкала) выступил с докладом «Топонимия Северного Кавказа и Поволжья: вопросы взаимосвязи, сходства, различия изучения топонимии соседних геокультурных пространств РФ». *Р. Ш. Шагеев* (Альметьевск) в докладе «Коммуникативно-прагматический аспект изучения микротопонимии (на материале Закамья Республики Татарстан)» представил коммуникативно-регистровую организацию микротопонима, который рассматривается как текст малого объема, содержащий интенцию номинатора. *Г. Р. Галиуллина* (Казань) в докладе «Тюрко-татарские имена как трансляторы национальной культуры» отметила, что антропонимы, будучи семиотическими знаками национальной культуры, являются трансляторами традиций народа, поэтому замена ценностей в сфере религиозных верований татар привела к изменениям и в антропонимической системе.

17 сентября состоялись секционные заседания.

На секции «Теория и методология ономастических исследований» было представлено 9 докладов: *И. С. Карабулатовой* (Кокшетау, Казахстан) – «О традиционных и постмодернистских тенденциях в современном ономаобразовании»; *З. Р. Загирова* (Уфа) – «Имя собственное и имя нарицательное: общие черты и различия»; *И. В. Крюковой* (Волгоград) – «Лингвокультурная специфика апеллятивации»; *Р. Ш. Джарылгасиновой* и *А. Р. Садоковой* (Москва) – «Некоторые особенности современной японской топонимии»; *А. М. Мезенко* (Витебск, Белоруссия) – «Из наблюдений над принципами номинации в различных урбанонимических полях»; *Р. Ю. Габибли* (Баку, Азербайджан) –

«Правовые пути нормализации топонимов в Азербайджане»; *А. Г. Мусанова* (Сыктывкар) – «Оронимия бассейна р. Язьва: к вопросу о языковой принадлежности»; *Д. В. Цыганкина* и *И. Н. Рябова* (Саранск) – «Проблемы создания электронной базы топонимического фонда Республики Мордовия»; *Г. В. Киселевой* и *С. В. Полубоярина* (Борисоглебск) – «Культурный концепт "Волга" по экспериментальным данным».

На секции «Топонимика, микротопонимика и урбанонимика» было представлено 13 докладов. В совместном докладе *Л. Ш. Арсланова* и *Р. Т. Галимуллиной* (Елабуга) рассмотрена этимология названий татарских населенных пунктов финно-угро-самодийского происхождения Балтасинского района Республики Татарстан. *Л. П. Васикова* (Йошкар-Ола) в докладе «Сложные слова и словосочетания в "Горномарийско-русском словаре географических названий"» рассмотрела вопросы графической передачи написания сложных слов (слитно или через дефис) и словосочетаний (раздельное написание). В докладе *Р. В. Разумова* (Ярославль) «Постсоветский этап развития систем урбанонимов русских городов» были рассмотрены основные типы урбанонимов 1990–2000-х гг., отмечено, что в городах по-прежнему активно создаются мемориальные и эмоционально-характерологические урбанонимы. Также на секции были представлены доклады *Г. Р. Абдуллиной* (Стерлитамак) – «Формообразующие и словоизменительные элементы в башкирских топонимах»; *В. С. Картвенко* (Смоленск) – «Общерусская и народно-разговорная лексика в составе топонимов»; *Л. А. Климковой* (Арзамас) – «Микротопонимия как зона пересечения с антропонимией»; *П. В. Корольского* (Ижевск) – «Топонимия бассейна Лопьи»; *М. В. Майорова* (Тула) – «*Непрядва*: ключ к разгадке гидронима»; *Т. В. Майоровой* (Тула) – «Гидронимия междуречья Оки и Верхнего Дона (Тульская область)»; *Д. З. Махмутшиной* (Уфа) – «Топонимия с. Насибаш Салаватского района Республики Башкортостан»; *И. В. Бугаевой* (Москва) – «Волжские топонимы и гидронимы в названиях православных храмов»; *А. Д. Каксина* (Ханты-Мансийск) – «О взаимодействии русского и обско-угорских языков в сфере топонимии (названия-гибриды)» и *С. Н. Бабий* (Тверь) – «Семантика ойконимов Андреапольского района Тверской области».

На секции «Этнонимика и антропонимика» было представлено 10 докладов. *М. А. Диарова* (Атырау, Казахстан) в докладе «Современная система именования казахов» остановилась на современных традициях употребления и образования казахских фамилий. Докладчиком был сделан вывод, что даже при постоянном обновлении репертуара имен и фамилий сохраняется общая национально-культурная специфика казахской антропонимии в целом, а корпус фамилий в связи с особой схемой образования не может быть исторически постоянным. *В. В. Приходько* (Ульяновск) в докладе «К интерпретации наименования ранних булгар в "Истории Армении" Моисея Хоренского» пришел к заключению, что эпизодическое упоминание названий ранних булгар в данном источнике не может служить основанием для однозначных выводов о происхождении этого народа, однако полученные данные указывают, что по крайней мере часть булгар могла сосуществовать с субстратным населением южного Памира. В выступлении *Г. С. Хазиевой* (Казань) была подчеркнута существующая с древнейших времен тесная взаимосвязь между именем и судьбой в антропонимиконах тюркских народов, проявляющаяся как в практике именования людей, так и в существующих пословицах, поговорках, афоризмах и поверьях. В докладе *И. М. Ганжиной* (Тверь) «Модификаты христианских личных имен с *к*-суффиксами в преднациональный период» подробно проанализировано образование квалитативных форм от полных и усеченных личных имен с помощью суффикса *-к(а, о)*, отмечены разновидности *к*-суффиксов. *Л. Ф. Осипова* (Альметьевск) в докладе «Фоносемантическое восприятие личных имен в татарском языке» отметила, что в восприятии татарских личных имен преобладают положительные признаки, т. е. имена характеризуются как хорошие, красивые, светлые и т. п. Кроме перечисленных, на секции прозвучали доклады *Н. С. Попова* (Йошкар-Ола) – «Православные имена в марийской интерпретации»; *В. М. Викторина* (Астрахань) – «Топонимы и экзо/эндо-субэтнонимы у «нугайских» татар-юртовцев вокруг г. Астрахани и кундров-

цев в дельтовом с. Тулугановка: переходные формы этнолингвокультурной традиции (сер. XVI – конец XIX в.)»; *В. Л. Васильева* (Великий Новгород) – «Нульформантная модель топоним = антропоним»; *А. А. Леонтьевой* (Чебоксары) – «Образование антропонимов при помощи чувашского аффикса *з*»; *К. С. Мочалкиной* (Волгоград) – «Мотивы псевдонимной номинации».

На секции «Периферийные разделы ономастики» наибольший интерес вызвал доклад *Т. П. Романовой* (Самара) «Отражение образа потребителя в российской прагматонимии». В нем были выделены основные способы репрезентации образа потребителя в рекламных именах, рассмотрена современная парадигма образов потребителя: образ лидера, идеальные образы мужчины и женщины, детские образы, образ молодого человека. Было отмечено, что в современной системе прагматонимов продолжают функционировать рекламные имена, отражающие систему ценностей советского периода. Кроме того, на секции были представлены доклады *Е. И. Сьяновой* (Санкт-Петербург) – «Сельская зоонимическая лексика как экспликатор культурных кодов (на материале говоров Воронежского Прихопёрья)»; *Е. А. Бурмистровой* (Волгоград) – «Структурные особенности артионимов»; *А. М. Емельяновой* (Уфа) – «Учет коммуникативных качеств в современной эргонимии (на примере анализа эргонимов г. Уфы с точки зрения выразительности речи)»; *И. И. Исангузиной* (Уфа) – «Проявление образной номинации в продуктах питания Республики Башкортостан»; *Н. А. Кичиковой* (Элиста) – «Катойконимы (названия жителей) Республики Калмыкия»; *Н. Г. Мордвиновой* (Чебоксары) – «Словесные товарные знаки (сложные слова) алкогольных напитков».

На секции «Литературная и фольклорная ономастика» интерес вызвали доклады *А. Н. Куклина* (Йошкар-Ола) и *Т. А. Сироткиной* (Пермь), посвященные этнолингвистической проблематике в художественном тексте. В докладе *А. Н. Куклина* «Топонимия в художественном мире Н. Игнатьева (этнолингвистический аспект)» рассмотрены вопросы этимологии ряда марийских названий, приведены примеры их употребления в произведениях Н. Игнатьева. *Т. А. Сироткина* (Пермь) в докладе «Этнонимикон романа Е. Туровой “Слезы лиственницы”» отметила существование в языке персонажей романа оппозиции «свой – чужой», обусловленной тем, что герои этого произведения, крестьяне-староверы, дистанцировались от окружающих. Не меньший интерес вызвал и доклад *И. А. Петровой* (Михайловка) «Антропонимическая составляющая прозы В. М. Шукшина», в котором была отмечена социальная обусловленность антропонимикона рассказов писателя, проанализированы особенности употребления различных антропонимических моделей именования. Бурную дискуссию вызвал доклад *Д. А. Салимовой* (Елабуга) «Елабужские топонимы как поэтонимы в рассказах Станислава Романовского», в котором были проанализированы топонимы и микротопонимы, встречающиеся в сборнике «Костер из тальника» С. Романовского. Докладчиком было подтверждено существование многих упоминающихся в этом произведении названий в реальной действительности, сделан вывод о необходимости их фиксации в научной литературе, словарях и справочниках. Также на секции были представлены сообщения *В. В. Бардаковой* (Волгоград) – «Номинация персонажей в природоведческих сказках»; *А. Р. Биктимировой* (Казань) – «Топонимика в песенных текстах»; *О. В. Гордеевой* (Пермь) – «Топонимы Поволжья в русском фольклоре Пермского края»; *Н. С. Колесник* (Черновцы, Украина) – «О специфике изучения фольклоронимов»; *Л. Н. Костяковой* (Коломна) – «Мотивированность имени в романе Б. Пильняка “Голый год”».

На заседании секции «Перевод и передача имен собственных» были представлены доклады: *Л. Г. Гулиевой* (Баку, Азербайджан) – «Статус русской топонимии Азербайджана на стыке веков»; *О. С. Смирновой* (Красноярск) – «“Свое” и “чужое” в эргонимии г. Красноярска»; *Е. П. Пановой* (Волгоград) – «Проблемы перевода и функционирования онимов в переводных художественных текстах для детей (на материале литературной английской сказки А. А. Милна “Вини-Пух и все, все, все…”)»; *О. В. Цехмистренко* (Черкассы, Украина) – «Проблемы передачи русских фамилий в условиях функционирования украинского языка»; *Л. Г. Хижняк* (Саратов) – «Была ли река *Медведица* медвежьей рекой?» и др.

18 сентября в здании Института финно-угроведения МарГУ состоялось заседание круглого стола «Волга в языках и культуре народов Урало-Поволжья», на котором были подведены итоги конференции, намечены перспективы дальнейших исследований в изучении ономастики Поволжья. Основным докладчиком на круглом столе выступил *М. В. Горбаневский*, остановившийся на задачах, стоящих перед ономатологами Урало-Поволжья. Участники круглого стола приняли резолюцию конференции, в которой выразили благодарность руководству Марийского государственного университета за организационную помощь при подготовке и проведении конференции, а также поддержали проект создания Межрегионального ономастического общества им. В. А. Никонова. На заседании было принято решение подготовить и издать пособие по спецкурсу для студентов-филологов высших учебных заведений «Введение в ономастику». На круглом столе было объявлено, что XII конференция по ономастике Поволжья состоится 14–16 сентября 2010 г. в Казани.

К открытию конференции был издан сборник материалов конференции, содержащий 60 заявленных докладов и сообщений (Ономастика Поволжья: Материалы XI Междунар. науч. конф. (Йошкар-Ола, 16–18 сентября 2008 г.) / Марийский гос. ун-т / Отв.ред. А. Н. Куклин. Йошкар-Ола, 2008. 308 с.).

Р. В. Разумов, канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка
Ярославского гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского

Краткая информация

В 2009 г. состоялись также следующие научные форумы – полностью или частично посвященные вопросам ономастики:

• **Международная ономастическая конференция «Антропонимия лемковщины в историческом аспекте» (27–29 апреля, Ужгород (Украина)).** Организатор: Ужгородский национальный университет и отдел ономастики Института украинского языка НАН. Адрес оргкомитета: кафедра словацкой филологии, Ужгородский национальный университет, вул. Університетьска, Ужгород, 88000, Украина, e-mail: epilobium@uzh.ukrtel.net.

• **Международная научно-практическая конференция «Стратегии исследования языковых единиц» (22–23 мая, Тверь).** Организатор: Тверской государственный университет. В числе вопросов для обсуждения – изучение ономастической лексики и апеллятивно-ономастического пограничья. Адрес оргкомитета: кафедра русского языка, ТвГУ, пр. Чайковского, 70, 170002, Тверь; e-mail: kafrus2001@mail.ru.

• **XIV Международный симпозиум славистов «Языки и литературы восточных славян в аспекте исторического развития» (28–29 мая, Зелена Гура (Польша)).** Организатор: Институт неофилологии Зеленогурского университета. В числе вопросов для обсуждения – имена собственные в восточнославянских языках. Адрес оргкомитета: Instytut Neofilologii Uniwersytet Zielonogórski, al. Wojska Polskiego 71a, 65-762 Zielona Góra; e-mail: sekretariat@ifw.uz.zgora.pl.

• **Международная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (8–12 сентября, Екатеринбург)**. Организаторы: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН, Уральский государственный университет им. А. М. Горького (кафедра русского языка и общего языкознания) при участии этнолингвистической комиссии при Международном комитете славистов.

В докладах исследователей из России и 10 стран ближнего и дальнего зарубежья рассматривался широкий спектр актуальных проблем этнолингвистики, ономастики, этимологии как общего, так и частного порядка. Особое внимание уделялось вопросам взаимодействия указанных областей языкознания – лингвокультурологическим аспектам ономастики, диалектологии и контактологии, этимологизации и семантической реконструкции нарицательных и собственных имен с опорой на этнолингвистическую информацию и др. Материалом для докладов послужили факты различных языков – в первую очередь русского и других славянских, а также романо-германских, финно-угорских, тюркских и др.

Адрес оргкомитета: 620000, Екатеринбург, ул. Ленина, 51, УрГУ, кафедра русского языка и общего языкознания, ком. 306; e-mail: fasmer@yandex.ru.

• **IV Чешская ономастическая конференция «Многообразие и специфика ономастики» (15–17 сентября, Острава (Чешская Республика))**. Организаторы: кафедра чешского языка философского факультета Остравского университета совместно с ономастической комиссией при Институте чешского языка АН Чешской Республики. Доклады были распределены по секциям в соответствии с основными разделами ономастики: теория и методология ономастики, топонимия, антропонимия, хрематонимия, литературная ономастика, ономастика и другие дисциплины (диалектология, корпусная лингвистика, история, география, этнография и др.). В рамках конференции состоялось заседание Ономастической комиссии. Программа конференции представлена на сайте: http://www.onomastics2009.ic.cz.

• **Международная научная конференция «Язык – текст – дискурс: традиции и инновации» (21–23 сентября, Самара)**. Организатор: кафедра русского языка Самарского государственного университета. В числе основных научных направлений и секций на конференции – современные аспекты изучения русской ономастики. Адрес оргкомитета: rusist@ssu.samara.ru.

• **Международная научная конференция «Славянская и балканская ономастика» (25–26 сентября, Велико Трново (Болгария))**, по случаю 70-летия проф., д-ра филол. наук Людвига Селимского . Организаторы: Великотрновский университет им. св. Кирилла и Мефодия, кафедра общей лингвистики и древнеболгарского языка, Центр болгарской ономастики им. проф. Николая Ковачева при ВТУ. Адрес оргкомитета: 5003, Велико Търново, ул. «Теодосий Търновски», № 2, ВТУ «Св. св. Кирил и Методий», Център по българска ономастика, e-mail: cbo_vtu@yahoo.com, mka@abv.bg.

• **Международная научно-практическая конференция «Проблемы изучения живого великорусского слова на рубеже тысячелетий» (30–31 октября, Воронеж)**. Организатор: Воронежский государственный педагогический университет, кафедра общего языкознания и методики преподавания русского языка. Одна из секций в программе конференции – «Сельский и городской ономастикон». Адрес оргкомитета: кафедра русского языка и методики преподавания русского языка, ВГПУ, ул. Ленина, 86, 394043, Воронеж; e-mail: koyaz@vspu.ac.ru.

РЕЦЕНЗИИ

Горпинич В. А. **Антропонимия древнегреческого языка. – Днепропетровск: ДПУ, 2006. – 333 с.**

Заявленная в рецензируемой книге тематика весьма актуальна: хотя античность интенсивно изучается в университетах и многие гуманитарные факультеты вводят в свои учебные планы курс древнегреческого языка, древнегреческая ономастика, и в частности антропонимия, остается вне сферы внимания, что существенно обедняет понимание древнегреческого текста, поскольку все собственные имена в нем воспринимаются скорее как экзотизмы и варваризмы, нежели как онимы, что еще больше увеличивает культурную дистанцию. Кроме того, греческая ономастика мало и редко исследуется в отечественной филологии, поэтому книга В. А. Горпинича вызывает неподдельный интерес.

Прочтение же вызывает целый ряд вопросов и возражений, прежде всего общелингвистического характера. Например, уже в разделе «От автора» обращает на себя внимание следующее утверждение: «Древнегреческий язык перед славянским имеет то преимущество, что он формировался одновременно с письменностью и поэтому фиксировал изначально образованный текст с собственными именами и названиями» (с. 4). Сомнительно, однако, что один язык может иметь преимущества перед другим и что древнегреческий язык формировался одновременно с письменностью. Она возникает на определенном этапе развития языка и далее, соответственно, нужно говорить об устной и письменной его формах, об их развитии и взаимовлиянии. Непонятно также, что такое «изначально образованный текст с собственными именами и названиями» и какова его особая связь с письменностью, тем более что собственные имена и названия в греческом языке (как и в других языках) необязательно имеют греческое происхождение.

Название первой главы «Древнегреческая ономастика» не вполне отвечает ее содержанию: большая часть ее (с. 6–14) посвящена изложению сведений, связь которых с предметом книги вызывает сомнения, и представляет собой никак не организованный набор из таблиц, карт и общих сведений по истории греческого языка, хорошо известных любому специалисту, при этом автор не поясняет, как нужно использовать все эти материалы для исследования древнегреческой антропонимии. Так, глава начинается копией перечня древнегреческих авторов, вошедших в «Древнегреческо-русский словарь» И. Х. Дворецкого (с. 6). Автор предваряет ее лишь кратким сообщением, что на основе этого словаря и «Греческо-русского словаря по Бензелеру» «сформирован корпус онимов для исследования» (там же), однако методика отбора материала не раскрыта, и приведенный перечень никак не помогает этому раскрытию. На следующей странице (вновь без каких бы то ни было предварительных замечаний) помещена таблица «Классический греческий и новогреческий алфавит» (источник, откуда она взята, не указан). Помимо того, что сама таблица вызывает много вопросов (особенно это касается той ее части, где помещен так называемый классический алфавит), совершенно непонятно, какое отношение эти алфавиты, а также приведенные

на с. 8–10 подробные карты Древней Греции (кстати, также скопированные из словаря И. Х. Дворецкого) имеют к основной теме исследования.

Сведения, помещенные под заголовком «Греческий язык и греческое письмо» (с. 11–14), также слабо связаны с предметом изучения. Чему, например, служит справка о распространении современного греческого языка в современном мире или краткая периодизация истории греческого языка, а также суперлаконичные заметки об изменениях его фонетической, грамматической и даже синтаксической систем, сопровождающиеся сведениями о формировании и развитии греческого письма? Думается, что все эти мозаичные сведения скорее мешают как автору, так и читателю пробиться к основной теме.

В последнем разделе первой главы «Предварительные замечания» (с. 15–19) уточняется, наконец, проблематика исследования. Однако и здесь мы встречаемся с рядом неожиданных положений. Прежде всего удивляет, что по замыслу автора книга обращена к читателям Греции, Италии, Франции, где «русский язык... пока более известен, чем украинский» (с. 15). Весьма туманным предстает и общий замысел книги (позволим себе развернутую цитату) «сквозь призму древнего языка, достаточно полно отраженного в письменных памятниках, в т. ч. художественных, посмотреть на другой, тоже древний, но бесписьменный, относящийся к общей семье, пракорни которых находились в одной и той же территориальной группировке, а при распаде ее оказались в разных, но смежных группах, подвергавшихся синхронно общим дивергентным процессам, сохраняя при этом черты родства. И посмотреть не непосредственно, потому что из-за отсутствия письменности в одном из них это невозможно, а опосредованно через древний письменный язык и один или несколько современных письменных языков на их предка – древний бесписьменный язык. Изучить реальные языковые явления письменного языка древнейшей эпохи и методом синхронных параллелей в ретроспективном плане предположить, что могло и чего не могло быть в структуре территориально, хронологически, генетически смежного бесписьменного языка» (там же). Глобальность поставленной задачи входит в явное противоречие с материалом, поскольку трудно ожидать, что, опираясь только на древнегреческую антропонимию, мы можем сделать значимые выводы о структуре другого языка, даже если это язык родственный и территориально смежный. К тому же остается загадкой суть «метода синхронных параллелей в ретроспективном плане», которым предполагает руководствоваться автор.

Даже обращаясь уже непосредственно к ономастикону, автор продолжает ставить всеобъемлющие задачи, исследовать все сразу. Ср.: «В нашей книге ономастикон древнегреческого языка изучается с экскурсом в ономастиконы отдельных ныне функционирующих славянских языков, чтобы при помощи хронологически зафиксированного ономастикона древнегреческого языка воскресить относительную хронологию ономастических, а при их помощи и некоторых общеязыковых явлений и процессов праславянского и отдельных славянских языков» (с. 18). Возможно ли это? Ведь многообразие проблем, целей и задач, интересующих автора, трудно и дифференцировать, и подсчитать. Ономастикон древнегреческого языка (тем более I тыс. до н. э.) уместнее изучать без всякой оглядки на славянские ономастиконы, поскольку формирование древнегреческого ономастикона – это одна проблема, а славянского (и славянских) – другая, и их невозможно объединить в рамках одного исследования (что, естественно, и не сделано в книге).

Автор неоднократно подчеркивает, что ономастикон древнегреческого языка «хронологически зафиксирован» (см., например, с. 18). Как это следует понимать? Установить точную дату возникновения древнего слова или имени невозможно. Применительно к древним языкам трудно говорить даже о времени первой фиксации, так как состояние источников, как правило, не позволяет судить об этом. Тем более трудно представить себе полный и целостный антропонимический корпус древнегреческого языка только на основании материала выбранных В. А. Горпиничем словарей Дворецкого и Бензелера. Здесь требуются еще и специальные словари, в частности *W. Papes*. Handwörterbuch der griechischen Sprache in 4 Bänden. Dritter Band. Wörterbuch den griechischen Eigennamen. Vierten Ausdruck. Braunschweig, 1911

(в переработке этого издания, кстати, принимал участие и д-р Бензелер), а также *P. Chantraine.* Dictionaire etymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968–1977. Очевидно, нужно использовать и эпиграфические источники, по крайней мере, индексы к изданиям.

Автор пишет, что в своем исследовании он предполагает описать семантику этимонов личных имен и структуру ойконимов, словообразовательные средства и способы создания топонимов, адъектонимов и катойконимов с соответствующими экскурсами в украинский язык (с. 19). Подобная всеохватность лишает книгу конкретной проблематики, а зачем нужны экскурсы в украинский язык, вовсе непонятно.

Вызывает возражение и метод этимологизации собственных имен греческого языка: хотя автор взял на себя труд исследовать «все и вся», но ограничивается древнегреческой основой, «данные других языков не привлекались». Однако ни один язык не может быть объяснен только из самого себя.

Вторая глава «Древнегреческая антропонимия» (с. 20–26) вновь начинается с «Введения» (хотя странно видеть введение не в начале исследования), и здесь мы узнаем, что автор собирается исследовать и славянскую антропонимию и особенно его интересует ономастикон праславянского языка, не имеющего письменности (с. 21). Не следовало ли посвященную именно этому книгу назвать по-другому?

Впрочем, сам В. А. Горпинич понимает глобальность поставленных им задач и признается, что намерен ограничиться описанием состава древнегреческой антропонимии и сопоставлением ее со славянской, прежде всего украинской (с. 22). Таким образом, метод параллельного сопоставления на общем синхронном срезе (с. 15) на деле оборачивается попыткой соотнести два совершенно разных синхронных среза: древний и современный. Заметим, впрочем, что сравнение с украинским языком проводится фрагментарно и либо касается универсалий (например, на с. 49 автор обнаруживает, что украинский и древнегреческий антропонимикон сближает наличие прозвищ – но прозвища есть в ономастиконе практически любого языка), либо носит случайный характер (например, на с. 261 отмечается, что суффикс *-ин(а)* встречается как в древнегреческих женских именах типа *Евфросина*, так и в украинских именах *Енгельсина* и *Марксина*; на с. 27 сопоставляются украинский формант *-о* в именах типа *Сашко* и греческий *-ю* в женских именах), не отражая существенных свойств ни древнегреческой, ни славянской ономастики.

Вызывает возражения и декларируемая автором схема историко-словообразовательного комментария: «антропоним, т. е. личное имя; потом: общая характеристика его носителя (какого? – *И. Л.*) и имя автора, в произведениях которого оно употребляется; фонетические варианты имени; диалектные варианты имени (интересно, откуда они берутся, если, как правило, отсутствуют в словарях Дворецкого и Бензелера? – *И. Л.*); этимология имени; особенности его образования; параллельные словообразовательные формы в украинском, русском и других славянских языках (если имеются); производные дериваты анализируемого личного имени» (с. 22–23). Разноголосица подаваемых сведений мешает единству исследования. «Параллельные словообразовательные формы» только отвлекают, а что такое «производные дериваты», наверное, стоило бы пояснить.

В параграфе под названием «Собственные имена» (с. 23–24) автор на основе книги Н. В. Подольской «Словарь русской ономастической терминологии» (М., 1988) объясняет читателю, что такое собственное имя и дает краткую классификацию онимов. Для данного исследования эта информация кажется излишней, при этом удивляет наличие термина *хромоним* для обозначения собственного имени любой территории (вероятно, это одна из многочисленных опечаток в словаре Н. В. Подольской, на который ссылается автор, – речь идет о *хорониме*).

Этимологии, которые автор дает достаточно бессистемно и произвольно, нуждаются в проверке по указанным словарям Раре и Шантрена. Отметим лишь одну явную ошибку, хотя список наших несогласий с автором очень велик: имя *Ακροτατος* вряд ли означает «отличный отец» (с. 110), но представляет собой превосходную степень от прилагательного *ακρος* ‘высший, верхний; наилучший, превосходный’.

Словники имен нуждаются, на наш взгляд, в структурализации и выделении собственно антропонимов, принадлежащих грекам. Так в словнике мужских имен мы встречаем теонимы (*Απολλων*, *Βακχος*, *Βορεας*, *Ζευς*), культовые эпитеты (*Ζαγρευς*, *Φοιβος*), имена многочисленных мифологических персонажей, часто просто свойственных греческой мифологии персонифицированных натурфилософских абстракций (*Φοβος*, *Υμεναιος*, *Αιθηρ*, *Τυφων*), а также имена персидских вельмож (*Αριοβαρζανης*, *Αρταξερξης*), пунийцев (*Αμιλκας* – Гамилькар, *Αννιβας* – Ганнибал), римлян (*Καισαρ*, *Κικερων*), египтян (*Χεοψ*, *Οσιρις*, *Σαβαζιος*) и даже *Ιεροσολυμος*, *Χριστος*, *Ψευδοχριστος*.

Рассмотрение гипокористических имен (с. 27–30), очень трудных для исследования, так как многие стилистические нюансы антропонимической прагматики древних языков сейчас утеряны, тоже пестрит ошибками и недоговоренностями. Так, *Τριτω*, скорее всего, не гипокористика, а пароним к *Τριτογενεια* (о том, что это морфемные варианты, пишет и сам автор на с. 29 [ср. также: Pape, *1554*]). Хотя некоторые исследователи допускают, что *Δηω* может быть гипокористической формой к *Δημητηρ*, Любкер рассматривает эту форму как культовый эпитет со значением ‘ищущая’ [Любкер, *381*]. *Αντιγονη* не имеет сокращенной формы имени *Γονατας* (с. 28), так что аферезы здесь нет, и *Αντιγονος Γονατας* (т. е. «с железным наколенником») – это совсем другое лицо, сын Димитрия Полиоркета.

В разделе «Типы личных имен по мотивам номинации» (с. 30–36) не совсем ясны принципы классификации. Так, на наш взгляд, к теофорным именам должны относиться антропонимы, связанные не только со словом *θεος*, но и с именами языческих божеств. Кроме того, в онимах типа *Προμηθευς*, *Ευρυσθευς*, *Πενθευς* уместно выделять не основу *θεος*, а суффикс *nomina agentis -ευς*. В то же время деминутивные суффиксы выделены правильно и приведенные на с. 35 примеры весьма интересны.

Раздел «Зоонимы» (с. 37–40), пожалуй, самый неожиданный в книге, посвященной антропонимии, и уж совершенно поражает определение этого вида онимов: «зоонимы – вид ойконимов» (с. 37). Что касается самого анализируемого материала, то следует заметить, что мыши и лягушки – персонажи комической поэмы «Война мышей и лягушек», пародирующей героический эпос, в этом контексте их и надо рассматривать. Внутренняя форма имен мышей и лягушек понятна и очевидна, это композиты, имитирующие торжественный стиль эпических эпитетов.

Краткий раздел о патронимах и матронимах (с. 41–43), очевидно, не претендует на исследование всего материала. В целом он не вызывает возражений. То же надо сказать и о разделе «Андронимы и андрономы» (с. 43). Глава же « П р о з в и щ а » (с. 43–50) вновь демонстрирует хаотический подбор материала, по крайней мере половина которого – культовые эпитеты богов, и вряд ли они могут быть квалифицированы как «прозвища». Здесь немало явных неточностей. Так, например, прозвище Деметрия не *Πολυ̲ορκητης*, а *Πολιορκητης*, и означает оно, соответственно, не «многоклятвенный» (с. 48), а «осаждающий города». Что касается антропонимов *Ленин* и *Сталин*, то вряд ли это «прозвища» В. Ульянова и И. Джугашвили (с. 49), не говоря уже о том, что совершенно непонятно, каким образом эти антропонимические факты могут помочь в изучении праславянского ономастикона.

Один из значимых разделов второй главы – «Деривационные возможности личных имен» (с. 50–65). На основе личных имен, как пишет автор, «формировались названия городов и других географических объектов (гидронимов, оронимов), храмов, празднеств, конкретных предметов, абстрактных понятий, действий, частей тела человека, потомков, женщин, мужчин и т. д. Деривационные возможности не зависят ни от структуры, ни от этимологического значения имени. Они обусловлены исключительно экстралингвальными факторами» (с. 50). Вероятно, на эту тему могло бы быть написано самостоятельное развернутое исследование, однако почти весь материал главы представлен теонимами и личными именами людей, включенными в «онимную парадигму» концепта «Всевышний. Творец мира» (лексема *Θεος* ‘бог’). Учитывая, что автор анализирует целое тысячелетие в истории греческого языка, было бы интересно узнать, к какому времени относится данный концепт.

Вызывает сомнение рубрика «Названия отантропонимических абстрактных понятий» (с. 59). Среди приведенных автором лексем нет ни одного абстрактного понятия: гомеровское *Δολωνεια* значит не «убийство Долона», а просто «о Долоне»; *αδωνιασμος* как «плач по Адонису» тоже имеет предельно конкретное значение и т. д. В этой же главе говорится об образовании личных имен от топонимов и этнонимов, что описывает процессы, диаметрально противоположные указанным в начале главы.

Мужские и женские древнегреческие имена рассматриваются отдельно в двух последних главах книги. В каждой из глав представлены словники имен, в остальном структура глав несколько различается.

В главе «Мужские личные имена» (МЛИ) особый раздел посвящен фонематической и морфемной структуре этих имен (с. 81–94). Правда, утверждение, что «в период с XXV в. по I в. до н. э. все слова праславянского языка оканчивались гласными звуками (действие закона открытого слога)», заставляет размышлять скорее о хронологии, нежели о фонологии. К сожалению, автор ограничивается общей фонетической характеристикой греческого слова, поэтому непонятно, есть ли фонетическая специфика у антропонимов и в чем она заключается. Вызывает недоумение то, что во всех списках мужских личных имен, приводимых в анализируемой главе, присутствуют имена, негреческое происхождение которых очевидно: *Καισαρ*, *Χεοψ*, *Μιθρας*, *Ισαιος* и т. д. Сосредоточенность автора на характеристике финалей морфологических основ, по-видимому, обусловлена влиянием работ Ю. Н. Откупщикова, но вокализм, акцентуация, какие-либо сравнения с апеллятивной лексикой отсутствуют полностью.

Раздел «Композиты мужских личных имен» (с. 94–102) нуждается в тщательной сверке с авторитетными словарями и справочниками. Так, формант *-ταιος* в именах *Αμυρταιος*, *Αρισταιος*, *Εκαταιος* не связан со словом *θεος* (с. 102), но в каждом приведенном случае должен квалифицироваться особо; в имени *Στεφανος* безусловно нет корня *φανης* (там же) и т. п.

Страдает невыверенностью и раздел «Словообразовательная и этимологическая структура МЛИ» (с. 103–231). Очень жаль, что автор не ознакомился со словарем Pape, который содержит много сведений, необходимых для данного исследования. Целесообразность сопоставления с украинскими онимами вызывает большие сомнения, потому что нет единого критерия сопоставления, который объединил бы весь материал.

Все сказанное относится и к главе о женских личных именах (с. 240–304). Не хотелось бы приводить многочисленные примеры неточностей и ошибок, в этом разделе есть и интересные наблюдения, но глобальность поставленных автором проблем, дробность структуры, скороговорка в изложении мешают отчетливо структурировать материал и описывать его.

Общие выводы также вызывают много вопросов. На с. 314 мы читаем основной итог работы: «Изучение праславянской языческой (дохристианской) антропонимии методом диахронических параллелей древнегреческого и украинского языков подтвердило: 1) реальную возможность плодотворного применения сопоставительного метода при исследовании неродственных диахронно разнородных языков одной семьи “по вертикали”; 2) достоверный характер относительной хронологии антропонимических явлений праславянской эпохи; 3) объективность выводов о самобытном характере праславянской антропонимии, полученной в наследство от протопраславянской этноязыковой общности; 4) большую вероятность предположения о том, что корни древнегреческого и праславянского языков восходят в конечном итоге к разным диалектам индоевропейского языка». Отсюда читатель с изумлением узнает, что, оказывается, автор исследовал вовсе не древнегреческую, а праславянскую языческую (дохристианскую) антропонимию; суть сопоставительного метода при исследовании неродственных диахронно разнородных языков так и осталась нераскрытой, относительная хронология антропонимических явлений праславянской эпохи в работе не исследовалась, неясно также, какие именно явления имеются в виду, но зато праславянская антропонимия, тем более полученная в наследство от протопраславянской этноязыковой общности, безус-

ловно, самобытна, и наконец-то рассеялись последние сомнения в том, что корни древнегреческого и праславянского языков восходят к разным диалектам индоевропейского языка. Но этнолингвистическое своеобразие древнегреческой антропонимии по-прежнему ждет своего описания.

Реальный словарь классических древностей по Любкеру. СПб., 1885.
Papes W. Handwörterbuch der griechischen Sprache in 4 Bänden. Dritter Band. Wörterbuch den griechischen Eigennamen. Vierten Ausdruck. Braunschweig, 1911.

И. А. Летова, старш. преп. кафедры древнерусской литературы
и фольклора Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького (Екатеринбург)

***Скуридина С. А.* Поэтика имени у Ф. М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). – Воронеж: «Научная книга», 2007. – 302 с.**

Книга С. А. Скуридиной «Поэтика имени у Ф. М. Достоевского» написана в русле литературной ономастики, науки, изучающей функционирование собственных имен в художественном тексте. В разделе «К истории изучения поэтики имени», открывающем книгу, читателям предлагается краткий обзор развития литературной ономастики на пути становления ее в качестве комплексной филологической дисциплины – от первых попыток истолковать то или иное имя в разных произведениях русской литературы до современного ее состояния. Уже по этой небольшой, но достаточно емкой главе видно, что исследовательница основательно изучила историю вопроса. Примечательно, что С. А. Скуридина характеризует не только этапы развития литературной ономастики, но также рассматривает взгляды и идеи писателей и литературных критиков, чья рефлексия над мотивами выбора писателями имен для своих героев оказала немалое влияние на формирование этой дисциплины (М. В. Ломоносов, В. Г. Белинский, Н. С. Лесков и др.).

Во второй главе «Аспекты изучения ономастики Ф. М. Достоевского» автор книги сосредоточивает внимание на степени изученности онимии в произведениях Ф. М. Достоевского. С. А. Скуридиной учтены точки зрения многих ученых, так или иначе занимавшихся анализом имен собственных в произведениях Ф. М. Достоевского, на статус проприальной лексики в творчестве писателя. Здесь автор книги наглядно демонстрирует свою компетенцию, охватив широкий круг работ разнообразной тематики, общей для которых является интерпретация тех или иных онимов у Достоевского, выступающая в качестве средства исследования его поэтики. С. А. Скуридина приходит к обоснованному выводу, что учеными более или менее подробно рассматривались прежде всего имена главных героев, а также отдельные топонимы, маркирующие место действия его произведений. При этом анализировалась онимия лишь нескольких, наиболее известных романов писателя, таких как «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Бесы». С. А. Скуридина, констатируя явно неоднородный характер изученности ономастикона произведений писателя, утверждает важность полного и системного исследования онимов в том или ином произведении.

Руководствуясь принципом целостного подхода, исследовательница делает попытку проанализировать собственные имена в двух романах Ф. М. Достоевского «Подросток» и «Бра-

тья Карамазовы». Этому анализу посвящена значительная часть ее книги. Автор объединяет поэтонимы в смысловые блоки в соответствии с разрядами обозначаемых ими объектов художественного мира. В частности, исследовательница выделяет антропонимы, топонимы, зоонимы. В главе «Культурно-ономастическое пространство романов» С. А. Скуридина говорит также о мифонимах, встретившихся в двух романах, об упоминаемых названиях различных литературных произведений и о наименованиях периодических изданий. Антропонимы, которые оказались наиболее многочисленным разрядом, подразделяются ею на отдельные группы на основании принадлежности номинируемых персонажей к тому или иному социальному слою (дворянские антропонимы, купеческие антропонимы, наименования мещан и т. д.). Таким расположением материала автор рецензируемой работы добивается того, что в собственных именах высвечивается прежде всего их социальный колорит, используемый писателем в качестве приема для ономастической характеристики носителей этих имен. Впрочем, рассматриваются онимы и в аспекте отражения ими определенных личностных характеристик персонажей, и в аспекте участия их в выражении концептуального плана текста.

Безусловно, можно приветствовать попытку автора максимально полно проанализировать ономастиконы обоих произведений. С. А. Скуридиной, без сомнения, проделана большая работа по сбору, обработке и представлению материала. К большинству антропонимов даны справки, объясняющие этимологию имен, поскольку внутренняя форма собственных имен нередко получает у Достоевского художественную значимость. Часто в процессе анализа автором монографии привлекаются различные документальные источники: черновики романов, материалы из переписки Ф. М. Достоевского, его воспоминания, а также воспоминания его современников. Во многих случаях это помогает выяснить историю создания онима, проследить, как автор подбирал персонажу имя, пробуя разные варианты, и какие мотивы руководили им при использовании того или иного варианта поэтонима. Привлечение элементов текстологического комментария, несомненно, является достоинством рецензируемой книги.

К достоинствам книги можно также отнести понятный, не перегруженный специальной терминологией и вполне доступный читателю-неспециалисту язык, на котором она написана. Это расширяет круг читателей, которым может быть интересна данная монография.

Отметив достоинства книги, стоит остановиться и на ее недостатках. В книге имеются, на наш взгляд, своеобразные «белые пятна». Так, у читателя не могут не возникнуть закономерные вопросы: почему ономастика именно этих двух произведений избрана автором для анализа? Какие связи между ономастиконами данных романов обнаруживает исследовательница? Никаких разъяснений по этому поводу в работе С. А. Скуридиной найти нам не удалось. Между тем рассмотренные романы очень различны во многих отношениях, в том числе и с точки зрения функционирующей в них поэтонимии. Разной является и степень изученности этих произведений. Если к роману «Братья Карамазовы», являющемуся по общему признанию шедевром писателя, в известной степени вершиной его творчества, неоднократно обращались многие исследователи, анализировавшие в том числе и отдельные собственные имена этого произведения, то роман «Подросток», достаточно неровный в художественном отношении, привлекал внимание филологов, и в частности ономатологов, намного реже. Выбор для анализа онимии не одного, а сразу двух романов, как нам кажется, предполагает обнаружение между ономастическими системами этих произведений некоторых корреляций. Так как эти корреляции могли бы быть обнаружены лишь путем сопоставления ономастических единиц того и другого текста, логичным было бы предположить, что исследовательница собирается сравнить в ономастическом аспекте два романа. Однако собственно сопоставления ономастических систем двух произведений читатель на страницах книги не находит. Ономастиконы обоих романов рассматриваются исследовательницей как изолированные друг от друга, не образующие каких-либо взаимосвязей явления. Сопоставительный аспект проявляется в какой-то мере лишь в одной главе («Хронотопность ономасти-

ки романов “Братья Карамазовы” и “Подросток”»), где С. А. Скуридина говорит о двух разных типах пространственно-временной организации данных произведений. В романе «Подросток» она отмечает в качестве основного городской хронотоп, в «Братьях Карамазовых» – провинциальный. Во всех остальных главах работы поэтонимы, извлеченные из двух романов, приведены независимо друг от друга, без каких-либо выводов об их сходстве или различии. В результате невольно складывается впечатление о совершенно произвольном и механистическом объединении разных ономастических систем, произведенном без четко осознанной цели, а это, конечно, вполне способно поколебать доверие к выкладкам автора. Думается, какой бы ни была основа для объединения в рамках одного объекта исследования ономастиконов двух романов, эта основа должна быть полностью эксплицирована для читателя, так как она имеет серьезное методологическое значение и в большой мере определяет установки читателя.

Другим недостатком книги С. А. Скуридиной, отчасти связанным с первым, является, на наш взгляд, отсутствие четкого изложения методологии исследования онимов. В монографии явно не хватает главы, посвященной описанию тех методов и приемов, которые используются автором при анализе онимов. В большинстве случаев исследовательница, описывая онимы, выделяет в их составе ряд смыслов, но, по сути, не объясняет, почему именно эти смыслы она считает важными и значимыми и посредством каких процедур они извлечены. Складывается впечатление о произвольном характере выявления этих смыслов, усиливающееся позицией автора по отношению к привлекаемым в ходе анализа материалам других исследований. Дело в том, что этот очень пестрый, разнообразный в методологическом отношении материал, извлеченный из работ русских и зарубежных филологов, насыщенный различной аргументацией, демонстрирует очень разные подходы к анализу собственных имен в художественном тексте. Автор, однако, избегает попыток как-либо характеризовать, оценивать эти подходы в методологическом или каком-либо еще аспекте. Вот эта излишняя, как нам кажется, робость в изложении собственного отношения к сделанному предшественниками и в открытой демонстрации методов и приемов собственного исследования мешает читателю с полным доверием отнестись к результатам, полученным в ходе анализа.

Не в последнюю очередь это связано также с тем, что С. А. Скуридина уделяет недостаточно внимания тем контекстам, в которых функционирует имя собственное. Вступая в синтагматические и парадигматические связи с другими элементами художественного текста, поэтоним в результате этого взаимодействия начинает формировать новые смыслы, порой очень важные для понимания общей концепции произведения. Поэтому, на наш взгляд, при исследовании литературного онима совершенно необходимо обращать внимание на его функционирование в лингвистических контекстах различного типа – от формулы имени как особого типа микротекста до миниконтекста фразы и, наконец, до контекста всего произведения. С. А. Скуридина, напротив, в своей работе нередко извлекает имя из принадлежащих ему и проявляющих его смысловую структуру контекстов и, обрывая его синтагматические связи, анализирует поэтоним в этом искусственно изолированном и потому обедненном состоянии.

Вместе с тем следует признать, что и при наличии указанных недостатков книга С. А. Скуридиной вносит немалый вклад в изучение ономастического творчества великого русского писателя. Можно с уверенностью сказать, что для любого читателя, интересующегося проблемой выявления смыслов имени в художественном тексте вообще и в произведениях Достоевского в частности, книга С. А. Скуридиной не останется незамеченной.

С. С. Плотников, студент IV курса филол. фак-та
Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького (Екатеринбург)

КНИЖНАЯ ПОЛКА*

2006

Географические названия Республики Бурятия: Топонимический словарь / Сост. И. А. Дамбуев, Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – 241 с.

Настоящий словарь – первое собрание топонимов, функционирующих на территории Бурятии. В него вошло более 3 тыс. ойконимов, гидронимов, оронимов и микротопонимов, извлеченных из картографических источников и полевых материалов диалектологических экспедиций, а также из сведений, полученных на основе анкеты, проведенной среди учителей школ республики.

Каждая словарная статья содержит информацию о географической привязке называемого объекта, исторические и этимологические комментарии к топониму; есть указания на варианты именования. К сожалению, сами топонимы поданы без указания ударения. Во введении приведен список наиболее частотных топоформантов (русских, бурятских и эвенкийских).

Словарь интересен как для ономатологов, так и для всех, кто интересуется историей и культурой Бурятии.

М. Э. Рут

***Лазарева А. А., Шулунова Л. В.* Типология номинации. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – 147 с.**

Несмотря на общую постановку вопроса, отразившуюся в заглавии, книга посвящена только именам собственным: в трех главах исследования последовательно рассматриваются их лексико-семантические, структурно-семантические и лексико-этнографические особенности. В главе первой выстраиваются лексико-семантические поля онимов и дается их мотивационная характеристика, во второй дается описание типовых структурных моделей антропонимов и топонимов, в третьей отобраны факты отражения этнокультурной информации в именах собственных. Материалом исследования послужили бурятские и китайские онимы (антропонимы и топонимы). Сопоставляя данные двух языков, авторы приходят к выводу о типологическом сходстве их ономастических систем.

Небесспорная в теоретическом плане, книга содержит богатый фактический материал, который может послужить хорошей основой для дальнейшего сопоставительного изучения ономастики двух контактирующих языков.

М. Э. Рут

---

* Аннотации составлены студентами и сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания Уральского госуниверситета им. А. М. Горького (Екатеринбург), а также канд. филол. наук, доц. Дагестанского госуниверситета М. Р. Багомедовым (Махачкала); кроме того, использовалась информация из Интернет-ресурсов (сайтов книжных магазинов и издательств).

***Мезенка Г. М., Ляшкевіч В. М., Семянькова Г. К.* Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць. – Віцебск: Выдавецтва УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2006. – 238 с.**

В коллективном труде белорусских авторов впервые исследуется современное состояние и формирование антропонимикона (личных имен и прозвищ) жителей Витебщины XVI–XXI вв. Работа выполнена в рамках комплексной научно-исследовательской программы «Язык и культура Белорусского Поозерья: прошлое и современность».

Основной корпус материала извлечен из памятников письменности, хранящихся в государственных архивах Минска, Витебска, Полоцка, Орши, Вильнюса и некоторых других городов, а также в РГАДА и Военно-историческом архиве (Москва), отделах рукописей библиотеки Вильнюсского госуниверситета и Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

Книга состоит из трех глав. В первой главе – «Личные имена в истории Витебщины» – анализируются зафиксированные на исследуемой территории в XVI–XVIII вв. мужские и женские имена с точки зрения их происхождения и словообразовательных особенностей, а также частотности; кроме того, описывается современное состояние антропонимикона белорусов (и более подробно двух городов – Витебска и Полоцка), с указанием не только частотности имен, но и их «эстетико-этической» характеристики, выявленой в результате опроса студентов Витебского госуниверситета им. П. М. Машерова. Во второй главе описываются различные формулы именования мужчин и женщин (двух-, трех-, четырех- и даже пятикомпонентные) в памятниках деловой письменности Витебщины XVI–XVIII вв. Объект изучения в третьей главе – прозвища жителей Витебской области, рассмотренные в словообразовательном, семантическом и лингвогеографическом аспектах.

Л. А. Феоктистова

***Смольников С. Н., Яцкевич Л. Г.* На золотом пороге немеркнущих времен: Поэтика имен собственных в произведениях Н. Клюева. – Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2006. – 292 с.**

В книге рассматривается поэтика имен собственных в произведениях Н. А. Клюева как особая система в ее историко-культурном и географическом освещении. Изучаются способы образной семантизации, искусственные и естественные именования, прецедентность имен, их отношения и связи в тексте, а также контекстные связи. Исследуется полный словарь топонимов и этнонимов творчества Н. А. Клюева, а также теонимы, антропонимы и мифонимы, частотность их употребления, культурная значимость. Представлены общие тенденции и функции онимов клюевской поэтики, их ассоциативно-образные пласты и источники. В приложении даются «Алфавитный частотный указатель имен собственных в поэзии Н. А. Клюева» и «Список имен собственных в поэзии Н. А. Клюева по убыванию частоты».

Адресуется филологам, студентам, преподавателям, школьным учителям, специалистам в области ономастики, а также всем любителям поэзии Н. А. Клюева.

Н. Т. Закирова

***Rzetelska-Feleszko E.* W świecie nazw własnych. – Warzawa; Kraków Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2006. – 250 s.**

Книга Эвы Жетельски-Фелешко «В мире имен собственных» – первая подобного рода интересная попытка взглянуть на существующие достижения польской (и не только польской) ономастики с культурологических позиций. Э. Жетельская-Фелешко с некоторого времени заинтересовалась новым в языкознании исследовательским направлением и стала размышлять над культурной мотивацией имен, а также над содержащейся в них информацией из области широко понимаемой культуры. О многообразии и разнообразии затрагиваемых вопросов свидетельствуют названия отдельных разделов, в том числе: «Имена на шкале ценностей», «Имена как символы большой и малой родины», «Имена как указатели направления», «Торговля в городе, или о названиях магазинов и фирм», «Очеловечивание собак (и кошек)» и др.

Из рец. проф. Г. Поповски-Таборски
(опубл. на 4-й стр. обложки книги)

2007

История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. / Отв. ред. С. Н. Смольников. – Вологда: Вологод. гос. пед. ун-т, 2007. – 156 с.

Сборник включает в себя работы по истории специальной лексики и ономастики и состоит из двух разделов. Раздел, посвященный истории русской ономастики, включает статьи представителей Вологодской ономастической школы. Исследования основаны на материалах памятников письменности Северной Руси XIV–XVII вв. В поле зрения ономатологов оказались древние топонимы (*Е. Н. Варникова*, *Е. Н. Иванова*) и антропонимы (*Ю. И. Чайкина*, *Н. С. Дьякова*, *Н. В. Комлева*, *О. Е. Афанасьева*). В сборник включена также статья *Л. Г. Яцкевич*, посвященная модальной транспозиции имен нарицательных и собственных в творчестве поэта XX в. С. С. Бехтеева.

Я. А. Борисова

Ковалев Г. Ф. **Микротопонимия Воронежской области. Словарь. – Воронеж: Артефакт, 2007. – 408 с.**

Книга представляет собой первый том Ономастической энциклопедии Воронежской области. Автором предпринята попытка *captare temporis momenta*: дать описание исчезающего материала, пока живы носители микротопонимов. Основной задачей, решение которой представлено в издании, является лексикографическая интерпретация топонимического материала в историко-этимологическом, ономасиологическом (большинство микротопонимов сопровождаются объяснением их происхождения), функциональном аспектах (приводятся примеры употребления микротопонимов в речи местных жителей, а также их трактовки происхождения имен). В общей сложности словарь содержит около шести тысяч названий, включающих в себя названия рек и озер, улиц и сел, лесов и садов.

Книга будет полезна ономатологам, историкам данной территории, краеведам.

К. А. Гейн, *А. А. Соснина*

Маршева Л. И. **Топонимические типы в русских народных говорах. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2007. – 235 с.**

Монография представляет разработку типологии топонимов на материале топонимии Липецкой области. Под топонимическим типом автор понимает «имеющую синхронно-диахронную природу и абстрагированную от конкретных лексических единиц семантико-формальную схему построения географических названий, которые характеризуются следующими признаками: а) общностью словообразовательного значения; б) видовым единством формата».

В книге рассматриваются номинативные и структурно-словообразовательные типы топонимов и микротопонимов Липецкой области, а также семантические и словообразовательные возможности географических апеллятивов в процессе топонимизации. Отдельная глава посвящена некоторым морфологическим особенностям географических именований в говорах Липецкой области.

М. В. Мелехина

Матвеев А. К. **Географические названия Свердловской области: Топонимический словарь. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2007. – 256 с.**

Топонимический словарь включает названия практически всех значимых географических объектов (населенных пунктов, гор, рек и озер) области, в качестве примеров могут приводиться и факты микротопонимии. Каждый топоним сопровождается сведениями о расположении объекта, а также развернутой историко-этимологической справкой.

Стиль изложения отличается ясностью и простотой. Автор отмечает, что стремился по возможности не употреблять специальные термины, но поскольку обойтись совсем без них трудно, словарь снабжен разделом «Лингвистические термины».

Это уже второе издание словаря, первое вышло тиражом всего 100 экземпляров (Екатеринбург: Уральское литературное агентство. 2000), поэтому только сейчас впервые с ним может познакомиться по-настоящему широкий круг читателей: ономатологов, историков, краеведов.

Е. О. Борисова

Неврова Т. И. **Региональный словарь лично-индивидуальных прозвищ Верховского района Орловской области / Науч. ред. Т. В. Бахвалова. – Орел: ОГУ, Полиграф. фирма «Картуш», 2007. – 96 с.**

В данном словаре представлено около двух тысяч индивидуальных прозвищ жителей Верховского района Орловской области. По жанру словарь можно определить как мотивационный, поскольку именно информация о мотивировке прозвища в том виде, как она представлена в сознании диалектоносителей, является его главным содержанием. Собранные прозвища интересны не только отражением в них особенностей традиционной культуры народа, но и фактами включения в них знаний о реалиях современной жизни.

Е. К. Плеханова

Полякова Е. Н. **Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2007. – 420 с.**

Данный словарь уникален вдвойне: он отражает употребление географических терминов в живой разговорной речи и в нем современные материалы сочетаются с историческими данными XVI–XVIII вв.

Словарь содержит более 1,5 тыс. географических терминов, каждый из которых рассматривается в отдельной словарной статье. Приводятся богатые иллюстрации, демонстрирующие употребление терминов в речи, дается этимологическая справка, указываются образованные от географических терминов топонимы.

Словарь предназначен для лингвистов, краеведов и всех, кто интересуется историей Пермского края.

А. В. Шевченко

Полякова Е. Н. **Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков. – Пермь: Издательский дом Бывальцева, 2007. – 264 с.**

Эта книга – первый опыт исторического словаря имен жителей одного из регионов России. Антропонимы подаются в словаре в том виде, в каком они зафиксированы в памятниках письменности. В словаре представлено более 1 900 словарных статей, посвященных как календарным, так и некалендарным личным именам пермяков.

В словарной статье на каждое имя помещены сведения о его происхождении, о связях некалендарных имен с нарицательными словами, а также отрывки из пермских памятников XVI–XVIII вв., указывающие время и место фиксации имени, его системные связи.

В качестве приложения к словарю дается список зафиксированных в памятниках имен людей других религий с указанием их национальности (фиксация этих имен представляет интерес для тюркологов и финно-угроведов).

Словарь рекомендуется научным работникам, преподавателям, студентам, школьникам, краеведам, а также всем интересующимся ономастикой Прикамья и историей русского языка.

О. Д. Сурикова

Antroponimia Polski od XVI do końca XVIII wieku: Wybór artykułów hasłowych oraz wykazy nazwisk wraz z chronologją i geografią. T. I. A–G / Pod red. A. Cieślikowej. – Kraków: Wydawnistwo LEXIS. 2007. – 580 s.

В словаре «Антропонимия Польши с XVI до конца XVIII в.» рассматриваются образованные от антропонимов фамилии и прозвища. Во многих случаях их невозможно разграничить: в описываемый период фамилии еще не имели правового статуса. Цель словаря – описать формирование фамилий в указанный исторический период, в условиях постоянно меняющихся границ Польши. В словарь включены личные имена, ставшие мотивирующей основой для фамилий, а также те имена и отчества, которые встречаются в текстах во второй позиции (после имени), поскольку они здесь выступают в качестве фамилии. Источники материала – метрические записи о крещении, венчании, погребении; гербовники, списки владельцев, служащих и др., хранящиеся в различных архивах, и региональные монографии.

Структура словарной статьи. В качестве заглавного слова обычно выступает общелитературный инвариант имени. Диалектные формы становятся заглавным словом в том случае, если они отражены в современных фамилиях или зафиксированы в большинстве письменных источников. Далее приводятся: 1) данные о самом раннем упоминании в письменных источниках и сведения о фиксации фамилии в других польских антропонимических словарях (с указанием числа носителей); 2) все флексии, встречающиеся в сочетании с данной антропонимической основой, и примеры употребления; 3) география и хронология распространения фамилии; 4) функции употребления данного антропонима (позиция в контексте и примеры употребления); 5) сведения о носителях фамилии (социальный статус, профессия, функция, герб, этническая принадлежность); 6) данные о частотности фамилии (исходя из количества упоминаний в источниках); 7) словообразовательная и этимологическая интерпретация антропонима. После каждой буквы алфавита представлен перечень фамилий, зафиксированных в источниках, но без мотивирующих имен, со сведениями о хронологии и географии.

А. А. Макарова

***Mrózek Robert.* Słownik motywacyjny antroponimów przezwiskowych socjolektu młodzieżowego. – Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2007. – 200 s.**

«Мотивационный словарь прозвищных антропонимов молодежного социолекта» содержит около 10 тыс. статей (омонимичные прозвища с различной мотивацией рассматриваются в одной словарной статье). В словарь включены только те прозвища, мотивация которых известна, поскольку, по мнению автора, главная цель мотивационного словаря прозвищных антропонимов – способствовать этимологизации фамилий. Материал словаря собран путем анкетного опроса городских и сельских микрогрупп дошкольников и учащихся младших и средних классов на территории южной Польши в 1990–2005 гг.

Словарь состоит из двух приблизительно равных частей: в первой рассматриваются прозвища, мотивированные апеллятивами, во второй – именами собственными (отфамильные и отыменные прозвища, а также прозвища, возникшие в результате метафорическо-метонимических переносов онимов разных разрядов).

А. А. Макарова

Onomastica Uralica. 4: Borrowing of Place Names in the Uralian Languages. – Debrecen, Helsinki, 2007. – 224 c.; Onomastica Uralica. 5. – Debrecen, Helsinki, 2007. – 172 c.

Четвертый, англоязычный, выпуск «Onomastica Uralica» полностью посвящен топонимике. В статье *Р. Л. Питкянен* исследуется отражение финско-шведского билингвизма в географических названиях. Автор перечисляет типы заимствованных имен, указывает их возможные адаптации, предлагает методику выявления субстратной топонимии. *Л. Балоде* и *О. Бушс* публикуют первую часть своего словаря латвийских гидронимов финно-

угорского происхождения. К словарному принципу построения статьи прибегает и *О. А. Теуш*, анализируя финские географические термины в топонимии Русского Севера. Статья *Я. Саарикиви* посвящена уральскому субстрату в микротопонимии Архангельской области. Автор рассматривает целый ряд исторических, семантических, этимологических и других вопросов, возникающих при изучении полиэтничных и пограничных территорий. *А. К. Матвеев* опубликовал небольшую, но чрезвычайно содержательную статью о саамских топонимах Русского Севера. Саамский субстрат за пределами России стал объектом анализа в статье *А. Айкио*. *И. И. Муллонен* исследует топонимию бассейна реки Свирь, разграничивающей поселения карелов, вепсов и русских. Завершает выпуск заметка *О. Корхонена* о названии шведского городка Йоккмокк.

Пятый выпуск меньше по объему, но разнообразнее по тематике. Кроме того, в нем есть статьи как на английском, так и на русском языке. Большинство материалов написано венгерскими учеными: *И. Хоффманном*, *Ш. Матичаком*, *И. Ньиркосом* и др. Это отчеты о прошедших конференциях, биографии, некрологи, рецензии, а также самостоятельные теоретические работы, в частности «К этимологическому исследованию гидронимов (на мордовском материале)» *Ш. Матичака* и «Возможности исследования древних топонимов, его прошлое и перспективы» *И. Хоффманна*. Отечественную науку в сборнике представляет *Т. Н. Дмитриева*, которая в своей статье рассматривает целый ряд обозначений разных типов озер в хантыйских диалектах и приводит примеры их использования при создании географических названий.

А. В. Калинин

Rutkowski M. **Nazwy własne w strukturze metafory i metonimii. Proces deonimizacji. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2007. – 278 s.**

Работа Мариуша Рутковского – это первая на польском материале обстоятельная и исчерпывающая монография о вторичном, метафорическом и метонимическом, использовании имен собственных, нарушающем их первичные денотативные связи. Автор точно и убедительно определяет свою позицию относительно основных для данной темы вопросов: В чем суть имен собственных? Какие свойства имен собственных обусловливают возможности их метафорического и метонимического использования? Каким изменениям подвергаются имена собственные в процессах метафоризации и метонимизации? Каковы условия, причины и механизмы этих процессов? Во всех этих вопросах позиция автора основательно продумана и взвешена, опирается на глубокую эрудицию.

Книгу отличает высокий уровень осмысления, превосходное теоретическое построение, удачная композиция, ясность и точность изложения. Она затрагивает важные вопросы и может заинтересовать широкий круг лингвистов.

Из рец. проф. Ч. Косыля
(опубл. на 4-й стр. обложки книги)

2008

Гаджиахмедов Н. Э. **Личные имена кумыков: традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика. – Махачкала: ООО Дагпресс Медиа, 2008. – 184 с.**

Монография д-ра филол. наук, проф. ДГУ Н. Э. Гаджиахмедова посвящена комплексному анализу антропонимической системы современного кумыкского языка. В ней исследуются исторические и культурные традиции, отразившиеся на формировании и развитии антропонимической системы современного кумыкского языка в условиях историко-культурной общности северокавказских этносов. Автор определяет факторы, которые оказали непосредственное влияние на язык и, соответственно, на антропонимикон кумыков.

В книге отражены также вопросы структуры и лексического наполнения тематического поля «антропоним»: мир природы в личных именах, «божественная зоология тюрков», «пти-

чьи» имена, теофорные имена и др. Не менее интересными представляются главы, посвященные этимолого-словообразовательному анализу личных имен кумыков.

Еще одна глава книги посвящена исследованию национально-культурного своеобразия личных имен кумыков, набора ментально-лингвальных ценностей, составляющих концептуальную область языка и соотносимых с понятием ментальности как способа видения мира.

М. Р. Багомедов

***Катермина В. В., Сидорова Л. И.* Антропонимика: теория и практика (на материале русского и английского языков): Учеб. пос. – Краснодар: КубГУ, 2008. – 120 с.**

Пособие посвящено важнейшим вопросам общей ономастики и антропонимики. Каждая глава включает соответствующий теоретический и практический материал, вопросы для самоконтроля и занимательную ономастику. В конце пособия имеется хрестоматия к каждому разделу с заданиями. Предназначается для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков.

***Мосин А. Г.* Исторические корни уральских фамилий. – Екатеринбург: Изд-во «Гощицкий», 2008. – 792 с.**

Настоящая книга – новый этап в работе автора по исследованию происхождения уральских фамилий. Акцент в ней ставится на строго очерченном социальном и региональном контексте бытования фамилий. Начиная с обсуждения общих предпосылок появления фамилий (и шире – трехчленной структуры именования) в России, автор затем сосредоточивается на собственно уральской специфике: выявляет исходные зоны переселенцев на Урал, сочетая и собственно «фамильные» свидетельства (*Вагины*, *Важенины* с Ваги, *Двинятины* с Двины, *Москвитины* из Москвы), и данные деловых документов; рассматривает вклад уральских народов (хантов, манси, коми, татар, башкир и др.) в создание уральского фамильного антропонимикона. В заключительной главе автор, характеризуя особенности образования фамилий у разных категорий населения развивающегося Урала, убедительно показывает, что их история тесно связана не только с историей государства, но и с особенностями колонизации на Урале XVI–XVIII вв. Значительную часть книги занимает приложение, в котором приведены фамилии Екатеринбургского уезда с краткой исторической справкой и другими необходимыми комментариями.

Новая книга А. Г. Мосина, без сомнения займет свое место на книжных полках всех, кто интересуется историей формирования русских фамилий.

А. И. Завацкая

***Митрошкина А. Г.* Словарь бурятских личных имен. Опыт лингво-социально-локально-хронологического словаря. Ч. 1. – Иркутск: Иркут. гос. тех. ун-т, 2008. – 384 с.**

Цель словаря – отразить бурятский национальный антропонимикон, являющийся бесценным памятником культуры и истории бурятского народа. В основе словаря лежат полевые материалы, собранные во время экспедиций, проводимых автором в селах этнической Бурятии с начала 1950-х гг.; использовались также различные публикации и архивные источники. В словарь включены только так называемые первые имена, данные при рождении человека.

При толковании имен за основу бралось исходное слово в значении, учитывающем его антропонимические потенции, обусловленные культурой (религиозными воззрениями, контактами с другими народами). В словарь вошли и те имена, исходное значение которых выявить не удалось, поскольку они занимают свое место в составе именника. Общий объем словаря – более 5 тыс. имен, при этом в словник включены лишь те, которые, по мнению автора, наиболее ярко отражают национальный бурятский характер. Помимо толкования,

каждое имя сопровождается указаниями на его географическое распространение, отнесенность к тому или иному говору бурятского языка.

Специфика данного словаря в том, что он отражает принадлежность имени к определенному колену рода, соответствующему конкретному хронологическому периоду. В приложении к словарю даются краткие сведения о бурятских фамилиях.

Словарь адресован ономатологам и всем, кто интересуется бурятским этносом.

Р. Р. Хусаинова

Сироткина Т. А. **Категория этничности в русском языке (на материале Пермского края). – Пермь: ПГПУ, 2008. – 216 с.**

Этнонимы традиционно являются объектом исследования в ономастике. В монографии автор рассматривает этнонимию как функциональную систему, бытующую в социальной, языковой и жанровой среде, и использует когнитивный подход для ее изучения. Данный подход обусловлен тем, что язык неразрывно связан с его непосредственными носителями (человеческим коллективом, обществом), которые на уровне своего бытового сознания относят себя к определенному этносу. Наличие этнонима у возникшего сообщества людей служит проявлением самоидентификации.

Работа выполнена в русле лингвистического регионоведения, изучающего языковые явления, связанные с определенной территорией. Материалом исследования послужили этнонимы, содержащиеся в пермских текстах (деловых, научных, художественных).

Монография может использоваться в преподавании специализированных курсов по русскому языку и при составлении «Словаря пермских этнонимов».

О. М. Гареева

Дослідження з ономастики: Зб. наук. пр. пам'яті Олексія Сильвестровича Стрижака / НАН України, Ін-т укр. мови; редкол.: І. М. Железняк (відп. ред.) та ін. – Київ: Унів. вид-во ПУЛЬСАРИ, 2008. – 160 с. – (Бібліотека української ономастики).

Сборник, посвященный памяти известного ученого, выдающегося украинского ономаста О. С. Стрижака (1925–2006), открывается статьей *Ю. О. Карпенко* о научных заслугах О. С. Стрижака и небольшой заметкой об основных вехах его биографии и научной деятельности. Бóльшая часть публикаций связана с исследованием топонимии Украины в различных аспектах: словообразовательном (*Д. Г. Бучко*, *А. П. Собуцкий*), типологическом (*В. О. Горпинич*, *В. О. Яций*), этимологическом (*И. В. Ефименко*, *О. В. Иваненко*, *О. П. Карпенко*, *Л. А. Пономаренко*, *В. П. Шульгач*) и лексикографическом (*С. О. Вербич*, *И. М. Железняк*). Две статьи посвящены изучению фамилий (*А. В. Суперанская* и *М. Л. Худаш*). В конце сборника дан хронологический указатель научных трудов О. С. Стрижака.

А. А. Макарова

Студії з ономастики та етимології. 2008 / НАН України, Ін-т укр. мови; редкол. О. П. Карпенко (відп. ред.) та ін. – Київ: Університетське видавництво ПУЛЬСАРИ, 2008. – 296 с. – (Бібліотека української ономастики).

В очередномсборнике «Исследований по ономастике и этимологии» бóльшая часть публикаций раздела «Ономастика» посвящена изучению топонимии: *В. Л. Васильев* – о раннеславянской гидронимии русского Северо-Запада; *А. Заводный* – о названиях бассейна Рудавы; *С. О. Вербич*, *В. О. Яций*, *Я. П. Редьква* – об ойконимии разных областей Украины; *О. Л. Смаль* – о двух микротопонимах Киева. *Г. В. Воронич* пишет о кодификации географических названий, а *Ю. Гладкий* – о соотношении ономастики и исторической географии. В нескольких публикациях рассматривается проблематика, лежащая на стыке ойконимии и антропонимии (*И. М. Железняк*, *О. В. Иваненко*, *О. П. Карпенко*). Личные име-

на рассматриваются в работах *Л. А. Москаленко* (на материале чернобыльских говоров) и *Р. И. Осташа* (по письменным источникам XVII в.). Этимологической реконструкцией древних основ (на индоевропейском и праславянском уровнях) по ономастическим данным занимаются *Р. М. Козлова* и *В. П. Шульгач*.

В замыкающем сборник разделе размещены обзоры и рецензии на новые монографии и словари по ономастике, вышедшие в Германии, Чехии, Словакии, Белоруссии и России в 2001–2007 гг., а в четвертом – региональные материалы для составления словарей прозвищ жителей и словарей микротопонимов Украины, собранные преподавателями и студентами вузов.

А. А. Макарова

Acta onomastica. Ročnik IL. Vnováno k 70. narozeninám PhDr. Libuše Olivové-Nezbedové, CSc. – Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, 2008. – 387 s.

49-й выпуск ежегодника «Acta onomastica», издаваемого Институтом чешского языка АН ЧР под редакцией М. Гарвалика, посвящен 70-летию Л. Оливовой-Незбедовой. Сборник содержит 50 статей и кратких сообщений ученых-ономастов из Чехии, Словакии, Польши, Германии, Украины, Сербии и России. Представлены статьи по топонимии (в частности, рассматриваются такие маргинальные классы топонимов, как названия альпинистских троп, железнодорожных туннелей и др.; в целом преобладают статьи по микротопонимии отдельных территорий), антропонимии (особое внимание уделяется изучению прозвищ и неофициальных форм личных имен), эргонимии (названия трактиров) и прагмонимии (названия марок автомобилей, молочных продуктов и др.). Ряд исследований посвящен изучению ономастикона библейских текстов, а также сравнению славянских и еврейских антропонимов. Отдельный блок составляют статьи, в которых осуществляется анализ ономастической терминологии и отдельных ономастических понятий (в Чехии, Германии и России). Несколько публикаций сборника посвящены юбиляру: вступительная статья М. Гарвалика, библиография научных работ Л. Оливовой-Незбедовой за 1962–2007 гг., составленная М. Новаковой, и статья М. Кнапповой. Завершает сборник перечень публикаций и журналов, поступивших в редакцию «Acta onomastica» в 2008 г.

А. А. Макарова

***Krško J.* Hydronymia povodia Hrona. – Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, Fakulta humanitných vied, 2008. – 353 s.**

Монография словацкого ономаста Яромира Кршко посвящена исследованию гидронимии бассейна р. Грон (названия водоемов с проточной и стоячей водой). Работа выполнена в рамках проекта «Гидронимия Словакии», который в методологическом отношении следует принципам, принятым в международном проекте «Hydronymia Europaea».

В предисловии автор дает физико-географическую характеристику Грона и его притоков, приводит этимологию названия Грон, предложенную В. Шмилауэром, а также фиксации названия Грон в латинских, немецких и венгерских письменных источниках. На основании структурно-семантического анализа гидронимов Яромир Кршко делает вывод о том, что бóльшая часть названий проточных водоемов (49 %) мотивирована местными географическими названиями и лишь 10 % – особенностями гидрообъекта. Названия водоемов со стоячей водой, водопадов и источников чаще мотивированы характеристикой по местоположению (46 %) и несколько реже другими топонимами. Структурно-типологический анализ названий показывает, что значительная часть гидронимов имеет праславянское происхождение.

Основная часть монографии представляет собой словарь гидронимов, состоящий из двух частей: 1) названия рек и ручьев; 2) названия водоемов со стоячей водой, водопадов и источников. Структура словарной статьи традиционна: название водоема, информация о его мес-

тоположении, фиксации названия в письменных источниках (в соответствии с хронологией) и краткая этимологическая справка. Словарь сопровождается указателем всех названий в гидрографическом порядке (от устья Грона).

А. А. Макарова

Onomastica Slavogermanica. XXV / Hrsg. von Ernst Eichler. Red.: Grundhild Winkler // Abh. der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische klasse. Band 80. Heft 5. – Leipzig, 2008. – 432 s.

Серия «Onomastica Slavogermanica» – это результат совместного творчества немецких и польских коллег, первый сборник появился в 1965 г. Как следует из названия, серия посвящена славяно-германским языковым контактам, которые изучаются на ономастическом материале.

Аннотируемый том вышел в 2008 г. и содержит ряд статей топонимической проблематики, поднимающих широкий круг вопросов (статьи даются в алфавитном порядке имен авторов). Первой, после небольшого предисловия, написанного Эрнстом Эйхлером, в сборнике следует статья *Петера Анрейтера* (Peter Anreiter) «Судьба славянских носовых гласных в восточнотирольском ономастическом материале». Далее публикуется статья подготовившего настоящее издание *Эрнста Эйхлера* «Топонимия Саксонии и северной Богемии в сравнении». Две статьи публикует *Карлхейнц Хенгст* (Karlcheinz Hengst) «Трудные топонимы западной Саксонии» и «Размышления к объяснению чешского топонима *Хеб*». Далее следует статья *Малгожаты Ижиковской* (Małgorzata Iżykowska) «Опросы из Силезии для “Атласа языков” Георга Венкера и их значение для ономастики» (Георг Венкер – немецкий языковед второй половины XIX в.). Следующий автор, *Фритц Лохнер фон Хюттенбах* (Fritz Frhr. Lochner von Hüttenbach), выступает со статьей «Штирийские гидронимы славянского происхождения». Затем следуют статьи *Яны Матушовой* (Jana Matúšová) «О важнейших тенденциях и результатах германской и германо-богемской ономастики в Чехии» и *Вернера Мюльнера* (Werner Mühlner) «Древнеполабская лексика. Слова, открытые в топонимах славянской территории Эльбы-Балтийского моря». *Вольфганг Шпербер* (Wolfgang Sperber) выступает со статьей «Об именах и их диалектной основе в западной Верхней Лужице». *Юрген Удольф* (Jürgen Udolph) публикует статью «Бургундские имена у западных славян», отмечая, что именно под таким названием в 1933 г. опубликовал исследование М. Фасмер. Далее следуют две различные по тематике статьи *Вальтера Венцеля* (Walter Wenzel): этимологическая – «Нижнелужицкие топонимы в новом свете» и источниковедческая – «Значение церковных книг для нижнелужицкой топонимии и антропонимии». Затем публикуется статья *Грунхильда Винклера* (Grunchild Winkler) «Генетивные топонимы от славянских личных имен в Богемии». Завершает блок статей работа *Кристиана Цшишанга* (Christian Zschieschang) «Славяне и немцы между Эльбой и Дюбенер-Хайде. Вклад ономастики в историю языка». В статье исторической тематики рассматривается топонимический материал начиная с X в. н. э.

С. О. Горяев

2009

***Грачев М. А.* Русская воровская кличка: мифы и реальность. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2009. – 336 с.**

Монография М. А. Грачева посвящена исследованию такой малоизученной области, как криминальная ономастика. Воровская кличка – социально маркированный, наиболее устойчивый и распространенный элемент криминальной ономастики, фактически являющийся криминальным антропонимом. Материалом исследования послужили клички реальных представителей преступного мира, а также большое количество кличек, используемых в художественной литературе. Автором описывается история возникновения и формирования криминальной клички, определяется ее место среди других видов антропонимов (осо-

бенно соотношение с прозвищем и псевдонимом), анализируются способы образования воровских кличек и их структурные особенности, а также функции.

Работа адресована специалистам – лингвистам, ономастам, литературоведам, а также работникам органов внутренних дел и прокуратуры и тем, кто и интересуется языком криминального сообщества.

Н. А. Синица

Студії з ономастики та етимології. 2009 / НАН України, Ін-т укр. мови; редкол.: В. П. Шульгач (відп. ред.) та ін. – Київ: Довіра, 2009. – 318 с. – (Бібліотека української ономастики).

Сборник посвящен актуальным вопросам славянской ономастики и этимологии. Он содержит тексты докладов и сообщений, прозвучавших на очередном ономастическом семинаре (сентябрь 2009 г.), а также этимологическую интерпретацию апеллятивной лексики. В разделе «Ономастика» бóльшая часть публикаций посвящена изучению ойконимов разных областей Украины (*Ю. А. Абдула*, *С. О. Вербич*, *О. В. Иваненко*, *О. П. Карпенко*, *В. В. Котович*, *Я. П. Редьква*), в том числе в диахроническом аспекте (*Н. О. Бойко*, *И. В. Ефименко*, *В. П. Шульгач*, *О. В. Яций*). *Р. М. Козлова* исследует ойконимию Украины на общеславянском фоне. Структурно-словообразовательные особенности ойконимов и микротопонимов рассматриваются в статьях *З. О. Купчиньской*, *А. В. Лисенко*, *Н. Е. Михайличенко*, *О. М. Скляренко*, *О. И. Гулик* и *И. Б. Царалунга*. Осмысление теоретических проблем изучения ойконимов предлагается в публикациях *В. В. Лучика* и *М. М. Торчиньского*. В статье *А. В. Ковалевой* рассматриваются ойконимы, мотивированные гидрографическими терминами, а в статье *И. М. Нечитайло* – ойконимы, сохранившие рефлексы праславянских диалектизмов. Городская топонимия стала предметом исследования в работах *Л. Р. Осташ* (Львов) и *О. Л. Смаль* (Киев). Изучению оттопонимических прозвищ посвящена статья *М. Я. Наливайко*. Личные наименования в диахроническом аспекте рассматриваются в работах *С. М. Пахомовой* и *Н. М. Петрица*. История слова *Осада* / *осада* в украинском языке представлена в статье *Р. И. Осташа*.

Сборник, кроме того, содержит рецензии на новые ономастические издания, вышедшие на Украине, в Болгарии, России, Чехии, Словакии и США в 2006–2008 гг., а также региональные материалы, собранные для составления словарей прозвищ жителей и словарей микротопонимов Украины преподавателями и студентами вузов.

А. А. Макарова

Onomastica: pismo poświęcone nazewnictwu geograficznemu i osobowemu oraz innym nazwom własnym. Rocznik LIII / Red. A. Cieślikowa. – Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2008/2009. – 287 s.

Очередной выпуск польского ежегодника «Onomastica» посвящен Э. Жетельски-Фелешко, ушедшей из жизни в 2009 г.

В разделе «Статьи и материалы» представлены публикации польских исследователей по теории ономастики (*З. Пасек*, *К. Сковронек* – о названиях костелов и религиозных объединений в Польше; *М. Лучиньский* – о славянской теонимии), топонимии и антропонимии. Топонимы рассматриваются преимущественно в структурно-словообразовательном аспекте (*И. Нобис* – о польских географических названиях типа *Kolonisty*, *Komorniki*, *Parcelanci*, *Я. Сосновский* – о структуре названий рек в средней России XVI в.), антропонимы – в историко-хронологическом аспекте, на материале письменных памятников (*М. Стрыхарска-Бжезина* – об ономастиконе Саксонии, *М. Бёлик* о мужских именах камальдулов XVII в.). Лингвистический взгляд на исторические формы хозяйствования на территории Польши предложен в статье *К.* и *З. Жерхофферов*, написанной на материале лексики подсечно-огневого земледелия

в польских именах собственных. *И. Матущак* исследует тенденции в образовании современных женских именных форм. Особое место занимают публикации по литературной ономастике (*У. Кенщикова* – об уменьшительных и ласкательных личных именах в языке Ю. Словацкого; *И. Луц* – об ономастиконе произведений М. Мущерович).

Основную часть раздела «Рецензии, обсуждения и полемика» составляют рецензии на новые книги, сборники и словари по ономастике (главным образом, по топонимии и антропонимии), вышедшие в 2007–2008 гг. в Польше, Германии и Словакии. Также рецензируются периодические издания по ономастике, выходящие в Чехии («Acta onomastica») и России («Вопросы ономастики»), и первый номер нового ономастического журнала, изданного в Германии («Zunamen. Zeitschrift fьr Namenforschung»).

Раздел «Состояние ономастических исследований» открывается библиографией работ М. Малец, следующая статья посвящена юбилею Р. Шрамека. Здесь же опубликована аналитическая статья Я. Голаского о названиях, присвоенных Топонимической комиссией физиографическим объектам на западных и северных землях Польши. В конце ежегодника опубликованы отчеты об ономастических конференциях: XXIII Международном ономастическом конгрессе (Торонто, 17–22 августа 2008 г.), XIV Международном конгрессе славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.), XVI Общепольской ономастической конференции (Вроцлав, 24–26 сентября 2008 г.), Ономастической конференции в Познани (5–7 января 2009 г.).

А. А. Макарова

***Snoj Marko*. Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen. – Ljubljana: Modrijan: Založba ZRC, 2009. – 608 s.**

«Этимологический словарь словенских географических названий» открывается картой административно-территориального деления Словении с учетом основных диалектных групп. В словаре представлены этимологии 4 021 названия, что составляет 17 % всех топонимов Словении. В ходе этой работы автору удалось проинтерпретировать также 1 549 фамилий, встретившихся в составе топонимов. Источником материала стали топонимические словари Словении (их перечень приводится в предисловии), а также диалектные картотеки Словенского лингвистического атласа (хранятся в Институте словенского языка Словенской АН) и местные рукописные источники. Бóльшая часть словаря была написана в 1997–2000 гг., параллельно с работой над «Словенским этимологическим словарем» (*M. Snoj*. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 2003).

Словарь состоит из двух разделов. В первом представлены этимологии исконных географических названий (и связанных с ними имен собственных в Словении и за рубежом), во втором – этимологии некоторых иностранных названий. В этом разделе рассматриваются названия континентов, всех европейских и некоторых других крупных стран и их столиц, названия некоторых регионов, горных систем и морей, а также наиболее значительных народов и их групп.

Словарная статья имеет трехчастную структуру: документация, интерпретация, ссылки на литературу и примечания. В зоне документации указаны название, форма в родительном падеже, грамматические характеристики (род и число) и географические координаты объекта, обозначенного топонимом. Далее приводятся следующие сведения: 1) морфологические характеристики названия и его деривационного гнезда; 2) диалектные топонимические данные; 3) данные письменных памятников; 4) местные данные, особенно если предполагается источник в апеллятивной лексике; 5) топонимические легенды; 6) типологически сходные местные названия; 7) данные об аналогичных именах собственных в других языках. В интерпретационной части представлена этимология топонима. Словарь сопровождается алфавитным указателем всех проинтерпретированных топонимов (в том числе тех, на которые нет отдельных словарных статей).

А. А. Макарова

НОВЫЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ОНОМАСТИКЕ (2007–2009)*

2007[1]

1. Ляпидовская М. Е. Антропонимы в творчестве Н. С. Лескова (когнитив. и деривац. аспекты): Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. СПб., 2007. 22 с.

2008

1. Андреева Н. В. Функциональная семантика хрононимов в нарративном тексте (на материале соврем. нем. яз.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Волгогр. гос. ун-т]. Волгоград, 2008. 19 с.

2. Аринина Е. П. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Самар. гос. ун-т]. Самара, 2008. 19 с.

3. Дергилева Ж. И. Художественный антропонимикон в лингвокультурологическом представлении (на материале дилогии И. Ильфа и Е. Петрова "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок"): Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Белгор. гос. ун-т]. Белгород, 2008. 21 с.

4. Евсюкова О. Н. Топонимия города Магадана: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Моск. пед. гос. ун-т]. М., 2008. 22 с.

5. Згазинская О. Г. Концепты "Париж" и "Киммерия" в творчестве М. А. Волошина: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. Архангельск, 2008. 26 с.

6. Литовкина А. М. Концепт "Сибирь" и его эволюция в русской языковой картине мира: от "Сибирских летописей" до публицистики В. Г. Распутина: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [РУДН]. М., 2008. 20 с.

7. Лопатина К. В. Антропонимический мир в романах К. Х. Селы "Улей": Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Воронеж. гос. ун-т]. Воронеж, 2008. 23 с.

8. Малютенко И. Н. Ономастикон произведений И. С. Соколова-Микитова о деревне (на материале рассказов и повестей 1922–1929 гг.): Автореф. дис. канд. … филол. наук / [Орлов. гос. ун-т]. Орел, 2008. 19 с.

9. Манченко Е. С. Лингвокультурные и структурно-функциональные характеристики английских прозвищ: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Воронеж. гос. ун-т]. Воронеж, 2008. 15 с.

10. Маршева Л. И. Структурные и номинационные типы в диалектной топонимии Липецкой области: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / [Моск. пед. гос. ун-т]. М., 2008. 47 с.

11. Мельникова Ю. Н. Структурно-семантические особенности топонимов немецкого языка (диахрон. аспект): Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Белгор. гос. ун-т]. Белгород, 2008. 22 с.

---

* Указатель составлен на основе Летописи авторефератов диссертаций (Государственный библиографический указатель Российской Федерации. М., 2008. № 1–12; М., 2009. № 1–9) и материалов сайта www.phido.ru.

[1] Список авторефератов диссертаций за 2007–2008 гг. дополняет перечень, опубликованный в журн.: Вопр. ономастики. 2008. № 6. С. 183–185.

12. Мжельская О. К. Семантическая специализация и концептуализация заимствований (на материале ономаст. компонентов библейс. фразеологии): Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Алт. гос. ун-т]. Барнаул, 2008. 19 с.

13. Осипова Л. Ф. Фоносемантические особенности личных имен в татарском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т]. Елабуга, 2008. 22 с.

14. Пахомов В. М. Кавычки и смежные орфографические явления в сфере номинации: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова]. М., 2008. 22 с.

15. Самтакова К. Б. Топонимия юго-восточных районов Республики Алтай в сопоставлении с монгольскими топонимами: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Ин-т филологии СО РАН]. Новосибирск, 2008. 24 с.

16. Селиванова И. В. Деантропонимические апеллятивы в современном немецком языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Моск. пед. гос. ун-т]. М., 2008. 20 с.

17. Сивцова А. А. Имена собственные в лирике Н. И. Рыленкова: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Рос. гос. ун-т им. И. Канта]. Калининград, 2008. 24 с.

18. Чаукерова Г. К. Особенности функционирования сибирско-тюркского антропонимикона в условиях полиэтнического пространства (на материале личных имен татар и казахов Тюмен. обл.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Тобол. гос. пед. ин-т им. Д. И. Менделеева]. Тобольск, 2008. 22 с.

19. Щербак А. С. Когнитивные основы региональной ономастики: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / [Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина]. Тамбов, 2008. 46 с.

20. Юрьева И. А. Концепт “Россия” как фрагмент русской национальной картины мира периода XX – начала XXI в.: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Челяб. гос. пед. ун-т]. Челябинск, 2008. 23 с.

2009

1. Авдонина Л. Н. Лексическая объективация концепта “Петербург” в художественной картине мира А. Блока: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Воронеж. гос. ун-т]. Воронеж, 2009. 22 с.

2. Апанасенко Э. Г. Россия – Восток – Запад в зеркале русских этнонимов: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Дальневост. гос. ун-т]. Владивосток, 2009. 21 с.

3. Ахметзянова Л. М. Антропонимы в художественных текстах Д. Хармса: структурно-семантический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова (Ленина)]. Казань, 2009. 20 с.

4. Бирюкова О. А. Текстообразующие функции имен собственных в аспекте идиостиля: (на материале коротких англояз. рассказов XX в.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Нижегор. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова]. Н. Новгород, 2009. 24 с.

5. Галиуллина Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / [Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова (Ленина)]. Казань, 2009. 43 с.

6. Бугуева Н. В. Отантропонимическая деривация в русском и немецком языках (по лексикографич. источникам): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Урал. гос. пед. ун-т]. Екатеринбург, 2009. 22 с.

7. Дмитриева О. П. Ономастическое пространство Россошанского района Воронежской области: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Воронеж. гос. ун-т]. Воронеж, 2009. 19 с.

8. Зубкова Л. И. Русское имя второй половины XX в. в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / [Воронеж. гос. ун-т]. Воронеж, 2009. 40 с.

9. Исламова Ю. В. Субстратная топонимия Нижне-Среднего Приобья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Сургут. гос. пед. ун-т]. Сургут, 2009. 24 с.

10. Исмаилова Э. И. Рутульская топонимия: структурно-семантический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН]. Махачкала, 2009. 26 с.

11. Калинина Е. Л. Особенности адаптации субстратных топонимов в концептосфере языка-приемника (на материале ойконимов Амур. обл.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Алт. гос. ун-т]. Барнаул, 2009. 14 с.

12. Кисель О. В. Коннотативные аспекты семантики личных имен: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Челяб. гос. ун-т]. Челябинск, 2009. 24 с.

13. Коптякова Е. Е. Образ Германии в российской и американской медиакартинах мира: стереотипы и метафоры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Урал. гос. пед. ун-т]. Екатеринбург, 2009. 23 с.

14. Кузьмина М. И. Имя собственное *Валаам* в индивидуальной языковой картине мира (на материале путевых очерков рус. писателей конца XIX – нач. XX в.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского]. Н. Новгород, 2009. 25 с.

15. Озтюрк Л. И. Русская отойконимическая лексика Республики Татарстан: деривационный и лингвографический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Казан. гос. ун-т]. Казань, 2009. 18 с.

16. Покровская М. Е. Системно-функциональный анализ лексических средств номинации в этнонимике (на материале англ. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Воен. ун-т]. М., 2009. 17 с.

17. Полякова Н. А. Топология поэтической ономастики (на материале англ. литературы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. М., 2009. 26 с.

18. Попова Е. И. Личное имя в коммуникативном аспекте (на материале обращений в студенч. среде): Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Смол. гос. ун-т]. Смоленск, 2009. 21 с.

19. Постникова О. А. Антропонимическая символика в англоязычной культуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. СПб., 2009. 21 с.

20. Правдикова А. В. Микротопонимия как отражение картины мира (на материале англ. лит. XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Волгогр. гос. пед. ун-т]. Волгоград, 2009. 19 с.

21. Робустова В. В. Антропонимическое прозвище в когнитивно-функциональном аспекте (на материале англояз. худож. произведений XX–XXI вв.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. М., 2009. 25 с.

22. Тимиров Р. Р. Тюркская топонимия Ингальской долины: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Тобол. гос. пед. ин-т им. Д. И. Менделеева]. Тюмень, 2009. 26 с.

23. Файзуллина И. И. Ономастическое поле прагматонимов современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Башк. гос. ун-т]. Уфа, 2009. 26 с.

24. Фоменко О. С. Прагматонимы-глобализмы: лингвистический статус и функциональная специфика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Волгогр. гос. пед. ун-т]. Волгоград, 2009. 23 с.

25. Черникова Е. М. Имена собственные в жанре семейных родословных: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Белгор. гос. ун-т]. Белгород, 2009. 23 с.

26. Шарифуллина Л. В. Историко-лингвистический анализ топонимов бассейна реки Уй – притока Иртыша: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Тобол. гос. пед. ун-т им. Д. И. Менделеева]. Тобольск, 2009. 21 с.

27. Шостка Е. С. Прозвища Тамбовской области: языковой и социокультурный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина]. Тамбов, 2009. 22 с.

А. А Макарова, аспирантка кафедры русского языка
и общего языкознания Урал. гос.ун-та им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Георгий Мартынович Керт

27 сентября 2009 г. на восемьдесят седьмом году жизни скончался Георгий Мартынович Керт – старейший сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, заслуженный деятель науки КАССР и РФ, доктор филологических наук, кавалер ордена Отечественной войны I степени и медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Г. М. Керт внес значимый вклад в изучение северной топонимии в России, был членом Совета по топонимии РАН, руководителем федеральной приоритетной темы «Компьютерный банк топонимии Севера России».

Воин, ученый, педагог, открытый и добрый человек, Георгий Мартынович навсегда останется в памяти знавших его людей.

Юрий Александрович Карпенко

12 декабря 2009 года ушел из жизни выдающийся ученый-лингвист, член-корреспондент Академии наук Украины Юрий Александрович Карпенко, доктор филологических наук, профессор Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова, основатель и бессменный руководитель Одесской ономастической школы. Его книги «Топонимия Буковины» (1973) и «Названия звездного неба» (1981) известны каждому ономатологу бывшего Советского Союза и стали необходимым и значительным вкладом в развитие ономастической мысли. Ю. А. Карпенко был руководителем, оппонентом, рецензентом многих и многих диссертаций по ономастике, добрым советчиком и генератором ономастических идей. Именно таким запомнят его современники.

Алексей Львович Шилов

8 ноября 2009 г. на пятьдесят восьмом году жизни после непродолжительной болезни скончался Алексей Львович Шилов, доктор химических наук, один из крупнейших отечественных ученых в области физико-химии и технологии гидридов переходных металлов и интерметаллических соединений и в то же время страстный собиратель и исследователь топонимии России, чьи этимологические заметки всегда с интересом встречались специалистами-ономатологами и этимологами. Алексей Львович был членом Московского центра Русского географического общества, бессменным участником практически всех ономастических конференций, на которые успевал вырваться из цепкого круга своих «химических» занятий, постоянным автором журнала «Вопросы ономастики». Сегодня мы предоставляем слово тем, кто хорошо знал Алексея Львовича по его трудам на лингвистическом поприще.

* * *

Алексей Львович Шилов. Как органично он, доктор химических наук, ведущий научный сотрудник Института общей и неорганической химии, вошел в топонимику! С первых докладов в Московском центре Русского Географического общества, с первой книжки «По Суне плыли наши челны» (1993), адресованной «любознательным туристам», Алексей Львович покорил нас: потрясающая эрудиция и тонкая интуиция, великолепное, практическое знание предмета (названия Русского Севера), какое-то научное бесстрашие (Шилов не боялся спорить с авторитетными исследователями и подвергать сомнению то, что многие считали очевидным) и живая, образная речь. Названия Карелии – *Ойнегайне*, *Юманишко*, *Суопасальми* – у него «осязаемо вкусны», а вопросы, которые он так любил задавать себе и другим, побуждают к размышлениям: «Что еще за крест на пороге *Кивиристи*?»; «В каких языках могло появиться слово *кортома*?»; «Стоит ли безоговорочно отвергать финно-угорские истоки *Волги*?»

Когда под угрозой срыва оказалась работа над топонимическим словарем Москвы, мы призвали на помощь Шилова. И во многом именно благодаря таланту, энергии, удивительной работоспособности Алексея Львовича вышла книга «Улицы Москвы. Старые и новые названия». Оказалось, что старым именам Москвы полезен новый, порой дерзкий взгляд. Узкие рамки словаря, конечно, не вместили изысканий А. Л. Шилова – и появился целый

цикл интереснейших и спорных публикаций: «Москва… как много в этом звуке» (Рус. речь. 1997. № 2); «Битца и Гвоздянка» (Там же. 2002. № 6); «Окраины Москвы: от Аминьева и Бескудникова до Чертанова и Ясенева»; «Кадаши и Бараши: миф и реальность» (Там же. 2003. № 3, 4); «Московская Болвановка» (Там же. 2004. № 3); «Образ Русского Севера на улицах Москвы» (Там же. 2006. № 4); «Поклонная гора» (Там же. 2007. № 1); «Топонимические свидетельства языческого прошлого Москвы» (Вопр. ономастики. 2006. № 3).

Алексей Львович так любил работать с историческими материалами – архивными материалами, летописями, берестяными грамотами – и трудно представить, что теперь он сам стал частью истории… Но нет, такой живой человек не может уйти в архив! Мы будем помнить, и соглашаться, и спорить…

Т. П. Соколова, канд. филол. наук,
доц. кафедры общего языкознания
Московского пед. гос. ун-та

* * *

Весной 2005 г. в Москву из Гамбурга приехал Е. А. Хелимский и вскоре сообщил, что встретился в Институте общей и неорганической химии им. Н. С. Курнакова РАН на Ленинском проспекте с А. Л. Шиловым, который «угощал его эньгами» – отнюдь не шаньгами или подобной едой, а своими идеями относительно происхождения, можно сказать, знаменитого гидроформанта *Унья*, представленного в гидронимах «от бассейна Верхней Волги до Фенноскандии» [Шилов, 1998, *108*][1]. Вероятно, между ними имела место дискуссия – но теперь об этом спросить уже не у кого, а тогда как-то не довелось.

Крупный ученый-химик, Алексей Львович Шилов занял заметное место среди отечественных топонимистов и этимологов, о чем красноречиво говорят хотя бы его регулярные публикации на соответствующие темы в нашем ведущем (не забыть сказать: рецензируемом) лингвистическом журнале «Вопросы языкознания». Одну из своих крупных публикаций в нем он специально посвятил проблеме упомянутого гидроформанта [см.: Шилов, 1998], и эта работа в полной мере демонстрирует особенности, если так можно выразиться вслед за А. П. Непокупным, «поэтики» научных трудов Шилова. Сюда можно отнести прежде всего бóльшую, нежели обычно в трудах гуманитариев, основательность, фундаментальность (идущую, возможно, от опыта работы в столь развитой науке, как химия), полноту охвата всех аспектов проблемы – включая как лингвистические, так и историко-культурные и географические. Привлечение обширного нового материала и его смелая, всегда оригинальная, незаемная трактовка – не менее важные особенности трудов А. Л. Шилова как топонимиста. В разных его публикациях сказывается при этом незаурядное практическое знание географии Северо-Запада России (Карелии и др.), где он знал, как казалось, каждый топонимический объект. Из более специфических особенностей работ Алексея Львовича можно отметить еще «задиристость», критический настрой (более характерный, впрочем, для его устного узуса) – иногда, пожалуй, несколько чрезмерный, как это проявилось при разборе этимологии гидронима *Нева* [см.: Шилов, 2009], предложенной В. С. Кулешовым и поддержанной Е. А. Хелимским.

Упомянутые и другие особенности трудов А. Л. Шилова, во многом выдающихся, обеспечат этим трудам долгую жизнь даже в тех случаях, когда выводы автора не убеждают

[1] Автору этих строк тоже довелось однажды побывать в химическом Институте у А.Л. Шилова, но в этом случае угощение отнюдь не свелось к одним только «эньгам».

специалистов. В частности, остается дискуссионным происхождение форманта -*Vньга*. Обосновываемое А. Л. Шиловым его возведение к гипотетическому чудскому **eŋgə* ‘река’, видимо, не стало окончательным решением проблемы. Но судя по последующим ее обсуждениям [см.: Хелимский, 2006; Матвеев, 2007], «угощаться эньгами» исследователям придется еще и еще.

Труды А. Л. Шилова заняли видное место в отечественной топонимике, исторической лексикологии и этимологии, в том числе в исследованиях берестяных грамот, которыми он немало занимался в последние годы («очень этот материал затягивающий» – так сказано в его письме от 31 марта с. г. автору этих строк). Его труды остаются заинтересованным читателям, но горько сознавать, что их перечень больше не расширится. И еще горше ощущать утрату этого неповторимого, яркого человека, в котором все близко знавшие его потеряли надежного друга.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. III. Екатеринбург, 2007.
Хелимский Е. А. Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопр. ономастики. 2006. № 3. С. 38–51.
Шилов А. Л. Топонимия Карелии в аспекте проблем субстратной топонимии Русского Севера: к происхождению гидроформанта -*ен(ь)га* // Вопр. языкознания. 1998. № 3. С. 107–114.
Шилов А. Л. Несколько комментариев к первому выпуску нового «Русского этимологического словаря» // Русский язык в научном освещении. 2009.

А. Е. Аникин, д-р филол. наук, член-корр. РАН,
зав. сектором русского языка Ин-та филологии
Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

* * *

Алексей Львович Шилов появился в среде исследователей топонимии севера вдруг и ниоткуда. Когда лет пятнадцать назад он прислал нам в институт свою небольшую книжечку «По Суне плыли наши челны…», мы не знали о нем ничего: откуда он, почему интересуется топонимикой, да еще карельской? Но книжка, несмотря на некоторую экзотичность, запомнилась. Был в ней необычный для кабинетного ученого взгляд на объекты называния. Уже познакомившись ближе, поняли, чем он объясняется: Алексей Львович смотрел на Карелию с воды, он знал и любил ее благодаря многочисленным байдарочным маршрутам. И если сухопутный топонимист видел в *Половине* поселение на полпути от Петрозаводска до Пряжи, то при взгляде с воды оказалось возможным связать название деревни с коленом (карел. *polvi*), которое река делала у деревни.

Лет десять назад появилось несколько статей А. Л. Шилова в «Вопросах языкознания». Уже сам факт их публикации в главном российском лингвистическом журнале свидетельствовал о профессионализме автора, пришедшего в топонимию как любитель, но быстро ставшего в ней серьезным специалистом. В этих статьях много ценных и интересных наблюдений, брошенных на ходу – автор как будто спешил выплеснуть на читателя все богатство топонимического мира, поделиться с ним своими находками и спешить дальше, потому что столько топонимических ребусов предстоит еще решить. Но меня покорили не они, а небольшая публикация в не очень известном издании об истоках новгородской Вишеры (из чудского **višera* ‘зеленый’), покорила фонетической безупречностью этимологии, убедительными параллелями из топонимических систем других языков, а самое главное – своей простотой и изяществом трактовки. Каждый топонимист знает: чем этимология проще, естественнее,

тем она вернее. Может быть автору помогало именно то, что, сам пройдя многие северные реки, он умел встать на позицию тех, кто когда-то присваивал названия лесным озерам, непредсказуемым рекам, бурным порогам.

В академическом сообществе не так часто встречаются такие яркие, увлеченные, такие непохожие на других личности, каким был наш коллега. Читал въедливо, не давал спуску неточностям, небрежностям. Но одновременно умел слушать и принимал позицию оппонента. Обладал исключительной памятью, что помогало держать в голове многочисленные северные топонимы и их интерпретацию, если таковая была высказана раньше. Читал и знал все, что написано коллегами. Об этом свидетельствуют списки литературы к публикациям. При этом радовался находкам коллег как своим. Был человеком очень увлекающимся. На одной из топонимических конференций в Екатеринбурге выступил с идеей делать топонимический словарь Карелии и предложил тридцать первых статей. Конференции с его участием превращались в увлекательные дискуссии, потому что ни одно выступление не оставляло его безучастным. Боюсь, здесь заменить его будет некому.

Нам будет его не хватать в нашем не столь уж многочисленном топонимическом сообществе. Мы будем скучать по его неожиданным топонимическим этимологиям, методическим находкам, его фантазиям на почве любимой им саамской топонимии, по его азарту и неугомонности.

И. И. Муллонен, д-р филол. наук,
директор Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)

Научное издание

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ
2009. № 7

Редакторы *Е. Ф. Васюта*
Л. А. Феоктистова
Редактор перевода *Е. В. Шабалина*
Корректор *Л. А. Феоктистова*
Компьютерная верстка *Л. А. Феоктистова*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-0310 от 15.07.05.
Учредители: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2;
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

План выпуска 2009 г., поз. 38.
Подписано в печать 28.12.2009. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$.
Уч.-изд. л. 13,2. Усл. печ. л. 11,9. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ .

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

СТАТЬИ

Лома А. Из топонимии древней Скифии – в поисках страны будинов

Кузьмин Д. В. К проблеме бытования формантов *-ngV/-н(ь)гV* в топонимии Карелии

Шилов А. Л. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот

Шипкова М. Словарь микротопонимов Моравии и Силезии: теоретический и интерпретационный аспекты

Чижмарова Л. О методологических принципах работы над «Словарем микротопонимов Моравии и Силезии»

Атрошенко О. В. О проекте «Словаря русских народных хрононимов»

СООБЩЕНИЯ

Цыпанов Е. А. Клички собак в коми языке

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы

Международная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (*Е. Л. Березович*)

IV Чешская ономастическая конференция «Многообразие и специфика ономастики» (*А. А. Макарова*)

XVI Общепольская ономастическая конференция «Имена собственные и общество» (*Б. Афельтович*)

Книжная полка

Библиография работ А. Л. Шилова (*А. А. Макарова*)

Из истории ономастики

У истоков казахской ономастики (*Г. Б. Мадиева*)

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Требования к авторскому оригиналу

• Авторский оригинал предоставляется в электронной версии (на дискете или электронной почтой) с одной распечаткой текста. Параметры: Word 6.0/7.0 (формат *doc* или *rtf*), шрифт *Times New Roman*, кегль основного шрифта – 14-й, сносок – 12-й, интервал – 1,5, абзац 0,7 (установка через меню: *Формат – Абзац – Отступ – Первая строка 0,7*).

• Примечания – подстрочные, нумерация сквозная.

• Библиографические ссылки – затекстовые (алфавитный список). Форма связи ссылки с основным текстом – с помощью фамилии автора (названия книги) и года издания (страницы, если это прямая цитата) в квадратных скобках.

• При наличии в статье авторских сокращений после списка литературы приводится их перечень.

• Языковой иллюстративный материал выделяется в тексте работы курсивом. Для выделения лексического значения используются одинарные кавычки (‘’), при цитировании – угловые («»), смысловые выделения можно подчеркнуть.

• Объем статей – до 1 уч.-изд. (авт.) листа (40 000 знаков).

• Резюме на русском и английском языках (от 500 до 1 000 знаков, считая пробелы); ключевые слова (не более 10).

Оформление библиографических ссылок

Оформление ссылок с помощью фамилии автора и года издания может различаться для разных видов цитируемых изданий. Например:

• Книга или статья одного, двух авторов: [Степанов, 1989, *28*]; [Мамонтова, Муллонен, 1991, *52*].

• Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенного индекса к году (как в самой ссылке, так и в списке литературы): [Михайлов, 1993а, *101*].

• Сборник, коллективный труд, словарь, атлас и т. д. (в том числе – сокращенное название): [Уральские имена, *73*], [МДС, *81*], [ААЕ, *9*].

• Архивные материалы: [ГААО, ф. 198, оп. 7, д. 68, *22*] – курсивом выделен лист документа, все остальные элементы ссылки (указание на фонд, опись, дело) даются сокращенно и разделяются запятой.

• Карты, словники, картотеки и т. п. – с помощью сокращенного названия: [КСГРС].

• Многотомные издания и издания из нескольких выпусков: [СРНГ, 12, *270*].

• Перечень библиографических ссылок дается в конце статьи в алфавитном порядке. Для сокращенных названий сначала приводится аббревиатура, а затем полное описание работы.

Общие правила

• К статье прилагаются краткие сведения об авторе (ФИО, место работы, должность и ученое звание, почтовый адрес, телефон, при наличии – электронный адрес).

• Статьи, уже опубликованные или направленные автором в редакции других журналов, не принимаются.

• Статьи не рецензируются и не возвращаются.

• Редколлегия письменно извещает автора о решении, касающемся публикации статьи.

• Денежное вознаграждение за публикацию не предусматривается.

Адрес редколлегии и редакции журнала

• 620000, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, редакция журнала «Вопросы ономастики». Электронный адрес: fasmer@yandex.ru.

• Электронная версия журнала размещается на сайтах:
Института русского языка им. В. В. Виноградова – htpp://www.ruslang.ru./agens.php?id=onomastica,
научной библиотеки УрГУ – htpp://elar.usu.ru/handle/1234.56789/786.